ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

2.2005

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2005, №2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия:

К.Н.САНУКОВ (главный редактор)
С.С. Сибатрова (зам. главного редактора)
Т.Л.Молотова (отв. секретарь)
И.Г.Иванов
Л.Е.Кириллова
В.Г.Кудрявцев
Н.И.Кульбаева
С.Лаллукка
Н.Ф.Мокшин
Т.Б.Никитина
А.Н.Ракин
Л.С.Христолюбова

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© **МарНИИЯЛИ им. В.М.Васильева,** г.Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие делегатам и гостям X Международного конгресса финно-угроведов 3
Сануков К.Н. Работа и итоги X Международного конгресса финно-угроведов 6

СТАТЬИ

Казимов А.С. Научный потенциал на службе народу (к 75-летию МарНИИЯЛИ) 15
Ruotsala H. Reindeer herding in transition – the role of the women in reindeer herding 27
Куликов К.И. Т.А. Крюкова – ученый и человек 38

СООБЩЕНИЯ

Игнатов М.Д. Пограничко-межевая коми топонимия 72
Тимофеева Н.В. Средства экспрессивности марийской волшебной сказки 89
Кириллова Р.В. Образы-символы в романе Кедра Митрея «Тяжкое иго» и в поэмах М.П. Петрова «Наташа» и «Италмас» 104
Шутова Н.А. О методике интегрированного обучения удмуртскому и русскому языкам 112

ПЕРСОНАЛИИ

Веришинин В.И. Славный юбилей профессора И.С. Галкина 117
Галкин И.С. Трудные, но радостные годы 130
Попов Н.С. В.А. Акцорин и марийская фольклористика (к 75-летию со дня рождения) 136

РЕЦЕНЗИИ

Изыкин В.В. Рец.: Материалы по финно-угроведению в зарубежных информационных центрах: Библиографический указатель / Сост. И.В. Краснов. Йошкар-Ола: МарГУ, 2005. 252 с. 150
Сабитов С.С. Рец.: Марий калык ойпого: Калыкмут-влак – Свод марийского фольклора: Пословицы и поговорки / Сост. А.Е. Китиков. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 208 с. 153

ХРОНИКА

Федосеева Н.А. Презентация книги «Песни горных мари» 156
Калинина О.А. Межрегиональный семинар-практикум «Сохранение национальной нематериальной культуры как средство целостности государства и духовной безопасности» 158
Кузьминых С.В., Соловьев Б.С., Старостин П.Н., Чижевский А.А. Памяти Владимира Николаевича Маркова 161
Сведения об авторах 171

«Финно-угроведение», 2005, № 2.

ПРИВЕТСТВИЕ ДЕЛЕГАТАМ И ГОСТЯМ X МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ФИННО-УГРОВЕДОВ

Уважаемые делегаты и гости
X Международного конгресса финно-угроведов!

Примите наши самые искренние поздравления по случаю открытия очередного X Международного конгресса финно-угроведов.

Выражаем твердую уверенность, что этот представительный форум пройдет под знаком плодотворной научной работы, послужит делу дальнейшего развития уникального мирового сообщества и упрочению взаимопонимания между народами.

Марий Эл является неотъемлемой частью финно-угорского мира. Идя в ногу с мировой цивилизацией, республика не теряет при этом самобытной марийской культуры, сохраняет язык, традиции и обычаи коренной нации, делает все возможное для улучшения жизни людей.

Такую линию действий мы будем проводить в жизнь и впредь, чтобы укреплять межнациональное согласие, добрые уважительные отношения между народами. В этом видим свой святой долг как истинные патриоты Отечества, малой родины – Марий Эл.

Выражаем надежду, что международный форум в Йошкар-Оле откроет еще одну яркую страницу в финно-угроведении, станет заметным событием в мировой научной жизни, стимулирует новые исследования и открытия, оставит приятные впечатления от встреч.

С уважением,
Президент Республики Марий Эл **Л.И. Маркелов**

Председатель Государственного
Собрания Республики Марий Эл **Ю.А. Минаков**

Главный федеральный
инспектор по Республике Марий Эл **И.С. Татаринова**

«Финно-угроведение», 2005, № 2.

X ТЎНЯМБАЛ ФИНН-УГОР КОНГРЕССЫН ДЕЛЕГАТШЕ ДЕН УНАЖЕ-ВЛАКЛАН САЛАМЛЫМЕ МУТ

X Тўнямбал финн-угор конгреесын пагалыме делегатше ден унаже-влак!

Уло кумылын тендам X Тўнямбал финн-угор конгрессым почмо дене саламлена!

Ме пенгыдын ўшанена: тиде кугу форум чапле шанче лектышым конда, шкешотан тўнямбал калык ешым умбакыжат виянгдыме корныштo эше ик ошкылым ончыко ышта, калыкла коклясе ваш-умылымаш кылым палынак чоткыдемден колта.

Марий Эл – финн-угор тўнян ойыраш лийдыме ик ужашыже. Тўнямбал цивилизаций дене тўр ошкылын, республикына марий калыкнан шкешотан тўвыражым, илыш-йўлажым, койыш-шоктышыжым огеш йомдаре, калык илышым эре саемден шогаш манын, чылажымат ышта.

Тыгай корным ме умбакыжат кучаш тўнгалына: калык-влак коклаште келшымаш кылым виянгден шогаш, икте-весым пагален, ваш умылен илаш, поро пошкудо семын пырля илышнам чакемден шогаш. Лач тыште ме чумыр кугу элнан, шочмо Марий кундемнан чын патриотшо семын шкенан ончыклыкнам ужына да тидым тўнг сомылна семын ончена.

Ўшанена: Йошкар-Оласе тўнямбал форум финн-угор шанчыште эше ик волгыдо лаштыкым почеш, тўнямбал шанче илышыште пале событий семын кодеш, у шымлымашым тарваташ кумылангда, у шонымаш-влакым шочыкта, шанче илышыште поро шарнымашым кода.

Пагалымаш дене,
Марий Эл Республикын Президентше **Л.И. Маркелов**

Марий Эл Республикын
Кугызаныш Погын Председательже **Ю.А. Минаков**

Марий Эл Республикыште
Тўнг федеральный инспектор **И.С. Татаринова**

«Финно-угроведение», 2005, № 2.

GREETINGS TO THE DELEGATES AND QUESTS OF THE TENTH INTERNATIONAL CONGRESS OF FINNO-UGRIC STUDIES

Dear delegates and quests of the Tenth International Congress of Finno-Ugric Studies!

Please accept our sincere greetings on the occasion of the opening of a regular International Congress of Finno- Ugric Studies.

We are finnly convinced that this representative forum will be characterized by fruitful discussions and will serve the cause of further developing this unique world commu- nity and strengthening mutual understanding among nations.

Mari El is an integral part of the Finno-Ugric world. While keeping pace with world civilization the republic is trying to preserve original Mari culture, the language, traditions and customs of the indigenous population, is doing everythitlg to improve the life of the people.

We are going to pursue this policy in future in order to strengthen interethnic concord, good respectful relations among nations. We consider it our sacred duty as true patriots of our Motherland, of the native land called Mari El.

We hope that the Tenth International Forum in Yoshkar-Ola will open another bright page in Finno-Ugric studies, will become an important event in world scientific life, will stimulate new research and discoveries, will leave pleasant memories.

Yours respectfully,
President of the Republic of Mari El — **Leonid I. Markelov**

Chairman of the State Assembly of the Republic of Mari El — **Yuri A. Minakov**

Chief Federal Inspector of the Republic of Mari El — **Irina S. Tatarinova**

«Финно-угроведение», 2005, № 2.

Ксенофонт Сануков
Йошкар-Ола

РАБОТА И ИТОГИ X МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ФИННО-УГРОВЕДОВ

Финно-угроведение – комплексное научное направление, занимающееся изучением языков, культуры, истории финно-угорских (шире – уральских, включая самодийские) народов, имеет давние традиции международных связей, сотрудничества, встреч. Особенно важное значение приобрели международные конгрессы финно-угроведов – МКФУ (Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum – CIFU), проводящиеся с интервалом в пять лет поочередно в странах с финно-угорским населением. Первый такой научный форум был проведен в 1960 году в Будапеште, второй – в 1965 году в Хельсинки, третий – в 1970 году в Таллинне, четвертый – в 1975 году в Будапеште, пятый – в 1980 году в Турку, шестой – в 1985 году в Сыктывкаре, седьмой – в 1990 году в Дебрецене, восьмой – в 1995 году в Ювяскюла, девятый – в 2000 году в Тарту. Каждый из них означал новый этап в развитии широкого общественного движения по всестороннему изучению родственных народов, новый шаг в развитии финно-угроведения.

На девятом МКФУ было принято предложение марийской делегации по согласованию с правительством Республики Марий Эл о проведении десятого Международного конгресса финно-угроведов в 2005 году в городе Йошкар-Ола. Его президентом был избран доктор филологических наук, профессор Марийского государственного университета Юрий Владимирович Андуганов, работавший тогда заведующим кафедрой финно-угорских языков МарГУ, затем возглавлявший Институт языка, истории и культуры народов Югры Югорского государственного университета (г. Ханты-Мансийск).

15–21 августа 2005 года в Йошкар-Оле, столице Республики Марий Эл, состоялся юбилейный десятый Международный конгресс финно-угроведов. Как и прежде, к такому крупному научному мероприятию был проявлен большой интерес научной общественности. Было подано более 700 заявок из 22 стран. На конгрессе приняли участие около 600 участников из 16 стран (некоторые из числа подавших заявки и включенных в программу по разным причинам не приехали в Йошкар-Олу). Как всегда, самыми представительными (30–40 человек) были делегации из Венгрии, Финляндии, Эстонии. На таком же количественном уровне были представлены ученые Удмуртии, Коми, Мордовии, Карелии, Ханты-Мансийского округа, где ведутся крупные исследования на современном уровне. И, конечно, самое большое количество участников (более 200) было из Республики Марий Эл. Во всех делегациях можно отметить оптимальное сочетание маститых ученых и молодой перспективной научной смены.

Общественность и правительство Республики Марий Эл восприняли решение Международного комитета конгрессов финно-угроведов о проведении CIFU–10 в Йошкар-Оле на базе Марийского государственного университета как большое доверие и огромную ответственность. Сразу же был сформирован и начал работу секретариат конгресса. Затем были образованы Республиканский оргкомитет во главе с Заместителем Главы Правительства РМЭ Л.А. Гараниным и рабочая группа МарГУ, которую возглавил ректор университета В.И. Макаров. Коллективными усилиями этих органов с привлечением ведущих ученых университета в качестве экспертов велась вся подготовительная работа. Поскольку страной проведения CIFU–10 являлась Россия, то решением Правительства Российской Федерации был создан Российский оргкомитет. Проведение конгресса рассматривалось как событие общероссийского значения.

К началу конгресса осуществлены значительные публикации научной литературы. Вышли в свет коллективная монография МарНИИ «Марийцы», материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов, библиографический справочник И.Г. Иванова и В.Н. Васильева «Марийские лингвисты», библиографический указатель И.В. Краснова «Материалы по финно-угроведению в зарубежных информационных центрах» и другие книги. В библио-

теке Марийского государственного университета участники конгресса могли ознакомиться с обширной выставкой новой литературы по финно-угроведению, изданной в разных странах и регионах России на различных языках.

Открытие МКФУ–10 состоялось 15 августа в здании Марийского национального театра драмы им. М. Шкетана. Его работу открыл кратким вступительным словом председатель республиканского оргкомитета Л.А. Гаранин. Участники и гости конгресса минутой молчания почтили память трагически погибшего незадолго до этого форума президента конгресса Ю.В. Андуганова.

С приветственным словом к участникам Международного конгресса обратился Президент Республики Марий Эл Л.И. Маркелов. Он отметил, что в зале собралась научная элита финно-угорского мира и от нее зависят динамика складывающихся отношений как внутри этого сообщества, так и взаимодействие с другими государственными и национальными образованиями в мире. Проведение настоящего конгресса в Йошкар-Оле является признанием роли и значения Республики Марий Эл в научном изучении родственных народов и вообще в развитии финно-угорского общественного движения. Президент заверил, что правительство Республики Марий Эл стремится и впредь будет стремиться к тому, чтобы Йошкар-Ола стала подлинным центром финно-угорского сообщества России.

На конгрессе были зачитаны приветствия его участникам от имени председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ С. Миронова, председателя Государственной Думы России Б. Грызлова, министра культуры и массовых коммуникаций Правительства РФ А. Соколова, Полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе С.В. Кириенко. С теплыми словами, адресованными ученым и организаторам научного форума, обратились член Совета Федерации Н. Дементьева, депутаты Государственной Думы С.К. Смирнова и В.Я. Комиссаров, главный федеральный инспектор по Республике Марий Эл И.С. Татаринова, председатель Международного консультативного комитета финно-угорских народов В.П. Марков, председатель Государственного Собрания РМЭ Ю.А. Минаков.

Ректор Марийского государственного университета профессор В.И. Макаров приветствовал участников конгресса от имени коллектива университета, рассказал об истории и сегодняшней жизни

учебного заведения, его научном потенциале, научных школах, о большой подготовительной работе, проведенной для того, чтобы десятая встреча ученых прошла успешно во благо наших народов и способствовала упрочению достойного места финно-угорского сообщества в мире.

Кроме официальной части по торжественному открытию конгресса, в первый день состоялось одно пленарное заседание. На нем с обстоятельным докладом «История и роль международных конгрессов финно-угроведов» выступил участник всех конгрессов, крупный венгерский ученый, профессор Петер Домокош (Будапешт). Он охарактеризовал все предыдущие научные форумы и показал, как от встречи к встрече рос авторитет и научный вес конгрессов, происходило расширение тематики и объекта исследования от узколингвистических тем к всестороннему широкому изучению проблем языка, культуры, истории родственных народов. В качестве комментатора-содокладчика по этому докладу выступил Генеральный секретарь CIFU–10 Ксенофонт Сануков (Йошкар-Ола).

16–17–18 августа работа конгресса начиналась двумя пленарными (или межсекционными) заседаниями, проходившими параллельно. Одно из них посвящалось проблемам лингвистики, второе – другим научным направлениям. С докладами выступили: Габор Берецки (Будапешт) – «Взаимосвязи языков волжско-камского ареала» (комментатор Иван Галкин, Йошкар-Ола), Сиркка Сааринен (Хельсинки) – «Категория имени и система послелогов в волжских языках» (комментатор Ларс-Гуннар Ларссон, Упсала), Тыну Сейленталь (Тарту) – «Роль Пауля Аристэ в финно-угристике» (комментатор Иван Иванов, Йошкар-Ола); Валерий Патрушев (Йошкар-Ола) – «Современное состояние и перспективы финно-угорской археологии в России (комментатор Иштван Фодор, Будапешт), Татьяна Девяткина (Саранск) – «Итоги изучения фольклора финно-угорских народов России», Ильдико Лехтинен (Хельсинки) – «Глобализация и традиционная культура: повседневность как коллективная память». Полные тексты пленарных докладов (кроме Сейленталя) опубликованы отдельным томом к началу конгресса.

В эти же три дня после пленарных заседаний работали секции. На конгрессе их было организовано 25. По сложившейся традиции, больше всего была представлена лингвистика. Это и естественно, так как финно-угорский мир – это, прежде всего, языковое родство.

Языковеды работали в 11 секциях:

1. Праязыковая реконструкция и проблемные вопросы уралистики.

2. Контакты уральских языков с другими языками.

3. Фонетика и фонология уральских языков.

4. Морфология и морфонология уральских языков.

5. Морфосинтаксис и синтаксис уральских языков.

6. Лексикология и лексикография.

7. Синтаксическая стилистика и семантика.

8. Ономастика и ономасиология уральских языков.

9. Проблемы развития и функционирования литературных языков.

10. Диалектология уральских языков.

11. Преподавание уральских языков в школе и вузе.

По фольклористике и этнологии было организовано 7 секций:

1. Сохранение и развитие аутентичного фольклора уральских народов.

2. Традиционная культура уральских народов в современном социокультурном контексте.

3. Музыкальный фольклор: типология жанров и стилей.

4. Финно-угры: особенности общественного развития и этнического самосознания (теория и практика).

5. Материальная культура и традиционный образ жизни уральских народов. Женщина, семья, семейные отношения.

6. Мифология и традиционная религия уральских народов.

7. Этнокультурные и религиозные ценности финно-угорских народов: общее и особенное. Культурные контакты и их динамика.

Работа литературоведов проходила в 3 секциях:

1. История литератур уральских языков.

2. Национальное мировосприятие и его воплощение в литературе уральских народов.

3. Литература уральских народов на рубеже XX–XXI вв.

По проблемам археологии, антропологии и этнической истории работали 4 секции:

1. Этническая история финно-угорских народов в XVI–XIX вв.

2. Этническая история финно-угорских народов в XX веке.

3. Финно-угорские народы на рубеже XX–XXI вв.

4. Археология и антропология.

Как видно из этого перечня, обсуждению на секциях подверглся обширный круг вопросов, относящихся к различным сторонам прошлой и современной жизни уральских (финно-угорских и самодийских) народов. Кроме того, было представлено 39 стендовых докладов (постер-докладов) по различной тематике.

Для обсуждения специфических, более узких дискуссионных, вопросов на конгрессе были организованы 4 симпозиума и 4 «круглых стола», которые работали параллельно с секциями.

Симпозиумы:

1. Проблемы модернизации у финно-угорских народов. (Руководители: Хелена Руотсала, Ильдико Лехтинен).

2. Г.Ф. Миллер и изучение уральских языков (к 300-летию со дня рождения). (Руководитель Евгений Хелимский).

3. Система Н.И. Ильминского и национальное пробуждение в Среднем Поволжье. (Руководитель Сеппо Лаллукка).

4. Религиозный синкретизм в жизни современных финно-угорских народов. (Руководитель Виктор Соловьев).

«Круглые столы»:

1. Уральская ономастика. (Руководители: Иштван Гоффманн, Шандор Матичак).

2. Традиционная культура и современная жизнь в музеях. (Руководитель Ильдико Лехтинен).

3. Теоретические и практические вопросы исследования национальных меньшинств (на примере уральских народов). (Руководитель Ксенофонт Сануков).

4. Доступность информации по финно-угроведению в современном мире. (Руководитель Йохана Лилья).

Всего на пленарных заседаниях, секциях, симпозиумах, «круглых столах» и в виде постер-докладов на конгрессе были представлены и обсуждены 550 докладов. Они затрагивали важные проблемы развития языка и культуры финно-угорских и самодийских народов, их истории и современного этнического состояния. Характеризовать их в такой обзорной журнальной статье по персоналиям нет возможности, да и необходимости. Кроме пленарных докладов, двумя томами изданы поступившие в срок в секретариат конгресса тезисы секционных выступлений. А в последующем будет осуществлена публикация в нескольких томах материалов секций, симпозиумов, «круглых столов», выступлений на пленарных заседаниях

при открытии и закрытии конгресса. Конечно, как обычно бывает на таких крупных научных форумах с большим количеством участников, доклады имеют различный научный уровень раскрытия заявленных проблем. Но в целом в них представлены результаты исследований (во многих случаях – многолетних) и отдельных ученых, и научных коллективов. Все они вместе будут способствовать продвижению вперед во всестороннем изучении родственных народов.

И еще одна важная сторона и значение подобных крупных научных форумов заключается в неформальных встречах, дружеских беседах и иногда острых спорах и дискуссиях в кулуарах, в установлении научных контактов, обмене научной литературой. Такое человеческое общение имеет огромное значение. Некоторые по этому поводу даже считают, что неформальное общение значит больше, чем участие в официальных заседаниях. Как бы то ни было, для развития науки важно и то, и другое. И десятый Международный конгресс финно-угроведов в Йошкар-Оле в этом отношении предоставил все возможности для обогащения научного багажа и дальнейшего расширения и углубления исследований родственных народов.

Целый день 19 августа был отведен экскурсиям по районам Марий Эл. Гости побывали группами в Звениговском, Горномарийском, Моркинском, Медведевском, Оршанском районах и могли ознакомиться с историческими и природными достопримечательностями, посетить учреждения культуры, посмотреть выступления коллективов художественной самодеятельности, просто общаться с различными категориями жителей республики.

20 августа на заключительном пленарном заседании был прочитан коллективный доклад «Развитие финно-угроведения в Республике Марий Эл на современном этапе» (авторы Галина Бояринова, Иван Галкин, Силантий Сабитов, Ксенофонт Сануков).

Перед закрытием конгресса на заключительном пленарном заседании председатели национальных комитетов финно-угроведов Финляндии, Эстонии, Венгрии, Швеции, России – Сиркка Саариnен, Тыну Сейленталь, Иштван Фодор, Ларс-Гуннар Ларссон, Анатолий Ракин – выступили с выражением благодарности устроителям и организаторам CIFU–10 за высокий уровень проведения Международного конгресса, за возможность объективно ознакомиться с ситуацией в республике, с жизнью марийского народа.

На состоявшемся накануне заседании Международного комитета конгрессов финно-угроведов принято решение о проведении очередного XI конгресса в 2010 году в Венгрии, в городе Пилишчаба, на базе местного Католического университета. Традиционно президентом предстоящего конгресса избирается представитель страны и университета, где будет проводиться научный форум. Такими полномочиями наделен профессор Шандор Чуч, хорошо известный своими исследованиями в области уралистики. Он от имени венгерской делегации выразил благодарность Международному комитету за принятое решение и пригласил ученых приехать через пять лет в Пилишчабу и принять активное участие в предстоящем научном форуме. Пятидесятилетие международных конгрессов финно-угроведов будет отмечаться в стране, в которой они стартовали, начали свою историю.

Десятый Международный конгресс финно-угроведов в Йошкар-Оле завершился и занял свое место в истории финно-угорского научного сообщества. Он показал, что традиции научного исследования родственных народов стали прочными, получили всеобщее признание. Современное финно-угроведение занимается широким историко-культурным изучением народов, объединенных языковым родством и общим происхождением. Их жизнь во всех проявлениях, их языки, материальная и духовная культура, моральные нормы и эстетические ценности в историческом и географическом измерении – все это представляет огромный интерес, требует научного осмысления в меняющемся мире. Конгресс в Йошкар-Оле сыграл в этом свою роль и дал новый стимул для дальнейшего развития финно-угорских исследований.

Ksenofont Sanukov

THE WORK AND THE RESULTS OF THE Xth INTERNATIONAL CONGRESS OF FINNO-UGRISTS

The author of the article is the general secretary of the Xth International Congress of Finno-Ugrists. He describes briefly the history of organizing International Congresses of Finno-Ugrists. On the IXth International Congress of Finno-Ugrists it was decided to organize the Xth Congress in Yoshkar-Ola. There is an analysis of the work of 11 sections, 4 round table talks and 4 symposiums in the article. The decisions, which were taken during the congress are shown as well. According to the decision of the international committee of International Congresses of Finno-Ugrists the XIth International Congress of Finno-Ugrists will take place in 2010 in the city of Piliscsaba (Hungary).

«Финно-угроведение», 2005, № 2.

СТАТЬИ

Александр Казимов
Йошкар-Ола

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НА СЛУЖБЕ НАРОДУ (к 75-летию МАРНИИЯЛИ)

75-летие Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М.Васильева по времени совпало с 85-летием нашей республики. И это дает хороший повод, чтобы окинуть взором пройденный путь. Развитие гуманитарных научных исследований происходило в неразрывной связи со становлением и развитием Автономии марийского народа, с социально-экономическим и культурным развитием республики. 75 лет – не столь уж большой срок в истории, но для научной жизни он значителен: за это время институт внес серьезный вклад в развитие гуманитарных исследований, в изучение истории, языка, литературы марийского народа, в подготовку высококвалифицированных научных кадров. В достижениях ученых МарНИИ отражались глубокие перемены в социально-экономическом, культурном и духовном развитии Республики Марий Эл. Главное общественно-политическое предназначение деятельности ученых нашего института – содействовать укреплению народного единства, развитию дружбы и братских отношений с другими народами, населяющими республику и всю нашу многонациональную страну.

Первое десятилетие Марийской автономии было периодом, заполненным созданием административно-хозяйственных структур и механизмов ее реализации, обеспечением задач социально-экономического развития марийской государственности. В 20-е годы страна залечивала раны, нанесенные мировой и гражданской войнами, ре-

волюционными событиями, восстанавливала разрушенное хозяйство и вставала на рельсы социалистического строительства. Естественным образом создав фундамент строительства нового общества, государство приступило к созданию надстроечных государственных институтов. И образование нашего института было объективно закономерным шагом. Оно исходило из самой сути национально-государственного строительства и политики государства в сфере культурного развития страны. Дело это было новое. Никогда в стране до этого не было специализированных национальных научных структур. Могли быть созданы малые Академии наук во всех национально-территориальных образованиях РСФСР, могло появиться множество узкоспециализированных институтов по различным отраслям знаний.

Научное строительство пошло по пути создания комплексных научно-исследовательских центров в каждом национально-территориальном образовании всех республик Советского Союза.

Одновременно с Марийским научно-исследовательским институтом были образованы такие же институты в других автономных республиках и областях.

Наш институт был учрежден 4 августа 1930 года, а торжественное его открытие состоялось 1 октября того же года на первом расширенном заседании Ученого Совета. И вот уже 75 лет сохраняется добрая традиция торжественно отмечать дни рождения института на расширенном заседании Ученого Совета. Казалось бы, совсем недавно институт торжественно отметил 70-летие со дня образования. Прошло пять быстротечных лет, наполненных важными созидательными делами как в жизни республики, так и в жизни нашего коллектива.

Особенностью научно-исследовательской работы является то, что, решая повседневные научные задачи сегодняшнего дня, мы одновременно закладываем фундамент для будущих исследований. Таким образом, все научные результаты, которые мы получаем сегодня, были предопределены результатами изысканий наших предшественников. Наиболее трудные задачи выпали на долю первопроходцев, на долю тех, кто начинал. Институт стал первым научным учреждением в республике и на начальном этапе имел более широкий спектр научных интересов, чем имеем мы сегодня. Научно-исследовательская работа в то время охватывала практически все сто-

роны жизни, что вытекало из потребностей экономического, социального и культурного развития Марийской Автономной Области. Квалифицированные ученые-специалисты в МАО практически отсутствовали, поэтому научные исследования в институте, наряду с местными кадрами, вели ученые Казани, Москвы, Ленинграда, Нижнего Новгорода. Становление института связано с именем первого директора, известного общественного деятеля, ученого-краеведа, писателя Владимира Алексеевича Мухина и с именем первого ученого секретаря, видного ученого В.П. Мосолова, ставшего позднее академиком, вице-президентом ВАСХНИЛ; они наметили основные направления исследовательской работы, заложили научные традиции, создали систему подготовки квалифицированных научных кадров.

Институт стал родоначальником многих ведомственных научных подразделений, когда из числа научных направлений были выведены экономические и естественно-научные направления и переданы в ведение отраслевых учреждений. Напомню, что в мае 1931 года в Йошкар-Оле открылся Агропединститут, а в январе 1932 года в Йошкар-Олу из Казани был переведен Поволжский лесотехнический институт (ПЛТИ), в 1932 же году была открыта Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа, открыт Марийский областной институт повышения квалификации кадров народного образования (с 1939 года – институт усовершенствования учителей).

Гуманитарная научная специализация института определилась в основном к концу 30-х годов. Он был назван институтом социалистической культуры (МарНИИСК) в составе секторов языка, литературы, истории и искусства.

Такие перемены в институте были продиктованы расширением задач социального и культурного развития республики.

Предвоенные годы памятны нам как годы жестоких репрессий, унёсшие жизни тысяч безвинных людей, среди которых были наиболее талантливые и образованные представители марийской интеллигенции. Репрессии нанесли сильнейший удар по квалифицированным кадрам практически всех отраслей, в том числе по работникам науки. Среди безвинно пострадавших был и первый директор МарНИИ В.А. Мухин.

Великая Отечественная война прервала процесс становления и развития института. Многие научные сотрудники ушли на фронт,

героически защищали Отечество. На полях сражений сложили свои головы Ефремов Г.З., Першуткин П.Г., Лашманов П.И., Каликаев М.М. В течение двух лет, с августа 1941 по август 1943 года, институт был временно закрыт. После возобновления деятельности института в структуре научных подразделений работали секторы: языка, литературы и фольклора, искусства, истории и этнографии. Несмотря на большие трудности, которые испытывала республика, на отсутствие специалистов, большую текучесть кадров, научный коллектив МарНИИ решал поставленные задачи. Огромную помощь институту оказывали ведущие специалисты из научных центров Москвы и Ленинграда, осуществляя научное руководство исследовательских тем и обучая кадры марийских ученых, которые занимались сбором этнографических и фольклорных материалов, составляли словарные картотеки, исследовали архивные фонды, изучали народное искусство.

Послевоенные годы характеризуются подъёмом общего уровня научно-исследовательских работ, чему способствовало пополнение рядов научных сотрудников МарНИИ молодыми учеными, прошедшими подготовку в аспирантурах Москвы, Ленинграда, Казани. Увеличилось количество издаваемых научных трудов, формируются авторские коллективы, приступившие к подготовке фундаментальных исследований по основным научным направлениям деятельности института.

В 50–60-е годы были достигнуты значительные результаты в разработке важнейших вопросов марийской филологии и истории. В тесном творческом содружестве со специалистами Маргосединститута и гуманитарных кафедр ПЛТИ были подготовлены и вышли в свет крупные коллективные исследования: «Очерки истории Марийской АССР» (1 т. – 1960 г., 2 т. – 1965 г.), «Очерки истории марийской литературы» (1 т. – 1960 г., 2 т. – 1963 г.), «Русско-марийский словарь» (1966 г.), «История грамматики марийского языка» (1 т. – 1964 г., 2 т. – 1966 г.).

В 70-е годы были изданы: «Орфографический словарь марийского языка» (1972 г.), «История марийского литературного языка» (1975 г.), целый ряд монографий по языкознанию, литературоведению, истории, археологии, этнографии, фольклору.

В институте ежегодно проводились научные экспедиции: археологическая, фольклорная, музыкально-фольклорная, этнографичес-

кая, по прикладному искусству и другие. В 70-е годы в институте начали осуществляться конкретные социологические исследования.

Сотрудники института принимали активное участие в работе международных, всесоюзных и региональных научных конференций. Инициатором и организатором многих из них явился МарНИИ. Материалы, подготовленные научными сотрудниками института, вошли в многотомные издания институтов Академии наук СССР. Всего к 1980-му году институтом было опубликовано более 200 научных изданий. Плодотворный труд ученых в связи с 50-летием открытия МарНИИ был высоко оценён Правительством страны. В январе 1981 года за заслуги в исследовании марийского языка, литературы и истории, развитии просвещения и культуры институт был награждён орденом «Знак Почёта». В июле 1983 года Совет Министров РСФСР присвоил МарНИИ имя В.М. Васильева – видного деятеля марийской культуры и просвещения, первого ученого-мари.

Последующие годы отмечены разработкой и изданием коллективных трудов и фундаментальных монографий по всем научным направлениям деятельности института. Вышли в свет «История Марийской АССР» в 2-х томах (1 т. – 1986 г., 2 т. – 1987 г.), «История марийской литературы» (1989 г.), «Изобразительное искусство МАССР» (1992 г.) и многие другие. Были изданы первые тома «Словаря марийского языка», «Свода марийского фольклора».

Важным событием в научной жизни было создание в 1994 году Научного центра финно-угроведения (НЦФУ), целью которого стала координация исследований по этнической истории, языкознанию, а также изучение материальной и духовной культуры финно-угорских народов в Волго-Уральском регионе. За время его работы под руководством НЦФУ одновременно в нескольких республиках проведены межрегиональные исследования по актуальным научным проблемам: «Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века», «Фонетический фонд финно-угорских языков», «Межнациональные отношения в регионах, населенных финно-уграми» и другим.

НЦФУ издает журнал «Финно-угроведение», являющийся практически единственным периодическим изданием в России, посвященным проблемам финно-угроведения.

Окрепла и материальная база института. К 50-летнему юбилею институт перешел в новое здание, где размещается и сегодня. Увеличилось количество научных сотрудников, больше стало дипло-

мированных специалистов, лучше стала оснащенность научной оргтехникой. В трудные для всей страны и для республики годы кризиса конца XX века институт сумел сохранить научные кадры и продолжить тематические научные исследования.

В настоящее время в круг основных направлений деятельности института входит:

– использование научных результатов в народном хозяйстве, общественно-политической работе и культурном строительстве;

– координация исследовательских работ в республике по истории, археологии, этнографии, филологии и социологии;

– издание научных и научно-популярных работ по марийскому языку, литературе, фольклору, искусству, истории, археологии, этнографии, социологии в виде монографий и тематических сборников;

– собирание и публикация научного и культурного наследия в области филологии и истории, организация для этой цели как комплексных, так и специальных научных экспедиций;

– оказание практической помощи органам управления республики, творческим союзам, учреждениям культуры и образования;

– организация и проведение всероссийских, региональных и республиканских научных, научно-практических, научно-методических конференций и симпозиумов.

При определении приоритетов и перспектив научных исследований необходимо исходить из понимания того, что современные научные исследования в области гуманитарных наук требуют выхода на новый качественный уровень, определяемый, в первую очередь, актуальностью и социальной значимостью тематики. В фундаментальных научных исследованиях точки прогресса размещаются на стыке наук, осваивать их можно только совместными усилиями ученых разных специальностей.

Развитие научно-исследовательских работ в ближайшем будущем предполагает отказ от мелкотемья, повышение актуальности и практической значимости научной проблематики, научного уровня выполняемых исследований и улучшение качества издаваемых научных трудов.

Важнейшим направлением деятельности ученых института была и остается задача собирания и сохранения богатейшего традиционного культурного наследия народа. Археологические, этнографи-

ческие, фольклорные и другие памятники культуры марийского народа не должны бесследно кануть в Лету, исчезнуть навсегда. И это задача не только ученых – это общая наша обязанность.

На рубеже нового тысячелетия МарНИИ проводит исследовательские работы по широкой и актуальной тематике, имеющей важное значение для дальнейшего развития культуры и образования, для укрепления патриотических традиций в жизни населения республики.

С 1995 года в институте действует экспериментальная археологическая лаборатория по сохранению, реставрации и консервации археологических материалов. В содружестве со специалистами-металловедами, химиками и физиками МарГТУ сотрудники лаборатории разрабатывают методики и технологии сохранения и восстановления предметов из металла, древней утвари, украшений. Ежегодно удается восстановить почти первозданный облик нескольких десятков древних металлических изделий, которые способны украсить любую музейную или выставочную экспозицию. Данное направление научных исследований является новаторским и, несомненно, имеет широкую перспективу.

Неотложной задачей является активизация деятельности Марийской археологической экспедиции (которой, кстати, в будущем году исполняется 50 лет) и расширение сотрудничества МарНИИ с Министерством культуры в сфере сохранения и исследования историко-культурных памятников.

Большую и значимую работу проводят филологи института: завершено издание толкового «Словаря марийского языка» в 10-ти томах, выходят в свет тома «Свода марийского фольклора». Важное значение имеет работа по переводу на электронные носители материалов по фольклору, этнографии, искусству, истории и языку из рукописных фондов научной библиотеки.

Все большую актуальность не только в научных исследованиях, но и в целом в жизни республики, приобретают социологические исследования. Для страны, развивающейся по демократическому пути, это вполне естественно. Отдел социологии МарНИИ, работающий в соответствии с научными требованиями к организации социологических исследований и анализу полученных результатов, снискал своей работой уважение и доверие широких кругов населения и органов власти всех уровней.

Известность и высокую оценку не только в научных кругах, но и среди населения получили научные труды последних лет, подготовленные ветеранами науки Галкиным Иваном Степановичем, Китиковым Александром Ефимовичем, Никитиным Валерием Валентиновичем, такими крупными специалистами, как Никитина Татьяна Багишевна, Молотова Тамара Лаврентьевна, Кудрявцев Владимир Геннадьевич и многими другими.

Правительство Республики Марий Эл придает важное значение деятельности нашего института, оказывает всемерную поддержку и помощь творческим усилиям ученых, направленным на сбережение и развитие исторического и культурного наследия марийского народа.

Пять лет назад мы вступили в новое тысячелетие. Этот рубеж совпал с обновлением республики. Кардинально изменилась политика руководства республики. Остановилось кризисное падение экономики, произошли коренные изменения в социальной политике. Серьезные положительные сдвиги произошли, как следствие, и в жизни нашего института. Началось стабильное финансирование научной деятельности института, укрепление материальной базы, рост заработной платы. Если сравнить показатели 2000 года с сегодняшними, то мы увидим огромную разницу. Например, на научные командировки в 2000 году было израсходовано всего 5,6 тыс. рублей, а в 2004 году – 98 тыс. рублей. На научные экспедиции в 2000 году было выделено всего 1,7 тыс. рублей, а в 2004 году – 137 тыс. рублей. На издание научных трудов в 2000 году было выделено 45,3 тыс. рублей, а в 2004 году – 523 тыс. рублей. И так по всем показателям. Средняя заработная плата научных сотрудников составляла в 2000 году всего лишь около 1 тыс. рублей. Сейчас она составляет 3 тыс. рублей. За эти годы произведен капитальный ремонт кровли здания института, отремонтировано крыльцо, установлена новая охранная сигнализация, в институт проведено горячее водоснабжение, полностью заменены сантехника, стулья, существенно пополнился компьютерный парк и мебель, оборудован и функционирует музей, приобретена современная оргтехника.

В основе социальной политики Правительства республики стоит задача: создание нормальных условий для высокопроизводительного труда научных работников. Осуществляя эту задачу,

руководство института и впредь будет улучшать условия труда научных сотрудников, всех работников института, добиваясь высоких, качественных результатов научно-исследовательской работы.

Научные сотрудники, из которых большая часть представлена дипломированными специалистами, кандидатами и докторами наук, работают по тематике индивидуальных планов научно-исследовательской работы, разрабатывают разделы коллективных трудов, пишут статьи и монографии. Ежегодный рукописный объем научной продукции превышает 100 авторских листов. Ежегодный объем научных изданий института за период с 2001 года в среднем приближается к 200 печатных листов.

В 2005 году вышел в свет последний 10-й том уникального издания «Словаря марийского языка» толкового типа, который является фундаментальным научным трудом, не имеющим аналогов в нашей многонациональной стране. Издание появилось в 1990 году, в последние годы ежегодно издавался очередной том. Возобновлено издание серии «Свод марийского фольклора». Вышел в свет первый том новой серии «Этнографическое наследие», посвященный календарным праздникам марийцев. Продолжено издание серии сборников статей «АЭМК – Археология и этнография Марийского края», всего издано 27 сборников, отдел социологии выпустил первую книгу из серии «Молодежь Республики Марий Эл».

Всего за последние пять лет институтом издано свыше 50 научных трудов общим объемом около 900 печатных листов. Все они получили высокую оценку специалистов и научной общественности. Двое научных сотрудников стали лауреатами Государственной премии Республики Марий Эл за 2002–2003 годы, это Никитина Т.Б. и Молотова Т.Л.

Широкую известность и самую высокую оценку специалистов получили фундаментальные работы отделов: археологии – монографии Никитиной Т.Б. «Марийцы в эпоху средневековья», Соловьева Б.С. «Бронзовый век Марийского Поволжья», Большова С.В. «Средневолжская абашевская культура», Никитиной Т.Б. и Никитина В.В. «К истокам марийского искусства», этнологии – межрегиональная коллективная монография «Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья», подготовленная к изданию Молотовой Т.Л., ею также опубликована монография «Традиционное марийское ткачество». В нынешнем году отделом этнологии

издан капитальный научный труд – коллективная монография «Марийцы», литературы – «Пословицы и поговорки» Китикова А.Е., «Песни горных мари» Акцорина В.А. и Юадарова К.Г., «Художественный мир современной марийской поэзии» Манаевой-Чесноковой С.П., «Поэтический мир В.Колумба» Васинкина А.А., искусства – монография Мамаевой М.Н. «Полифония в марийской музыке», Кудрявцева В.Г. «Деревянное зодчество марийцев», Кульбаевой Н.И. «Артисты Марийского театра», истории – «Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья», социологии – материалы фундаментальных социологических исследований «Межнациональные отношения в Республике Марий Эл» и «Религиозное сознание населения Республики Марий Эл», языка – изданы 6, 7, 8, 9, 10 тома толкового «Словаря марийского языка», «Топонимика Республики Марий Эл» Галкина И.С., подготовлены к изданию новые «Правила орфографии и пунктуации марийского языка» и новый «Орфографический словарь марийского языка».

В 2004 году институт издал «Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов».

Научные сотрудники института, тесно взаимодействуя с коллегами из других регионов страны, опубликовали множество статей, стали авторами разделов в научных изданиях других финно-угорских республик, в изданиях многих научных центров страны, в изданиях нашей республики. В качестве соавторов, научных редакторов и научных консультантов сотрудники института участвовали в подготовке республиканской и районных «Книг памяти», в подготовке «Истории городов и районов», «Истории сел и деревень» республики, в изданиях переводческой комиссии Йошкар-Олинской и Марийской Епархии. Направлений работы много, трудно все перечислить сразу.

Научный коллектив института активно участвует в реализации программ и планов социального и культурного развития республики, наращивает объемы гуманитарных научных исследований, повышает качество издаваемых научных трудов.

Наш институт прошел трудный и славный путь становления и развития. Он превратился в координирующий центр научных исследований Республики Марий Эл в области гуманитарных наук. За 75 лет накоплен значительный творческий потенциал, подготовлены квалифицированные научные кадры. Благодаря кропотливому труду нескольких поколений научных сотрудников института реше-

ны многие фундаментальные научные проблемы, разработаны актуальные темы, создана прочная научная основа для дальнейшего развития образования и культуры марийского народа.

Огромная заслуга в этом принадлежит видным ученым – организаторам научных исследований, в разное время возглавлявшим научный коллектив МарНИИ: директорами института работали Мухин В.А., Пайбердин М.В., Смиренский Е.Н., Бердников А.М., Четкарев К.А., Петухов А.Г., Калашников М.С., Андреев И.Ф., Пенгитов Н.Т., Галкин И.С., Сануков К.Н., Архипов Г.А., Зенкин А.А.

В настоящее время МарНИИЯЛИ осуществляет научно-исследовательские работы в соответствии с государственными планами экономического и социального развития Республики Марий Эл, проводит комплексное изучение марийского языка, литературы, фольклора, истории, этнографии, археологии, народного искусства, общих и частных вопросов финно-угроведения, современных социальных проблем и процессов.

Вся научно-исследовательская и научно-издательская деятельность института координируется с работой кафедр МарГУ, МГПИ, Института образования, Министерства культуры и осуществляется в тесном сотрудничестве с ними.

Творческий потенциал научного коллектива МарНИИЯЛИ позволяет решать сегодня самые современные научные проблемы и задачи в области гуманитарных наук. Государственные планы развития Республики Марий Эл предусматривают в ближайшие годы существенный подъем в сферах науки, образования и культуры.

Одна из главных стратегических задач нашей работы: сделать богатства марийской народной культуры достоянием общероссийской и общемировой культуры.

Наша ответственность перед будущими поколениями заключается в сохранении и развитии исторического наследия, народных традиций и культуры. Выполнению этой исторической задачи подчинена вся деятельность научно-исследовательского института им.В.М. Васильева.

Коллектив института высоко ценит внимание и заботу Правительства Республики Марий Эл, поддержку Президента Республики Марий Эл Леонида Игоревича Маркелова, заместителей Главы Правительства, Администрации Президента, министерств и ведомств, всех, с кем взаимодействует и сотрудничает наш институт.

В заключение выражу свою глубокую уверенность в том, что Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории выполнит с честью все поставленные перед ним задачи.

Aleksandr Kazimov

SCIENTIFIC POTENTIAL SERVES PEOPLE (DEVOTED TO THE 75th ANNIVERSARY OF THE MARI LANGUAGE, LITERATURE AND HISTORY SCIENTIFIC RESEARCH INSTITUTE)

The article is devoted to the analysis of historical way of the oldest Scientific Research Institute in Mari El Republic. The author analyzes the history of the establishment since the period of coming into being (1930s–1940s) and the period of development (1950s–1960s, 1970s–1980s, 1990s). He reveals the peculiarities of the work of the Mari Language, Literature and History Scientific Research Institute in detail in modern conditions. At present its main activities are: using scientific results in national economy, in social and political work and culture development; coordination of research work in the fields of history, archaeology, ethnography, sociology, collecting and publishing scientific and cultural heritage in the area of philology and history, organization of scientific expeditions for these purposes; helping government organs of the Republic, creative unions, culture and education establishments, organization of All-Russian, regional and republican scientific, scientific-practical conferences and symposiums.

«Финно-угроведение», 2005, № 2.

Helena Ruotsala
Turku

REINDEER HERDING IN TRANSITION – THE ROLE OF THE WOMEN IN REINDEER HERDING

Introduction

Reindeer herding has been of great significance to the people living in the harsh conditions of the arctic regions and it has played a decisive role in guaranteeing the viability of the sparsely-populated areas. The reindeer used to be a highly versatile animal. Today reindeer are exploited mainly as a source of food, although in Russia they are an important means of transport, too. Reindeer herding has also today except it's economic value also deep cultural values, which must be taken into account in the studies concerning reindeer herding.

I have studied reindeer herding in two different areas and societies, that of Finnish Lapland and the Kola Peninsula. This is an intriguing approach because this point of comparison has not been done before. Yet, it offers an important point of comparison for the ethnic construction and maintenance of identity. The reindeer herders association, *paliskunta,* of Kyrö is situated in the fringe area of Sápmi and Finnish Lapland. The reindeer herding collectives on the Kola peninsula are situated in the villages of Lovozero and Krasno©elje. These collectives have been re-organised during the last decade. In the beginning of the 90s they were *sovhozes*, but by the end of 90s they had been transformed into *tavari©e©tvas*, or cooperations. In spite of differing economical and political structures, the cases have a great deal in common. The working methods in the *reindeer forest* or on the *tundra*, as the term is used in Russia, are in principle the same in both places. The differences are based on the available technical equipment and distances. Both are also multi-ethnic communities. The reindeer owners in Kyrö belong to Finnish and

Sámi ethnic groups, the reindeer herders of the Kola Peninsula belong to Sámi, Komi, Nentsy and also Russian nationalities. Komi and Nentsy reindeer herders arrived to Kola in the end of 19th century (1880). Reindeer herds are managed according to traditional ecological knowledge in both regions.

My study was based on extended fieldwork and it belongs also to anthropology at home, because I was born in a reindeer herding family and thus I have done fieldwork on my home field. The theoretical framework derives from ethnobiology and economical anthropology.

The changes in reindeer herding has been analysed according to five different themes: 1) forms of cooperation, the ownership of reindeer and the organisation of reindeer herding; 2) the distribution and marketing of reindeer meat; 3) reindeer herding on a family level (e.g. choice of a career, division of labour and survival strategies of family economies); 4) environmental management and 5) identity and ethnicity [1].

During the research period reindeer herding has undergone distinctive changes. It can be characterized as a change from reindeer herding as a natural source of livelihood to that of modern reindeer management. At the same time reindeer herding has been forced to adapt to other forms of land use, such as changes in the grazing land imposed by tourism, agriculture, waterway construction, forestry and environmental protection and the arrival of other people. In spite of that changes it still has many cultural and social values. Reindeer herding on the Kola peninsula has important social values, too, because it is a means of survival in the difficult economical situation following the collapse of the Soviet Union and the end of collectivisation. The future of reindeer herding is unclear in both communities, in Kyrö and in Lovozero. Lack of labour and the low prise of reindeer meat do create insecurity. Insufficient pastures – partly due to overgrazing – are a problem mainly in Kyrö.

Reindeer herding is a traditional source of livelihood. Today it is a highly mechanized profession, which uses technical equipment and rational methods of animal husbandry. Reindeer herding in Kyrö can be regarded as entrepreneurship. In spite of these economic facts, people engage in reindeer herding because it is strongly connected with identity and traditions. Reindeer herding is an important symbol of identity – both for the reindeer herders tpemselves and for their family members.

Reindeer herding on the family level

Numerous studies on reindeer herding has been published in several languages; e.g. in Russian, in English and in Finnish. In this article I will discuss one particular angel in reindeer herding, which has been paid a little attention, it is the role and position of women in reindeer herding. The innovative aspect of my research is that it studies reindeer herding on a family level. All members of the extended family participate in the economic aspects of reindeer herding. Previous research has overlooked the role of women, children and the elderly in reindeer herding. My focus is on that, do women have space and power in the modern reindeer herding? What is their role and place today when reindeer herding still has besides the economic importance also an important meaning both for the local and personal identity?

Reindeer herding is during the last decades regarded as a very masculine source of livelihood and the reindeer forest – the place where reindeer herding work is done – is regarded as a masculine space in spite of the fact that today even one fourth part of all reindeer owners in Finland are women and women are taking care of several tasks, which are essential in reindeer herding. Reindeer herding is regarded as a male profession and according to the reports, plans and studies on reindeer herding women are now totally absent or marginal. Why are they absent? Based on my study, I will argue that women are quite active in reindeer herding, but they are invisibly in the «official» picture of reindeer herding, which is mostly created by male politicians, researchers and actors. Even the word, *poromies*, which literally means a reindeer man, refers to male gender.

Gender specific division of labour

First I will present a short history of gender specific division of labour in reindeer herding. In Finland the role of women in reindeer herding has been different according to the reindeer herding area but generally speaking the role of women in reindeer herding societies was regarded very important both in Sámi and Finnish families. Everywhere in this area all family members have owned reindeer. Both girls and boys got their own reindeer mark and first reindeer already when they were baptised. In the northern part, in the Sámi reindeer herding area, women have also taken part in the concrete herding work, especially non-married girls if there were not enough boys or workers in the family. During the

reindeer nomadism – it ended during 50's and 60's – the whole family has been with because they were living and moving with the herd. Traditionally, the role of women in northern Finland has been exceptionally strong in compared with the women in the southern parts because in the north women took part in tasks which usually has been regarded as male; e.g. fishing and seeding. In my case, however, it was not important who did what but that everything was done at the right time. The division of labour was flexible and women were more flexible than men. Women had to know and be able to do the male tasks, too, because the husband spent weeks away from home during winter in the reindeer forest, in forestry or fishing. Woman had to be independent and rely on her ability to carry out the tasks without the husband. Women took part – and are also now taking part in the important seasonal tasks as calf marking, making hay and collecting lichen for reindeer in the summer and autum, separating, counting and slaughtering reindeer in the autumn and winter. Women also took care of the working clothes and equipment; they made shoes, clothes and tools and implements. They could also themselves decide the «destiny" of their private reindeer although the men were working in the reindeer forest. When a woman for instance married a man in a different reindeer herding area, she took her own herd with her.

It is interesting to mention that although in their own traditional culture, Sámi and northern women have been equal they do not have equal economic rights for example as reindeer herders and owners – especially in Norway and Sweden nowadays, where the number of people who have the right to be a reindeer herder is limited. One Sámi women researcher even insists that the older Sámi women generation appear to have experienced equality in the past but modernisation, overprotective national policies and non-Sámi legislation have led to their oppression. One example is that e.g. in Sweden Sámi women who are moving away from the reindeer herding village will lose their Sámi right to herd reindeer. In Finland also those who have moved outside the reindeer herding area have no right to own reindeer or reindeer mark. On the other hand this is justified, because there are already too many reindeer owners and reindeer to use the pastures.

In the reindeer herding communities on the Kola peninsula reindeer herding is also a very masculine source of livelihood although the concept of reindeer herding includes also the tasks of the *csum rabotnitsa*, a tent

worker. Chum rabotnitsa takes care of cooking, baking, cleaning, washing up and repairing the clothes of reindeer herders. She was usually a wife of a reindeer herder. In spite of the fact that the word chum rabotnitsa tells how little the Soviet system respected this work, she was a necessary person. The name represents the opinions of the party and officers; they saw reindeer herding as a part of agriculture. She is a worker, who doesn't have any power in her hut as a hostess would have. Her work was not regarded as productive although it was necessary for the reindeer herders. Her salary has been about half of a reindeer herder's salary, although her work was necessary for the production, too. The low salary of chum rabotnitsa gave a clear message, that tundra is not a place for women [2, p. 48–54].

The former Soviet system officially preferred equality between men and women and there were no gender-specific posts. This ideology didn't have impact on reindeer herding and the traditional division of labour continued there. Men herded reindeer, hunted and fished, women cooked and made clothes, but they could take care of all work during exceptional times as during the war. In some places, e.g. in Nenetsia, the main herd was forbidden for taboo reasons for women [3]. Until 60's, the whole family was following the reindeer during the whole year on the tundra. The children had to leave the tundra when they went to school, but they also joined the family on the tundra during their vacations, as in Finland, too.

The impacts of modernization have gradually increased since the end of 50's when a resolution by the Communist Party Central Committee initiated a massive campaign for sedentarization of nomads, moving them from the tundra to permanent settlements. The traditional way of reindeer herding was regarded as unmodern, backward and non-profitable and in the name of modernisation the state wanted the unproductive family members from the tundra to the villages. Only the reindeer herders were regarded productive and thus only their presence on the tundra, where reindeer herding was done, was necessary to reindeer herding. Reindeer herding itself was important, because it produced meat and hides for the Soviet economy [3]. In order to get the family to stay in the village, a so-called shift herding, *smennii vypas*, was introduced. A part of the reindeer herders were at work on the tundra and the rest of the reindeer herding brigade stayed at home in the village. To take care of the herders on the tundra, chum rabotnitsas were hired.

The importance of women in modern reindeer herding

The role and importance of women in modern reindeer herding is different in Finland than on the Kola Peninsula. In my previous study on reindeer herding (1) where I studied reindeer herding on the family level, I showed clearly how important the role of the whole family, also women, children and elderly people, is in the reindeer herding work. The theme or aspect of family has been neglected in other studies on reindeer herding, even the newest ones, for instance a study written by a male anthropologist in the neighbouring societies where I was doing fieldwork. Thus the male researchers are reproducing the male bias, masculine picture of reindeer herding.

Nowadays women are in many ways important for the reindeer herding – mainly on the family level but also on generally. First, as already stated before, women are helping in different important seasonal tasks were all extra hands are needed: marking calves, collecting food, feeding reindeer and separating and slaughtering animals in the winter. During the last winters, reindeer owners have to feed sick and starving animals at home in fences – and this everyday task belongs to women or children. Today when the private sale of reindeer meat is popular and crowing year by year, women are taking care of this work because they are staying at home. All paper work, which has increased after joining the European Union, is mostly women's duty.

Reindeer herding has not been economically viably during the last decades. Many reindeer herding families could survive only on the incomes of the women, who are working outside home, as teachers, officials or in the tourism industry. One of my female interviewee, a teacher who is married with a reindeer herder said, that she is paying the costs of her husband's hobby; with hobby she meant reindeer herding. This is of course a joke, but has a bit true in it. The incomes from reindeer herding has not even been enough to cover it's own costs; such as a snowmobile, a four-wheeler, a van, reparations, fuel, and extra animal food. Without her incomes outside the home many reindeer herders ought to have given up their traditional source of livelihood. In that sense the women has the economic responsibility.

In my study I interviewed all the family members, even adolescents and young women, who had their own reindeer. I asked them why they

have not chosen the profession of a reindeer herder if it was their dream profession as adolescent. One young woman said that of course she wanted to become a reindeer herder, but she dared not because she is too week. It takes strength and muscles to manage with a snowmobile in the heavy spring snow etc. She had other reasons, too; the old herders are conservative and don't regard women equal in the reindeer forest and there were no former role models. Men could suspect that women as weaker are dependant on their help. Her husband said, however, that Merja could have become a good herder in spite of that she is a woman. Actually since a child Merja has taken eagerly part in the reindeer herding.

Technology has been regarded as the main reason why reindeer herding suits better for men. I think that is it not the technological development, but it takes physical strength to drive a snow mobile in a difficult terrain. The physical qualities have been emphaSized in the official picture of reindeer herding. Economic and social exercise of power are not the only ones. To choose a career can be seen as a relation with your own body, gender and sexuality. Three modes of body politics can be distinguished; spatial, verbal and physical. From the framework of body politics the power and conflicts can be seen from the body, its size, form and strength. One example of this is to set women and men physically in juxtaposition or distinguish them from each others. Women themselves combine working in the reindeer forest with masculine strength and see and also hear that their own body is not strong enough. In that sense they also define their own place in the reindeer herding. The female body is implicitly present also in the discussions regarding continuity of reindeer herding and its conditions. The internal contradictions of this discourse are seen e.g. during different exceptional times – just as at war-time – when women took care of all tasks.

Today the polarity between tundra and village in the Kola peninsula is seen both in good and bad. This separation of family from the tundra and reindeer herding and displacement of women from the tundra had far-reaching consequences on the whole society and it can be seen e.g. how gender-specific space is. In the modernized northern communities there were no place for women on the tundra, so they were needed in the village. Women had to learn new professions or they could continue their old way of life, but in a new industrial form. The so called fur sewing

collectives, *masterskaia,* were started in the collective farms to employ native women. When the women and children started to stay in the village, men continued the herding on the tundra and they visited the village and their family periodically. A single woman has no place on the tundra, only as a wife or a widow of a reindeer herder [2, p. 50].

The Soviet system didn't understand the role of the family. Many young people lost their interest for tundra and reindeer herding. They learned in the boarding school how the life of their parents and grandparents was old-fashioned, primitive, un-healthy and un-civilized. Instead their traditional Sámi and Komi values they got the new ideas and values of the Soviet system. Little by little it had led to lack of reindeer herders. The labor shortage is a large problem today.

Sarah Ashwin has shown in her own study, that masculinity is crisis in post-Soviet Russia. This is also the case on Kola Peninsula, where the man have not a proper place in the village, because their skills belong to the tundra. The women know the strategies for living in the village. They have work there; they have home and children to take care of. What is the most significant, the ethnic pioneers and leaders of Kola Sámi are women. Sámi women have been working as language teachers, authors of Sámi ABC-book, developers of Sámi grammar, authors of Sámi literature, collectors of Sámi folklore. museum curators, journalists, leaders of a native cultural centre, presidents of Sámi associations, politicians who are working on international level on Sámi and indigenous people policy etc. They have been very active also in the international contacts and relations. An interesting comparison can be made to the Komi people, among them the men are in leading posts representing the Komi community outside. The gender-system constructed and institutionalized by Sovjetunion is still valid outside Sámi society, especially among Komi. Also the higher officials of the Lovozero region have mainly been men. sami women have the power and the responsibility of the future of their community. They have the power to show what the saminess is today, too. In that sense, the future of Kola Sámi is in the hands of Sámi women. Today there are only a couple of exceptions. A young Sámi man was elected as a president of Kola Sámi association and one Sámi man, who is artist and has grounded a dance group. They have found their place also in the village. But most of the Sámi men and reindeer herders are in a way lost in the village.

Today in the reindeer herding in Finland women have no power on the official level, but at home. There are no female members or delegates in the reindeer herding organisations on the county and state level, a couple of exceptions are on the local level in Utsjoki and Inari. However, I want here to emphasize that also in Finland Sámi women are very active in Sámi politics. Reindeer herding is an important symbol of identity – both for the reindeer herders themselves and for their family members. Thus the question who has the official power in reindeer herding and the power to define the content of identity is important.

The meaning of reindeer herding as an identity symbol

Reindeer herding is a traditional source of living, although at the same time it is a highly mechanised profession, which uses technical equipment and rational methods of animal husbandry. In spite of the economic facts connected to reindeer herding, people engage in reindeer herding because it is strongly connected with identity and traditions. In Sweden and Norway only Sámi have the priviledge to herd reindeer, but in Finland both Finnish and Sámi are reindeer herdes as well as on the Kola peninsula except the Sámi also Komi and Nentsy are engaged in in.

Reindeer herding is an important symbol of identity – both for the reindeer herders themselves and for their family members. The symbols of reindeer herding are visible both at home and on the other branches of life as in food and clothing. Pictures from reindeer forest or old tools as lassos and collars are serving as decorations at home. The antlers are used as coat racks.

Reindeer herding is an important part of the identity also among those, who are not working in reindeer herding. One of my Sámi female informants concluded it as following: «Reindeer herding is important for my own identity. It is important for me. Already because my father was a reindeer herder and I have always had own reindeer». Another Finnish female informant, who is now living outside Lapland, discusses her own identity and says that the most important thing for her in her Lappish identity are the reindeer. Also she constructs her identity on reindeer herding. Because she didn't choose the carrier as a reindeer herder, she made her MA-thesis on reindeer herding. It is a very typical mode to «inherit» and continue the traditions of reindeer herding.

Reindeer herding is not only a profession or a way to earn livings, but in the northern parts is means more. With the help of reindeer herding people localize themselves. Also those who are not working in reindeer herding construct their identity on it. reindeer herding has to be studied from the view of whole family, because it ties all the family members – also those who are livings outside reindeer herding area – to their home area, its history and present.

REFERENCES

1. *Ruotsala H.* Muuttuvat palkiset. Elo, työ ja ympäristö Kittilän Kyrön paliskunnassa ja Kuolan Luujärven poronhoitokollektiiveissa 1930–1995. [Reindeer herding in transition. Reindeer herding in the reindeer herding association of Kyrö in Kittilä, Finland and in the collectives of Lovozero on the Kola Peninsula, Russia from 1930–1995. Published in Finnish, with resume in English and Russian]. Kansatieteellinen Arkisto 49. Helsinki: Finnish Antiquarian Society. Helsinki, 2002.

2. *Tuisku T.* The displacement of Nenets women from reindeer herding and the tundra in the Nenets Autonmous Okrug, northwestern Russia. Acta Borealia 2. 2001.

3. *Tuisku T.* Nenetsien ankarat elämisen ehdot tundralla ja kylässä. Poronhoidon sopeutumisstrategiat ja delokalisoitumisprosessi Nenetsiassa. Acta Universitatis Lapponiensis 23. University of Lapland. Rovaniemi, 1999.

Хелена Руотсала

ИЗМЕНЯЮЩЕЕСЯ ОЛЕНЕВОДСТВО – РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В ОЛЕНЕВОДСТВЕ

Статья написана на основе полевых исследований, проведенных среди оленеводов на Кольском полуострове в России и в Лапландии (Финляндия). Оленеводство имеет важное значение для населения этих северных окраин, так как гарантирует жизнь и передвижение. Олень используется в различных целях, но, прежде всего, в транспортных. В настоящее время оленеводство направлено на получение мяса. В Финляндии олень играет важную роль в туристическом бизнесе. В семейном оленеводстве помощь всех членов семьи очень важна. В статье основное внимание уделено роли женщины в оленеводстве, поскольку специально этот вопрос ранее не рассматривался. Многие женщины занимаются оленеводством, продажей продуктов и изделий из оленей. Часть женщин, занятых в оленеводстве, работает и в других сферах в период, когда спрос на продукцию оленеводства падает.

Оленеводство имеет огромное экономическое, социальное и культурное значение для саамов и финнов. Поэтому можно сказать, что это занятие является основой для их идентитета. Значение оленеводства на севере гораздо шире, так как оно дает людям профессию, вид заработка, а также помогает определиться в жизни и закрепить свои корни.

«Финно-угроведение», 2005, № 2.

Кузьма Куликов
Ижевск

Т.А. КРЮКОВА – УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК

«Россия – мать! Когда б таких людей
ты иногда не посылала миру,
заглохла бы нива жизни»

Н.А. Некрасов

Татьяна Александровна Крюкова относится к тому типу ученых-этнографов и музееведов, которых принято называть «они от Бога». Благодарная память о ней без срока давности живет в сердцах многих народов Урало-Поволжья, прежде всего, марийцев, мордвы, коми, удмуртов, чувашей. Изучению и восславлению их она отдала всю свою жизнь. Помнит о ней и научная общественность Москвы и Ленинграда. Бывший отдел народов Поволжья Русского Этнографического музея Санкт-Петербурга всецело создан ее стараниями в результате многих десятков экспедиций к народам этого региона. Труды Крюковой по этнографии и музееведению стали классикой уже при ее жизни. Библиография, посвященная ее жизни и творчеству, начала создаваться только в конце XX века в связи с юбилейными датами. К 80-летию была опубликована статья ее ученицы А.Ю. Заднепровской [«Собирательская и исследовательская работа Т.А. Крюковой по этнографии народов Поволжья» // Отражение этнических процессов в памятниках бытовой культуры. Сборник научных трудов. Л., 1984. С. 122–128]. Немало внимания Т.А. Крюковой было уделено учеными Марийской республики. В «Марийском археографическом вестнике» [Йошкар-Ола, 1994. № 4. С. 171–172] напечатана статья Г.Н. Айплатова «Татьяна Александровна Крюкова (к 90-летию со дня рождения)». В журнале «Фин-

но-угроведение» [1999. №4. С. 111–114] опубликована статья Г.А. Сепеева «Т.А. Крюкова и вопросы этнографии марийцев (к 95-летию со дня рождения)». Он же [Марийский археографический вестник. 2000. № 10. С. 61–82] опубликовал статью «Вклад Т.А. Крюковой в этнографическое изучение марийского народа». Соратники и ученики Т.А. Крюковой по ГМЭ (Государственный музей этнографии народов СССР, ныне Российский этнографический музей) посвятили 95-летию со дня ее рождения научную конференцию и издали сборник статей «Личность и творчество. К 95-летию со дня рождения Т.А. Крюковой» [СПб., 2000].

Признанным биографом Крюковой является ленинградский ученый А.М. Решетов. Приятным событием стала публикация его очерка сначала в сборнике, посвященном 95-летию Т.А. Крюковой в 2000 году, затем в книге «Репрессированные этнографы».

По какому-то странному обстоятельству удмуртские ученые до сих пор мало обращали внимание на исследование жизни и творческой деятельности Татьяны Александровны по изучению удмуртской этнографии и экспедиционной деятельности в Удмуртском крае. Между тем здесь живут ее ученики и последователи. Их воспомина-

ния представляют громадный интерес в создании коллективного образа этой выдающейся женщины.

Представленный вниманию читателя очерк автор посвящает 100-летию со дня рождения замечательной женщины, ученого, музееведа и преданной гражданки России, лауреата Государственной премии Удмуртской Республики. В нем, опираясь на вышеуказанные издания, а также архивные материалы ФСБ [Дело СОУ ПП ОГПУ за № 195/276 – 28 г.], в большинстве своем впервые введенные в научный оборот, на воспоминания учеников Крюковой, проживающих в Удмуртии и других регионах страны, участвовавших неоднократно в ее экспедициях, а также личные воспоминания о встречах с ней, автор ставит себе задачу напомнить читателю, возможно, известные, но уже позабытые события и факты, раскрыть неведомые страницы ее жизни, но самое главное, – еще раз преклонить колени перед ее именем и светлой памятью.

* * *

Родилась Татьяна Александровна 30 декабря 1904 г. по старому стилю (12 января 1905 г. по новому) в г. Минусинске Енисейской

губернии в семье служащего. Ее прадед был довольно богатым торговцем и золотопромышленником Сибири, выходцем из г. Козьмодемьянска Казанской губернии, а прадед по матери Климин Иннокентий Федорович, будучи студентом Московского земледельческого училища, включился в революционное движение, входил в нечаевский кружок. Он сыграл немалую роль в формировании мировоззрения своей любимой внучки.

В декабре 1869 г. студент Климин был арестован и заключен, как и многие его единомышленники, в Петропавловскую крепость. В 1871 г. состоялся судебный процесс, раскрывший аморальную, антидемократическую суть нечаевщины. Студент Климин получил довольно мягкое наказание – пять лет высылки и строгого наблюдения со стороны полиции. Сначала он был выслан в Архангельскую губернию, затем, не без влияния своего богатейшего родителя, переведен в Тюмень.

В 1876 г. его освободили от ссылки, и его отец добился поселения своего опального сына на Волге в маленьком уютном городишке Козьмодемьянске. Здесь дочь Иннокентия Федоровича Климина вышла замуж за почетного гражданина и весьма состоятельного человека Павла Федоровича Бычкова. Дочь Бычковых Евгения выросла и решила выйти замуж за молодого землемера Александра Ивановича Крюкова. Родители особо не возражали, но посоветовали молодым самим обустроить свою жизнь и нажить состояние собственными силами. Александр и Евгения решили уехать в Сибирь и поселились в Минусинске. Здесь Александр Иванович сначала работал на строительстве Великого Сибирского пути, затем занял престижную должность лесничего. Вскоре он подружился с директором знаменитого Минусинского музея Н.М. Мартьяновым, увлеченно работал над созданием гербария на хорошем научном уровне. В 1898 г. в семье Крюковых родился сын Борис, затем – Татьяна, а в 1912 г. – Нина.

Отношения с родителями у семьи Крюковых с годами уладились, и они вернулись в Козьмодемьянск. Здесь в 1921 году Татьяна с отличием закончила школу II ступени. Городок на Волге был поразительным. Здесь каждый купец стремился разукрасить свой дом орнаментом – деревянной резьбой наличников и карнизов. Фронтоны домов были похожи на настоящие кружева. Татьяна никогда и нигде не видела ничего подобного и часами могла стоять перед

каким-нибудь домом, любуясь изделиями народного творчества. Город одновременно сочетал в себе ярмарочную вычурность и величавую былинность.

16-летней девочкой по стипендии Марийской Автономной Области Татьяна Крюкова поступила учиться на историко-филологический факультет Нижегородского университета. Здесь она упоенно занималась в государственной литературной студии, слушала лекции молодого преподавателя В.Л. Комаровича, который, заметив особую одаренность девочки, посоветовал ей вместе с ним переехать в Петроградский университет – одно из лучших высших учебных заведений мира. Татьяна согласилась и поступила на этнолингвистическое отделение факультета общественных наук.

Жажда к знаниям у студентки Татьяны была неутолимой. Позднее она вспоминала об этих годах с оттенком гордости и грусти: «Приехав девчонкой семнадцати лет из глухой провинции, я старалась как можно больше всего увидать, послушать и бегала всюду, куда можно было проникнуть» [1, с. 271]. Она посещала Союз писателей, Пушкинский Дом, Общество «Старый Петербург», Вольнофилософскую ассоциацию, Дом работников просвещения, Институт истории искусств, Институт живого слова, Дом ученых и т.д. В университете, кроме лекций по своей специальности, она слушала курсы на других факультетах и при всем этом на своем факультете была одной из лучших по успеваемости. Здесь она увлекалась творчеством А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского.

В.Л. Комарович, словно добрый ангел, опекал свою питомицу, растил ее и лелеял. Татьяна была самой активной участницей семинара этого выдающегося ученого и педагога.

В тот период, по воспоминаниям Д.С. Лихачева, Петроград «кипел различными философскими кружками, студенческими обществами, журфиксами у тех или иных известных людей» [2, с. 171–172]. Общество того времени жило духом обретения знаний и поиском путей строительства своей страны. Тогда еще никто не думал о том, чем обернется это увлечение молодых людей.

В июне 1925 года Татьяна Крюкова закончила университет и получила первый удар в жизни: университет был реорганизован, специальность педагога здесь была упразднена и передана педагогическим вузам. А литература и журналистика в качестве специальности еще не были утверждены, как это произошло впоследствии.

В результате, получилось так, что она специальности не получила, поэтому устроиться на работу оказалось невозможно. Надо было пройти где-то стажировку и получить диплом по специальности.

В ноябре этого же года она была направлена на стажировку в Пражский университет для усовершенствования в славяноведении и славянской лингвистике.

В Праге она сначала устроилась в гостинице, но вскоре перебралась в общежитие пражских высших учебных заведений, где познакомилась со многими студентами, в том числе прибывшими из России. После окончания стажировки, перед возвращением домой, ей многие дали поручения передать приветы родным и знакомым, живущим в Ленинграде.

За восемь месяцев учебы в Праге, которая, благодаря эмиграции видных русских ученых, превратилась в один из ведущих мировых центров славяноведения, Татьяна прослушала курсы лекций выдающихся славистов: профессора Г.В. Флоровского «Очерки истории русской мысли», профессора И.И. Лаппо «Курс русской истории. Смутное время», занималась в семинаре профессора Н.О. Лосского по этике В.С. Соловьева. За этот период она блестяще освоила славянские языки: чешский, словацкий и сербский. Экзамены сдавала на чешском языке и 22 июня 1926 года получила сертификат об окончании курсов стажировки. Теперь она имела право поступить на преподавательскую и научно-исследовательскую работу.

Но в Ленинграде ее ожидали неприятности: она не имела профсоюзного билета, без которого в то время невозможно было устроиться на работу. А стать членом профсоюза было невозможно без устройства в какое-нибудь советское учреждение. Друзья помогли ей устроиться в рукописный отдел Библиотеки АН СССР в качестве внештатного и неоплачиваемого стажера. Но в конце января всем стажерам объявили об упразднении института практикантства. Денег на пропитание и оплату жилья не было. Ее сильно угнетало сознание того, что ей уже 23 года, но она еще не заработала в жизни ни одного рубля. Она вновь вынуждена была обратиться к родным в Козьмодемьянск.

Другая неприятность была связана с арестами ее близких знакомых и друзей. 9 января был арестован 24-летний Дмитрий Каллистов – бывший дворянин, сын бывшего архиепископа Варшавского и Московского, лектор культотдела областного профсовета. Выс-

тупления Каллистова, очень талантливого оратора, Крюкова слушала раз или два. 8 февраля 1928 года ОГПУ арестовало Эдуарда Розенберга, Дмитрия Лихачева, Петра Мошкова, Владимира Ракова, Николая Сперанского и других молодых людей, посещавших квартиру Андреевского. Крюкова не верила в антисоветскую деятельность этих людей, жалела их как прекрасных друзей, но у нее и в мыслях не было, чтобы остерегаться собственного ареста, так как за собой она не чувствовала никакой вины перед советской властью.

Казалось, все препятствия были преодолены, и Татьяна Александровна 21 февраля 1928 года должна была выйти на работу в Библиотеку АН СССР в качестве временного полуштатного сотрудника. Она написала восторженное письмо своим родным.

«Дорогие мои мама, папа, бабушка, Патечка и Нинуся! Так радостно мне, что прыгать хочется. Наконец-то томительное для меня время кончилось и завершилось у меня очень радостным аккордом. А действительно все это время у меня было страшно тяжелым. Начались все мои бедствия еще с Нового года. Знаете вы уже неприятности с союзом, инцидент с Верой Константиновной – все это в далеком прошлом, но на этом дело не кончилось. Не могла я никак зарегистрироваться на бирже труда, ибо бумажку Академии о моем бесплатном стажерстве там было дать нельзя, так как не был утвержден институт бесплатных практикантов и боялись придирок и нареканий. Числа же 27–28 (января – *К.К.*) получила я последний удар – всем практикантам Академии было заявлено о прекращении их работы. После этого заявления я проработала там еще неделю, хотя остальные все были уже уволены, но работала уже без энтузиазма, ибо чувствовала, что вся почва уходит из-под моих ног и трудно становится сохранять оптимистическую веру в «счастье». Глаза мои заметно для окружающих потускнели и в душе было какое-то тупое отчаяние. А между тем мои друзья не дремали. Очевидно, слишком крепко вросла я в журнальное отделение, чтобы можно было спокойно меня удалить, как удалили других практикантов из других отделений. Наталья Алексеевна горячо, и без моего ведома, начала действовать. Узнала я о ее хлопотах только теперь, она не хотела меня волновать раньше времени.

Числа 5 и 6 февраля я должна была бросить работу в Академии. Было страшно грустно и я, прощаясь со всеми, не выдержала и разревелась. Меня в этом поддержали так, что у всех глаза на мокром

месте. Собирала я уже свои вещи в портфель: фартуки и все прочее и выслушивала приглашение заходить в Академию в качестве гостьи, как вдруг входит Наталья Алексеевна. В глазах у нее я заметила какие-то искорки. Она говорит мне: «Танюша милая, заполните-ка эту анкету, только пока ни на что не надейтесь, я ни о чем не буду вам говорить, чтобы не сглазить. О результатах зайдите спросить у меня как-нибудь на неделе». Конечно, эта анкета вселила в меня какую-то радостную надежду. Следующие дни я просто не жила, а думала все лишь время о том, что кроется за этой анкетой. Академию я не забывала, и они меня не забывали. Каждый почти день виделись мы, но все было еще крайне неопределенно. Наконец, вчера, когда я была на английском у подруг, приходит ко мне Аделаида Онуфриевна Лосская и передает мне через Катю, что Наталия Алексеевна просит меня придти к ней на следующий день в обычное для занятий время. Ночь спала я плохо, все кошмары какие-то были, наконец, пришла туда спозаранку. Встретили меня там восторженно, но никто не знал в чем дело. Нат. Ал. хранила от всех в секрете. Наконец, в 11 часов пришла она и сказала мне, чтобы я пошла вниз к директору. Трепеща, спускаюсь вниз, к директору. Директор меня поздравляет: оказывается, я назначена временной заместительницей. Работа моя, может быть, продлится месяца 3–2 – не знаю. Но работа платная. Подумайте только, какое счастье мне привалило. Буду получать 40 рублей в месяц. Не думайте, что вообще в Академии такое жалованье было. Штатные получают большие ставки. А временным полагается только 40 рублей. Но все же вы поймете мое счастье. Как удалось это – я не знаю. Говорят, пришлось выдержать большое сражение. Тронута я ужасно. Из 20 наших практиканток, только мне одной было такое счастье. Наталья Алексеевна (Вукотич – *К.К.*) мне говорила, что она прямо поражена была, какую любовь я себе завоевала. Есть у нас такая – Надежда Всеволодовна – предмет общей ненависти для всех и всем делающая гадости – даже она горячо за меня ратовала и бегала специально к директору. Наконец, наш ученый секретарь – Мартинсон – в скобках (гадость ужасная) – и то милостиво за меня стоял. Вот какая я счастливая!

Сегодня у меня триумф. Все меня наперебой поздравляют и радуются вместе со мной. Все они ужасно славные. Наталья Алексеевна особенно. Не могу ни о чем больше сегодня писать – вся еще переполнена свершившимся. Не судите поэтому за стиль письма и за почерк.

Очень тороплюсь. Иду на английский. А хочется вам написать о своей радости. Мысли прыгают. Ужасно весело зарабатывать деньги. Поймите меня, что ведь это в первый раз. Числиться я буду, кажется, с 7 февраля и к 1 марта, наверное, получу уже половину жалованья. Впрочем – не знаю.

Целую вас всех. Скоро напишу больше. Ваша Таня. 21 февраля 1928 г.».

Какой страшный удар ожидал ее буквально через несколько часов! 21 февраля 1928 г., именно в тот день, когда Татьяна Крюкова должна была начать свою трудовую биографию, за ней пришли сотрудники ОГПУ. Она была арестована по обвинению в принадлежности к антисоветской контрреволюционной организации. Вместе с нею было арестовано 30 человек, в том числе И.М. Андреевский, И.Е. Аничков, В.Л. Комарович, С.А. Аскольдов и другие.

Они были все молоды, удивительно талантливы и любознательны. При этом они продолжали традиции, сложившиеся в среде русской интеллигенции еще в царское время: стремились критически осмысливать происходящие в стране общественно-политические процессы. Но с точки зрения советских властных органов такие действия или такой образ жизни противоречил устоям государства.

Думается, что образ мышления и политические взгляды некоторых представителей российской интеллигенции, окружающих в то время Татьяну Крюкову, для нас представляют определенный интерес. При всей пристрастности следователей и одностороннем изложении ими сути дела, мы можем получить информацию достоверного характера о состоянии общества того периода.

«Космическая Академия Наук» (КАН), отмечается в Обвинительном заключении, начала организовываться в мае 1925 г., когда Эдуард Карлович Розенберг, Петр Павлович Мошков и Анатолий Семенович Тереховко решили создать кружок из одинаково настроенных лиц для изучения идеалистической философии, а к началу 1927 года, тщательно подобрав состав из 7 человек дворянского и духовного происхождения, почти все с законченным высшим образованием, организовали «Космическую Академию Наук»... Позже вошел Дмитрий Сергеевич Лихачев, делавший доклады по кафедре филологии. В этом составе при непременном секретаре Э.К. Розенберге по первым планам КАНа должны были вестись занятия по методу докладов отдельными академиками. Однако, спустя 3–4 месяца,

в КАНе обнаружились совершенно другие стремления; члены КАНа начали обсуждать также и политические события, как-то: разрыв Англии с СССР, хозяйственный кризис страны, Февральская и Октябрьская революции, засилие евреев...

С целью ликвидации этого «Братства», сообщается в Обвинительном заключении, в ночь на 21 февраля были арестованы его члены: (перечисляются фамилии 12 человек, в том числе и Крюковой). Далее пишется о главных «преступлениях» Крюковой Т.А.: «Доклад на тему «Политическая религиозная жизнь 70 000 русских эмигрантов, живущих в Праге», сделанный на одном из заседаний «Братства» Крюковой Татьяной Александровной, ездившей в Прагу для изучения русско-славянского языка в Пражском университете, произвел на членов «Братства» большое впечатление. В результате обмена мнениями члены «Братства» вынесли решение, что лучшие русские люди работают для пользы своей родины за ее пределами. В своих показаниях Крюкова не скрывает, что перед своим отъездом в Прагу она получила от Андреевского поручение специально собирать сведения о настроении русской эмиграции. С этой целью она, Крюкова, беседовала в Праге с епископом Сергием, высланным из СССР в 1922 г., профессорами-белогвардейцами: Лосским, Лапшиным, Бен и входила в кружок студентов-эмигрантов, являющихся в прошлом белыми офицерами.

Следователь и прокурор в своем утверждении, что Крюкова получила задание от Андреевского собирать какие-то сведения об эмиграции, осуществили явную подтасовку фактов. Таких признаний Татьяна Александровна не давала. В остальном она уже на следующий день после ареста, то есть 22 февраля, чистосердечно изложила о своих бытовых контактах с эмигрантами, без которых она не могла обойтись независимо от своего желания или нежелания, так как жила в одном общежитии, училась в одном Университете, но ни в какие кружки не входила. Сказала и о встрече с епископом Сергием, который преподавал в Пражском университете. Во всем образе ее жизни в Праге не было никакого криминала. Советское правительство к пражской русской эмиграции не питало особых враждебных чувств, наоборот, всячески стремилось развивать контакты.

Характер «преступлений» Крюковой даже по уголовно-процессуальным нормам того времени не «тянул» на ее арест. Тем не менее уполномоченный ОГПУ А. Стромин 5 марта 1928 г. вынес два по-

становления: 1. Об аресте Крюковой – «ввиду того, что освобождение ее из-под стражи повлияет на дальнейший ход следствия»; 2. «Мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда в отношении обвиняемой гр. Крюковой Татьяны Александровны избрать содержание под стражей в ДПЗ до окончания следствия». Вышестоящие начальники с этими решениями согласились и утвердили.

Изнурительное следствие по отношению Крюковой и ее друзьям продолжалось долгих 8 месяцев. Для романтической натуры Татьяны Александровны ночной арест и допросы стали кошмаром и настоящей катастрофой.

Ее здоровье за этот период пребывания в одиночной камере пришло в крайнее состояние. Она страдала от малокровия. Сопротивляемость организма снизилась до низшего уровня. В начале октября ее скрутило воспаление аппендикса. Врачи едва успели оперировать и спасти от перитонита. Операция прошла 5 октября 1928 года. В тюремном госпитале ее держали всего десять дней, как было положено по норме, хотя она крайне нуждалась в усиленном питании и реабилитационном лечении. Ослабленное здоровье и скудное питание, сырость и бесконечный холод истощили организм девушки до предела, и у нее в обоих легких открылся туберкулезный процесс. Она начала кашлять кровью и была уже на грани жизни. Друзья и родные с большим риском для себя пытались спасти ее. Нужно было, прежде всего, врачебное письменное заключение. Известный профессор А.Н. Рубель дал заключение, что туберкулезный процесс в правом и частично в левом легком активизировался и грозит ее жизни, а потому ей «необходимо немедленно уехать из Ленинграда и поселиться в деревенской обстановке, создав там непременно санаторные условия жизни» [1, с. 276].

Нужны были характеристики с места работы, чтобы смягчить наказание, но она официально нигде до ареста не работала. Надо отдать должное смелости старшего библиотекаря АН СССР Натальи Алексеевны Вукотич. Она написала: «Настоящим свидетельствую, что гражданка Татьяна Александровна Крюкова с 1927 по 1928 гг. работала в Библиотеке Академии наук СССР в отделе периодических изданий в качестве практикантки. Ею исполнялись все виды библиотечной работы, как то: регистрация и инвентаризация поступлений, обработка журналов и газет, составление библиографических указателей. В исполнении всех видов указанных работ

Т.А. Крюкова, кроме исключительной работоспособности и исполнительности, проявила большой интерес к работе, инициативу и библиотекарское чутье, ставящее ее в ряды способных и многообещающих молодых библиотекарей».

В Президиум ВЦИК обратился и прадедушка Татьяны, чрезвычайно взволнованный судьбой своей любимицы. Он писал: «Я, старый революционер (нечаевец), ныне слепой 80-летний старик, но горячо приветствующий и твердо верящий в торжество и достижения, добытые Октябрьской революцией, обращаюсь в Президиум ВЦИКа с большой просьбой – о снижении наказания моей провинившейся внучке Т.А. Крюковой. Человек она очень способный, хороший, хотел бы видеть ее полезным членом общества, а не выкинутым за борт общественной жизни, тем более что ей только 23 года и она не успела выработать каких-либо прочных убеждений» [1, с. 277].

Очевидно, все эти документы сыграли свою роль. Судебным постановлением от 30 ноября 1928 г. Татьяна Крюкова была выслана по месту жительства родителей в Козьмодемьянск сроком на три года. Другие обвиняемые получили различные сроки заключения в концлагерях и ссылки.

Жизнь Т.А. Крюковой в доме родителей, относительный покой и живописная природа, деревенское молоко, обилие местных свежих овощей, фруктов и ягод возымели свое действие. Она начала поправляться.

В устройстве на работу помог художник А.В. Григорьев. Он договорился с директором местного краеведческого музея С.Ф. Пузырниковым о трудоустройстве Крюковой в музее и сразу же обратился в Козьмодемьянский кантонный (районный) комитет ВКП(б) с просьбой и рекомендацией. «Тов. Крюкова Т.А. (дочь лесничего А.И. Крюкова), – писал он, – во-первых, с высшим образованием, во-вторых, с весьма большими задатками и большой эрудицией для научно-исследовательских работ. История с ее высылкой есть некоторое недоразумение для нее, ибо она попала «как кур во щи» в той академической заварухе, которую прочистила наша партия: она с большим энтузиазмом (правда, с некоторой наивностью в области политики) рвалась везде впитывать в себя научные истины, научные новинки и незаметно для себя попадала в кружки, научные собрания, которые руководствовались противниками нашей идеологии, академиками, очищенными из Академии наук. Она еще моло-

да. Работать имеет право – как сказали в Верх. суде, этого права ее не лишали. Поэтому просьба не возражать к приему на штатную должность в музее моего имени. У нас в Козьмодемьянске почти, а может быть, и абсолютное отсутствие таких научных, способных, с большим энтузиазмом людей. Она поставит на должную высоту научную работу в музее, и этим в период культ. революции принесет огромную пользу для нашего отсталого народа. Плюс к тому же – ее отец А.И. Крюков в бытность свою в Минусинском крае заслужил для нашей революции имя помощника революции, ибо всячески и всем, чем мог, помогал высланным в дореволюционное время нашим партийцам-подпольщикам (отзывы Феликса Кона). Еще раз просьба: не возражать С. Ф. Пузырникову в приеме Крюковой Т.А. на работу. Я ручаюсь за политическую безопасность т. Крюковой». Такое письмо мог написать только очень смелый и высокой гражданственной позиции человек. Таковым, на счастье Татьяны, был Григорьев.

9 мая 1929 г. музейная коллегия Козьмодемьянского музея приняла ее на работу с испытательным сроком на три месяца.

Опережая ход исторического повествования, отметим: Татьяна Александровна любила без исключения все народы Урало-Поволжья, творчество которых она изучала, но особо трепетное и благодарственное отношение она испытывала к марийскому народу. Последний в жизни труд Татьяны Александровны был посвящен также марийскому народу. Она молила судьбу, чтобы она смилостивилась и дала возможность закончить монографию. Но сумела завершить только одну главу «Этнографические и локальные группы марийцев (по материалам одежды)», которую ее ученики и коллеги опубликовали в сборнике, посвященном ее 95-летию [3, с. 70–90].

16 июля 1929 г. заседание Козьмодемьянской музейной коллегии было посвящено заслушиванию отчета Крюковой. Татьяна Александровна представила его в письменном виде. Обсуждение было бурным, но доброжелательным. Теперь музейные работники и руководители города убедились в том, что в ее лице они имеют прекрасного специалиста, практика и теоретика.

Так начался новый период жизни Крюковой – период этнографический и музейный. Она формировала фонды и коллекции, создавала новые экспозиции, прекрасно видела недостатки, пробле-

мы и, главное, зримо представляла его перспективы. Она начала создавать коллекцию фотографических снимков, посвященных быту и культуре горных марийцев – дело новое, незнакомое, но чрезвычайно перспективное. Лучшего работника не сыскать! Коллегия одобрила работу Крюковой, поручила доработать план на один год и потребовала от нее приступить к разработке пятилетнего плана. Это была победа. Но А.В. Григорьев, словно добрый ангел, продолжал опекать Татьяну. 24 мая 1930 г. он дал подробный отзыв о ее работе. Отметил, что за короткий период Крюкова подготовила реорганизацию музея, создала выставку по колхозному движению и лесному хозяйству Марийской Автономной Области.

Руководство района с большим уважением относилось к Крюковой. Учитывая ее слабое здоровье, оно разрешало ей один раз в год весной ездить к врачу в г. Горький на несколько дней.

В ходе работы Крюкова познакомилась с выдающимся этнографом, фольклористом, музееведом, директором областного краеведческого музея Тимофеем Евсеевичем Евсеевым. Опытный краевед сразу понял, каким прекрасным специалистом является Крюкова и как бы выиграл его музей, если бы она в нем работала. Он пригласил ее в Краснококшайск – центр Марийской области. Предложение было лестное, но Крюкова отказалась. Ей было жаль оставлять незавершенное дело по формированию фондов, постановке научной работы, созданию коллекции фотографий о быте горных мари XIX–XX вв. В это время начались в стране поиски «вредителей». В связи с обсуждением политических уроков «Дела Промпартии» 24 января 1930 г. Марийский обком партии отмечал, что «учебные заведения среди преподавателей на 50 процентов засорены чуждыми элементами», что «вредителей у нас сколько угодно... Мы имеем новый участок фронта» [4, с. 3–37].

Именно в этот период А.В. Григорьев пишет два письма, адресованные в Президиум Козьмодемьянского кантонного исполкома и руководителям Марийской Автономной Области. Во втором письме, в частности, говорится: «Мною рекомендована для работы в Козьмодемьянском музее моего имени т. Крюкова Т.А. Очень умная, талантливая, энергичная, молодая работница с большим научным багажом. Происшедшее недоразумение с высылкой из Ленинграда из Академии наук было плодом не злой политики, а молодого безудержного желания все знать, все видеть – почему она и бегала

по всяким научным кружкам профессоров и академиков, оказавшихся (потом, как выяснилось) нашими противниками. Я ее знаю хорошо и отвечаю за нее. Отец ее лесничий А.И. Крюков скрывал и поддерживал в Минусинских краях Феликса Кона, Ленгника и ряд других партийцев (в подпольные и ссыльные времена), о чем имеет блестящие отзывы.

В течение почти года она провела в Музее большую, прямо огромную научно-исследовательскую работу по постановке Музея на настоящие рельсы: изучение нашего края с экономической, бытовой и этнографической стороны, составление (бесплатно) каталога и письменный доклад (научно разработанный). Все это заставляет ее поставить в ряды лучших бойцов на фронте культурной революции в нашем крае и всемерно содействовать ей по оформлению себя в профсоюзной и служебной линии, в поездках её по Марийской Автономной Области (хорошо знает ее и Краснококшайский музей, который приглашал ее к себе). Моя убедительная просьба помочь ей».

В январе 1931 г. большая группа марийской интеллигенции, в числе которых были и Т.Е. Евсеев, и научный сотрудник Козьмодемьянского музея Л.Я. Мендиаров, была арестована по так называемому «Делу федералистов», инспирированному Горьковским ПП ОГПУ.

Средства информации в народных массах утверждали мысль, что советским народом достигнуты выдающиеся успехи во всех областях социалистического строительства, но по мере достижения успехов в этом деле сопротивление врагов все более усиливается.

Снова страхом окутывало все существо Татьяны Александровны. На этот раз грозовая туча прошла мимо нее, но надолго ли?

В 1931 году закончился срок ссылки, и Крюкова получила право вернуться в Ленинград. Теперь она имела уже специальность этнографа народов Поволжья, была обеспечена рекомендациями и профсоюзным билетом и, казалось, поле применения ее способностей могло бы расшириться. Но трудности с устройством на работу остались. Обстановка в Этнографическом отделе Русского музея, куда она хотела устроиться на работу, в связи с общими событиями в стране, оставалась крайне напряженной. Люди все боялись ОГПУ, сторонились друг друга. Все помнили, что 5 августа 1930 года был неожиданно арестован и осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей по «академическому делу» его заведующий С.И. Руденко.

При помощи добрых людей Крюковой удалось временно устроиться в Кольскую экспедицию. С августа 1931 г. ровно год она работала библиотекарем рабфака Ленинградского технологического института. Одновременно по договору она трудилась в этнографическом отделе Русского музея в качестве нештатного сотрудника. Летом по поручению музея и Института по изучению народов СССР (ИПИН) выезжала в Марийскую Автономную Область. Удостоверение на экспедицию по сбору русского и марийского фольклорного материала было подписано заместителем директора института Н.М. Маториным и ученым секретарем К.В. Вяткиной. Экспедиция длилась ровно два месяца – с 1 июля по 1 сентября. Думается, что Маторин, вникший в проблемы Крюковой и сочувствовавший ей, не случайно направил ее в благодатный Марийский край, чтобы она не только собирала фольклор, но одновременно и поправила здоровье.

Крюкова блестяще справилась с поставленной задачей. Более того, она собрала не только фольклорный, но и этнографический материал, сделала прекрасный доклад с отчетом, чем завоевала уважение у руководителей и сотрудников музея. Тем самым проложила себе судьбоносную дорогу: 1 октября 1932 г. была принята научно-техническим сотрудником Этнографического отдела Русского музея.

За короткий срок Татьяна Александровна привела в полный порядок музейное хранилище с поволжскими коллекциями. Она была единственным сотрудником музея, занимающимся этнографией народов Поволжья. И ей надо было одновременно вести научно-исследовательскую, музейно-хранительскую и собирательскую работу. Ее не страшила работа. Изнуряюще действовал постоянный всеобъемлющий страх, навязанный всему советскому обществу.

В течение сентября – ноября 1933 г. было арестовано 14 сотрудников музея. Татьяна Александровна верила, что ей помогут отзывы авторитетных специалистов о ее благонадежности, и запасалась такими отзывами. Она старалась выкладываться на работе в полную силу. Работа в какой-то степени помогала освобождаться от тревожного состояния. Только в 1934 г. она совершила две важные экспедиции: в глухие охотничьи районы Коми края и к ветлужским мари Горьковского края и собрала ценнейшую коллекцию. Кроме того, научно обработала, каталогизировала громадную музейную коллекцию из 700 предметов.

В мае Этнографический отдел Русского музея был преобразован в Государственный музей этнографии (ГМЭ). Все ожидали лучших перемен в жизни. Но они не наступали.

После убийства С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. в Ленинграде прошла полоса арестов. Крюковой хотелось верить, что гроза ее обойдет стороной. Но не обошла. 25 марта 1935 г. директор ГМЭ П.И. Воробьёв своим приказом ее уволил без объяснения причин. Возможно, это была перестраховка человека, пытающегося спасти себя. При этом Воробьев счел возможным сообщить одному из сотрудников, что «не хочет брать на себя ответственность» и если Ф.Я. Кон – заведующий сектором искусств и музейным отделом Наркомпроса РСФСР – поручится за ее политическую благонадежность и признает привлечение ее в 1928 г. по ст. 58-11 Уголовного Кодекса случайным, не являющимся препятствием для ее работы в музее, то она будет восстановлена в своей должности как полезный и ценный для музея работник» [1, с. 283]. Крюкова воспользовалась советом. Феликс Яковлевич принял деятельное участие в ее судьбе, и она 30 апреля была восстановлена на работе, правда, на этот раз в массовом отделе.

После убийства С.М. Кирова в жизни многих ученых, прежде всего историков и этнографов, наступила черная полоса. 29 декабря 1934 г. партийный комитет Академии наук исключил из партии бывшего директора Института антропологии и этнографии Н.М. Маторина. Он был уволен с этой должности, в январе 1935 года арестован и 11 октября 1936 г. расстрелян.

В сентябре 1936 г. в Ленинграде органы ОГПУ арестовали еще большую группу ученых-историков и этнографов: С.Н. Быковского, заведующего археологической секцией Института антропологии и этнографии, В.С. Андрианова, научного сотрудника этого института, М.Г. Худякова, научного сотрудника Государственной академии истории материальной культуры, его коллегу Ф.В. Кипарисова и многих других.

Всех этих людей Татьяна Александровна знала лично, много общалась с ними при решении различных научных и организационных проблем. Они играли немалую роль в ее судьбе. От них, особенно прекрасного знатока древней истории и этнографии марийского и удмуртского краев М.Г. Худякова, она получала огромную помощь в работе. Позднее она будет с благодарностью вспоминать

имя Михаила Георгиевича, который на допросе в числе своих знакомых не упомянул ее имя. Наверняка осознанно, так как знал о ее предыдущем аресте.

В 1937 г. с небольшим интервалом были расстреляны директора ГМЭ Н.Г. Таланов и П.И. Воробьев.

В Государственном музее этнографии, куда Татьяна Александровна спешила каждое утро, старясь укрыться за его стенами, веяло мрачным холодом отчуждения людей друг от друга. Люди боялись каждого произнесенного слова. Работая с экспонатами, Татьяна Александровна пыталась отключиться от обуревающих ее мыслей, но они давили ее, заставляли вновь и вновь возвращаться к ним.

Пока беда обходила ее стороной. Более того, появились и светлые страницы в ее биографии. В Государственном музее этнографии 6 апреля 1938 года была создана секция народов Поволжья. Т.А. Крюкова трудилась в этом отделе с первых дней его создания и до конца жизни. Именно в эти годы она познакомилась с пришедшим в Музей в 1934 г. молодым сотрудником-тюркологом Григорием Александровичем Никитиным, который тоже занимался изучением этнографии народов Поволжья, особенно чувашей. Они полюбили друг друга и решили пожениться. 14 августа 1937 г. у них родился сын, которого в честь дедов назвали Александром. В мае 1941 г. они отвезли сына на лето в Козьмодемьянск, на благодатную Волгу, на попечение бабушки и дедушки.

22 июня началась война. Татьяна Александровна вместе с другими сотрудниками спасала коллекции музея и само здание от налетов вражеской авиации, нередко дежуря на крыше. При этом она дважды оказывалась на грани жизни. Однажды, дежуря на металлических стропилах купола Мраморного зала, она чудом уцелела от взрыва фугасной бомбы. Во время одного из налетов вражеской авиации ее контузило ударной волной, и она вынуждена была лечиться. Наступил страшный голод.

17 февраля 1942 г. умер ее друг и покровитель В.Л. Комарович. Ему было всего 48 лет. Паек, выдаваемый интеллигенции, не был рассчитан на сохранение жизни в холодных, совершенно не отапливаемых домах Ленинграда. У Татьяны Александровны хватило сил похоронить его и сохранить архив ученого. Пройдет много лет, и она систематизирует его, составит хронологический список трудов и сдаст в Пушкинский Дом. На глазах таял и ее супруг Г.А. Ники-

тин, страдающий астмой. 17 сентября 1942 г. он умер. Она похоронила его на Смоленском кладбище. Она знала, что следующую блокадную зиму не выдержит, и предприняла усилия, чтобы эвакуироваться. Судьба сжалилась над ней. 15 октября 1942 г. Татьяна Александровна уволилась из ГМЭ по состоянию здоровья и в связи с эвакуацией. Ее вывезли по «Дороге жизни» совсем уже обессилевшую, и она вскоре сумела добраться до ставшего ей родным Козьмодемьянска, к родным. До прорыва блокады Ленинграда оставалось еще три месяца. Позднее она говорила, что если бы осталась там, ее бы тоже отвезли на Пискаревское кладбище, где уже тогда было похоронено около полумиллиона ленинградцев.

Сотрудницей Козьмодемьянского музея Татьяна Александровна работала до сентября 1944 г. Вернулась в Ленинград, и 9 сентября была назначена заведующей созданным ею отделом Поволжья ГМЭ. Одновременно она осуществляла методическое руководство отделом Прибалтики. С 1 апреля отделы Поволжья и Прибалтики были объединены, и Татьяна Александровна стала заведовать вновь созданным отделом.

* * *

Она была выдающимся этнографом советской школы традиционников. Более квалифицированного знатока материальной культуры народов Поволжья и Урала в тот период, да и поныне, едва ли можно найти. В беседе с директором Удмуртского НИИ В.Н. Захаровым в 1965 г. она сказала, что с марийской, удмуртской и чувашской вышивкой не может сравниться ни одна вышивка в мире. Она при этом имела в виду не только технику и изобразительность этого вида народного искусства, но и семантическое, т.е. смысловое значение орнаментов, рисунков и композиций. Здесь каждый знак или композиция имеют свой скрытый символико-мифологический смысл или значение.

В концептуальном плане воззрения на этнографию у нее сложились к середине 1920-х гг., когда сама советская школа этнографов только складывалась в больших спорах и научных баталиях. Она с большой симпатией относилась к идеям культурно-исторической школы в этнографии, представлявшей русский вариант германской теории «культурных кругов» Ф. Гебнера. К этой школе примыкали непосредственные учителя Татьяны Александровны: Л.Я. Штерн-

берг, В.Г. Богораз и Д.К. Зеленин. Дмитрий Константинович, длительное время проработавший в Географическом обществе и пополнивший его архив многочисленными экспонатами и материалами, был безгранично влюблен в этнографию и всем студентам предлагал изучать архив Общества особенно тщательно. Целые месяцы проводили студенты и молодые ученые в этом архиве, писали статьи и рефераты. Зеленин просматривал их труды и требовал, чтобы подопечные делали выводы самостоятельно. Он приметил Татьяну Александровну сразу же, как она вошла в его архив и до конца своей жизни опекал ее научный рост.

Татьяна Александровна по мере изучения материальной культуры народов Урало-Поволжья все более утверждалась в мысли о том, что эти народы, занимающие срединное положение между Европой и Азией и совершенно уникальные по своей традиционной культуре, нуждаются в особом внимании, более того, в патернализме – практической помощи государства в сохранении и развитии этой культуры не только в силу ее уникальности, культурной самобытности и своеобразия, но и потому, что эта политика должна стать основой федеративного устройства, залогом единства и крепости многонациональной России. Она видела усиливающиеся ассимиляционные, деэтнизационные процессы и предвидение ей подсказывало, что этот процесс чреват огромными потерями не только для малых народов, но для всей российской многонациональной общности. И ее взгляды на предмет и задачи этнографии претерпевают существенную эволюцию. Она направляет свой исследовательский взгляд на глубинные процессы этногенеза народов и решает сверхзадачу: исследовать предметы материальной культуры с целью реальной помощи и содействия развитию этой культуры. Создавать музей, не только как хранилище высочайших образцов материальной культуры, но и как живой организм, действенное средство пропаганды и развития общей культуры народа, как объект гордости его, средство воспитания этнического самосознания. А в научном плане эта задача должна решаться на границах смежных дисциплин, то есть на основе сбора фрагментарных сведений этнографического характера, и в формировании комплексного, общего представления о народе, его происхождении и этноисторическом развитии с древнейших времен до наших дней. Она, в частности, считала, что одежда относится «к числу наиболее устойчивых этнических

признаков.., в своих формах и деталях хранит в течение ряда лет следы своего происхождения, с одной стороны, а с другой, – указывает на культурное взаимодействие народов. Не случайно ряд исследователей разрешает вопросы этногенеза и формирования культуры отдельных волжских народов, опираясь на материалы одежды, дающей им для этого богатый и благодарный материал»; именно этот материал учеными привлекается «в качестве сравнительного для выявления стадиальных закономерностей» [5, с. 77].

Первой крупной опубликованной работой ее явилась монография «Материальная культура марийцев XIX века» (Йошкар-Ола, 1956). В ней она писала: «Этнографическое изучение материальной культуры дает богатый, конкретный материал, отмечая национальное своеобразие того или иного народа, его специфику материальной культуры, а также фиксируя и культурные взаимодействия отдельных народов, и их вклад в общенародную, мировую культуру» [6, с. 3].

Поражает историография и объем источников, использованных Татьяной Александровной при написании своего труда. Она опиралась на летописи и исторические документы Вятской, Казанской и Пермской губерний, в которых в основном жили марийцы. Впервые в научный оборот были введены фонды многих архивов и музеев: Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде, Архива Географического общества, архива общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете, Архива мордовского этнографа М.Е. Евсевьева, экспедиционные отчеты Государственного музея этнографии народов СССР. Кроме того, ею были изучены фонды музеев Москвы, Казани, Марийской республики, Горького, Костромы, Ярославля, Рыбинска. Но, самое главное, основой монографии стали материалы ее полевых экспедиций по территориям проживания марийцев.

И при всем этом Татьяна Александровна во введении монографии сделала скромную отписку: «Ставя своей основной задачей публикацию этнографического материала, касающегося материальной культуры марийцев, работа, при весьма полном использовании всех упомянутых источников, носит в основном описательный характер» [6, с. 5].

Уверен, она знала, что эта монография – своеобразный прорыв в этнографической науке, может быть использована в качестве методического пособия для сбора, анализа, публикации этнографического материала народностей России. До того времени

подобных работ не было. Известный этнограф Удмуртии С.Х. Лебедева утверждает, что эта работа для нее стала настольной книгой и руководством к действию. Встреча с Крюковой произошла в 1972 г. в Ленинграде. Крюкова показала молодой музейной сотруднице удмуртские фонды Этнографического музея, собранные за многие годы, в том числе создателем Удмуртской автономии Т.К. Борисовым и его учителем, членом-корреспондентом АН СССР, тоже нашим земляком Д.К. Зелениным. Перед молодым музейным сотрудником предстал сказочный мир. Впечатление было ошеломляющим. Серафима Лебедева сделала для себя открытие: то, что ее окружает и является повседневной атрибутикой быта ее сородичей, оказывается, представляет огромную ценность, имеет право на почитание и восхищение.

Практически во всех экспедициях Татьяна Александровна собирала этнографические коллекции, особенно предметы ткачества, вышивки, вязания, ковроделия. Перебираясь в основном на попутных грузовых машинах и лошадях, музейные сотрудники того времени не могли собирать другие предметы материальной культуры, кроме мягкого материала. Причем, все собранные экспонаты они переносили в мешках за плечами. Татьяна Александровна не была исключением. Она, как и все члены экспедиции, навьючивала на себя огромный рюкзак и шагала по проселочным дорогам.

В экспедициях она блестяще, с высочайшей научной тщательностью и точностью оформляла документы: регистрировала коллекции, безошибочно определяла природу каждой вещи, скрупулезно оформляла каталоги. Фиксируя детали каждого предмета, особенно вышивки, стремилась выяснить символику того или иного орнамента, точно записывала название на языке народа и расшифровывала семантическое значение этого термина. Причем, в собирательской работе она преследовала цель создания такой коллекции, которая позволяла бы проводить сравнительный анализ частного и общего, взаимовлияния и взаимопроникновения, с тем, чтобы проникнуть в глубинные исторические процессы сосуществования соседствующих народов.

Т.А. Крюкова была одержимой музейщицей, прекрасным полевым экспедиционником и экспертом. За 45 лет музейной работы она участвовала в строительстве множества временных и 10 постоянных выставок. Причем, в 5 из них она была руководителем. В 1958–

60 гг. на постоянной выставке «Современное народное искусство народов СССР» удмурты были представлены в широком плане. В 1966 г. на выставке «Удмурты, мордва, татары» коллекции были представлены намного больше и значительнее. То же самое было и на постоянной выставке «Народы Поволжья и Приуралья (вторая половина XIX – начало XX вв.) в 1977 году. Эта выставка стала лебединой песней Татьяны Александровны. В научной концепции создания этой выдающейся экспозиции (не случайно Т.А. Станюкович назвала ее «докторской диссертацией») Татьяна Александровна продемонстрировала высочайшую научность. Она решила на принципе совмещения монографического и тематического подходов «показать не только отдельные народы и их национальные особенности во всем их разнообразии, но и своеобразие всего региона Поволжья в целом, с особенностями формирования народов в многонациональном районе и спецификой сложения их культуры» [3, с. 55].

Знание исследуемого материала у Татьяны Александровны было на уровне фантастики и непостижимости. На уфимском Всероссийском конгрессе этнологов и антропологов она заметила сумочку, сшитую из полотна художественной части чалмы. Еще не зная владелицу, она безошибочно определила родину этого изделия – Завьяловский район Удмуртии. Л.С. Христолюбова была буквально ошеломлена. То же самое произошло и с К.И. Козловой, когда Крюкова водила ее по марийским базарам, куда марийки собираются в красочных одеяниях, и Татьяна Александровна безошибочно определяла, из какого района или деревни приехали крестьяне.

Удивляла она не только прекрасным знанием народного декоративно-прикладного искусства, особенно костюмного комплекса, ткачества и вышивки, но и способностью скрупулезно отбирать материал, тщательно описывать, паспортизировать его емкими и точными характеристиками и определениями на уровне исследовательской и искусствоведческой работы. Татьяна Александровна была прекрасным полевиком, обладающим талантом собирателя. Увлеченность поисками экспонатов у нее была на уровне фанатизма. Если она узнавала, что где-то есть уникальный экспонат, она добиралась до него, независимо от погодных условий, пешком или на попутных видах транспорта, в основном забираясь на кузов грузовой машины. Впрочем, такой была не только Татьяна Александровна, а все ее поколение.

Известно, что Т.А. Крюкова участвовала в 35 экспедициях. Если даже отвести по месяцу на одну экспедицию, это почти полных три года из своей жизни! Четвертая часть этих экспедиций была посвящена изучению материальной культуры удмуртов, включая и периферийных, то есть проживающих в соседних с Удмуртской АССР областях и республиках.

Во второй половине 1940-х годов она совершила поездку в Удмуртию. Перед нею открылся совершенно новый, заповедный мир с невиданными произведениями народного искусства и вопиюще безобразным отношением к нему власть имущих. Ее возмущенное существо не могло успокоиться, и она совершила целых три поездки в этот край. И каждый раз в течение этих поездок ее не покидало чувство тревоги о том, что живительный родник, который еще журчал здесь в полную силу, может быть потушен злой силой. И чем ближе она становилась к нему, тем с большей силой билось ее сверхчувствительное сердце.

Она собирала различные коллекции по культуре и искусству удмуртов, прежде всего, предметы одежды и народного искусства (узорное тканье, резьба по дереву). В 1960–1970 гг. Татьяна Александровна проводила экспедиции преимущественно за пределами Удмуртской АССР. Ее буквально очаровали костюмные комплексы северных удмуртов, и она совершила три экспедиции в Зуевский, Унинский и Слободской районы Кировской области в научных целях. Благодаря этим экспедициям в фондах Государственного музея этнографии представлены предметы по темам: земледелие, скотоводство, охота, жилище, обработка дерева, ткачество и вышивка, верования и другие. Несколько экспедиций были совершены к бесермянам и создана уникальная коллекция по их культуре и быту. Она была в Бавлинском районе Татарской республики, Куединском районе Пермской области, у кировских и башкирских удмуртов. Сопровождали ее в этих экспедициях научные сотрудники УдНИИ В.Е. Владыкин, С.Н. Виноградов, Л.И. Савельева (Котлярова), О.К. Ермаков, Г.Н. Трефилов. От Республиканского краеведческого музея с нею ездили Н.П. Пугаева (Лиценко), С.Х. Лебедева. Отчеты об этих экспедициях хранятся в Санкт-Петербурге (ГМЭ, фонд Крюковой).

К сожалению, участники экспедиций не публиковали статей. Только однажды Татьяна Александровна после экспедиции в Вавожский, Можгинский и Ярский районы Удмуртии опубликовала

статью в газете «Удмуртская правда» (19 октября 1965 г.) под названием «Этнографы вернулись из экспедиции». В ней она писала: «Этнографическое обследование дало интересный материал, касающийся в основном трех крупных тем удмуртской этнографии: национальной одежды, народного жилища, изобразительного народного искусства (узорного тканья, резьбы по дереву и т.п.). В адрес музея (ГМЭ в Ленинграде – *К.К.*) послано 14 вещевых посылок, содержащих 120 предметов, что должно значительно пополнить музейные коллекции. Вновь приобретенные экспонаты – это комплекты удмуртской и бесермянской национальной одежды, предметы народной техники, вещи, характеризующие внутреннее убранство современного удмуртского жилища (ковры, полотенца, покрывала, орнаментированные полотенца, резная самодельная мебель и т.п.). Наконец, все эти предметы являются также и образцами современного народного бытового искусства, продолжающего и развивающего лучшие народные традиции».

Помимо приобретения вещевого материала, участники экспедиции сделали много зарисовок, фотоснимков. Татьяна Александровна благодарила квалифицированных сотрудников УдНИИ за консультации в сборе экспонатов, отмечала, что они определили успех экспедиции и в дальнейшем, как они договорились, будут продолжать опыт взаимодействия и взаимопомощи.

Экспедиционники из Республиканского краеведческого музея также приобрели ряд экспонатов. Можно было бы и больше, но помещение его по ул. Сивкова было настолько маленькое, что размещать и хранить экспонаты было негде. Крюкова с тоской смотрела на своих молодых коллег, и в конце статьи она обратилась к руководителям республики: «Здание, где находится Республиканский краеведческий музей, явно не соответствует своему назначению. Должны быть приняты самые срочные меры к обеспечению музея помещением, пригодным для экспозиционных и хранительных целей. Яркая, своеобразная культура удмуртского народа достойна того, чтобы были созданы условия и возможности для ее изучения и показа». Трудно сказать, в какой степени возымел ее призыв, но в создании определенного общественного мнения вокруг этой проблемы он, несомненно, сыграл свою роль. Вскоре Республиканский краеведческий музей был переведен в здание старого арсенала, что в самом центре города, где он размещается и поныне.

Трудно переоценить роль Т.А. Крюковой в создании музейной сети Удмуртии, укреплении ее материально-технической базы, пополнении коллекций и организации научно-методической работы. В 1934 г. по ее инициативе Государственный музей этнографии стал официальным куратором музеев Удмуртской, Марийской и Коми АССР. В 1938–1941 гг. Татьяна Александровна оказывала конкретную помощь музеям Ижевска и Сарапула. Ею было проведено несколько совещаний с сотрудниками этих музеев с участием партийных и государственных работников по вопросам экспозиций, хранения и научной обработки коллекций. В результате этих совещаний она обращалась в руководящие органы с конкретными просьбами и предложениями.

В годы войны в Сарапульский музей Прикамского края были эвакуированы экспонаты Гатчинского дворца-музея, и собственные экспонаты оказались сваленными в кучу, без должной охраны. Часть экспонатов была расхищена. Кроме того, потери произошли при слиянии Ижевского и Сарапульского музеев. Т.А. Крюкова в 1946 г. участвовала в проверке этого обстоятельства, а также изучила состояние музеев Можги и Глазова. В результате, написала возмущенную докладную в адрес Управления музеев Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при СМ РСФСР. По ее оценке, в музеях Удмуртии состояние работы по всем направлениям было крайне неудовлетворительным.

По результатам проверки Т.А. Крюкова провела в Республиканском музее совещание с научными сотрудниками в присутствии представителей местной республиканской администрации, где было принято решение приступить к разработке экспозиционного плана, в котором специалисты Государственного музея этнографии смогли бы внести коррективы и на его основе вести консультации. Информация была доведена до сведения руководства республики, которое приняло соответствующее постановление о помощи Музею в улучшении его работы.

В следующем году повторное обследование музеев Ижевска, Сарапула, Глазова и Можги выявило их крайне тяжелое положение. Особенно критическая ситуация была выявлена в Можгинском районном музее, выселенном во время войны из своего здания и потерявшем значительную часть коллекций. По просьбе Крюковой было созвано межведомственное совещание в обкоме ВКП(б), где

она выступила с докладом о положении дел в музеях республики. В результате, было принято еще одно директивное решение, часть руководителей музеев была отстранена от должностей, правительством определены средства для приобретения коллекций, создания экспозиций и т.д. В последующей своей работе Т.А. Крюкова никогда не пренебрегала директивными и организаторскими возможностями советской и партийной административной системы.

Последняя экспедиция Татьяны Александровны к удмуртам в Куединский район Пермской области состоялась в 1973 году. Сопровождали ее Е.Н. Котова из Ленинграда, Л.И. Савельева и С.Н. Виноградов из УдНИИ и С.Х. Лебедева из Удмуртского краеведческого музея. Центром была избрана широко известная деревня Большой Гондыр. Из нее, в основном на попутных колхозных грузовых машинах, разъезжали по окружающим удмуртским деревням. Жили в школе, готовили пищу сами. Как вспоминает С.Х. Лебедева, Татьяна Александровна ела очень мало, была скромна во всех отношениях, говорила негромко. Она не разрешала членам экспедиции проходить в дом, пока не пригласят. Разговаривать с местными жителями советовала крайне уважительно, почтительно.

Она была чрезвычайно общительной женщиной. Открытый взгляд, на круглом лице очень острые внимательные глаза, сдержанная, все понимающая улыбка.

Музейщикам вечно не хватает денег, но она настойчиво предлагала ни в коем случае не обижать крестьян, особенно пожилых, платить за вещи нормальную цену. Вечерами они собирались за столом и вновь рассматривали приобретенные экспонаты. Татьяна Александровна требовала точно определять название каждой детали предмета на языке народа и в переводе на русский, учила датировать экспонаты по технике и технологии изготовления. Нередко она рассказывала о семантике, глубинном смысле тех или иных знаков вышивки и ткачества или о конструкции костюмного комплекса, как демонстрации трехчастного или триединого мира, об отражении в них мифо-поэтических воззрений народа. Все это вызывало у молодых научных сотрудников настоящий восторг, хотя многого они в тот период еще не понимали.

Как большую радость и удачу восприняла Татьяна Александровна приобретение в Куединском районе свадебной клетчатой мужской рубахи *четтар дэрем* – домотканую с розетками выборного

ткачества. Кстати, она среди уникальной коллекции Государственного музея этнографии, насчитывающего 477 удмуртских предметов, является единственной.

Одновременно Татьяна Александровна собирала этнографический и фольклорный материал, поверья и предания, что, как известно, дается с большим трудом и только при завоевании очень высокого доверия у местных жителей. В деревне Гожан Куединского района народ особенный, трудно идущий на контакты и откровения. Но и здесь Татьяна Александровна сумела расположить к себе собеседников и вызвать на откровенность. Так от одного из пожилых жителей был записан весьма интересный и неизвестный обряд содержания *куяськон инты* – жертвенника при усадьбе. Животных и птиц забивают не где попало, а в специально отведенном месте, которое является особо почитаемым и ухоженным. Здесь же проводят обряд *куяськон* (жертвоприношение). Второй обряд был связан с обереганием пчел от злых духов и болезней: на улей кладут череп лошади. Татьяна Александровна тактично, но дотошно выпытывала все особенности обрядов от начала подготовительного периода и до конца отправления. Для сопровождающих научных сотрудников это была блестящая школа.

При изучении жилища Татьяна Александровна не пропускала мимо внимания ни одну деталь, тщательно описывала особенности деревянной архитектуры, при этом не стесняясь даже залезать в подполье и подниматься на чердак.

В этих экспедициях научные работники сделали для себя множество открытий. Оказывается, удмуртские мастера-домостроители имели немало секретов, которые увеличивали срок жизни деревянных сооружений на порядок и выше, притом совершенно не затрачивая на это дополнительных средств. Рубку леса проводили в ноябре-декабре после полного прекращения сокодвижения. Застоявшаяся в стволе хвойных деревьев смола консервирует их. Ошкуривали бревна полосками так, чтобы оставалась половина шкурки, чтобы бревна высушивались постепенно, не растрескиваясь, и в то же время их не поедали бы жуки-дровосеки и короеды. При постановке столба вкапывали его вниз не комлем, а вершиной, чтобы грунтовая влага по дереву не поднималась по восходящим протокам, а отталкивалась. Концы бревен сруба сверху донизу после выравнивания пилой подрубали еще топором, чтобы закрыть влагоносные

поры дерева от атмосферных осадков. При возведении сруба бревно снаружи клали той стороной, которое при жизни было на севере. Там годовые кольца тонкие и дерево крепче, не поддается гниению. Кроме того, при этом далеко не проникает точка росы. Особым искусством – возведением домов без единого гвоздя – также владели древние удмуртские мастера.

А какие интересные беседы она проводила по красителям, применяемым удмуртскими мастерицами. Одна ольховая кора давала до тридцати оттенков цвета от бледно-желтого до темно-коричневого, корень болотного растения марены или подмаренника – коричнево-красный цвет. Она знала несколько десятков природных красителей различной цветовой гаммы, применяемых удмуртами с древнейших времен до наших дней.

Все, кто знал Татьяну Александровну и кто был с ней близок, отмечают ее жизнерадостность и оптимизм, ее мягкость и доброту, скромность и бескорыстие, непритязательность во всем: одежде, пище, быту. К.И. Козлова о ней пишет так: «Мое почти 30-летнее общение с Татьяной Александровной, включающее и работу в экспедиции, позволило составить представление о ее личных качествах. Ее отличали истинные образованность и культура, а также, я думаю, глубокая вера в Бога (хотя она никогда не афишировала своей религиозности). Несмотря на нелегкую судьбу, она была всегда спокойна и ровна, очень терпелива, добра и внимательна к людям (она была единственным человеком, которого пускал в свою квартиру в последние годы жизни Д.К. Зеленин), никогда и ничему не завидовала, любила повторять: «Я должна нести свой крест» [3, с. 35].

Одевалась Татьяна Александровна чрезвычайно скромно. Не только в силу своей природной непритязательности. Ей всю жизнь не хватало денег. Отец, получавший ничтожную пенсию, умер в 1960 г. Мать вообще не получала пенсии, умерла тоже в 1960 г. Сестра Нина, несостоявшаяся актриса, в основном не работала. Других доходов, кроме ее скромной зарплаты музейного сотрудника, в семье не было. Но при этом она была чрезвычайно щедра к тем, кто к ней обращался за помощью. Отдавала последние гроши, совершенно не задумываясь о том, чем же она сама будет жить. Да и в расходах она была крайне не экономна. Всегда пыталась угощать студентов и аспирантов экспедиций за свой счет. Пережившая голод и холод, унижения и нужду, она всем сердцем воспринимала чужое горе, чужую беду.

До конца жизни у нее сохранилась привычка относиться к хлебу как к божественному дару.

Ее не особенно смущали неудобства экспедиционного быта, встречи с разным уровнем культуры в удмуртских деревнях, одним словом, она воспринимала жизнь таковой, какова она есть.

Мое личное знакомство с Татьяной Александровной произошло в начале 1970-х годов, когда я был назначен заведующим отделом пропаганды и агитации Удмуртского обкома партии. Татьяна Александровна обратилась в обком с просьбой об издании ее книги-альбома «Удмуртское народное изобразительное искусство». В тот период директором Удмуртского научно-исследовательского института при Совете Министров УАССР был В.Г. Гусев. Он и привел Татьяну Александровну в мой кабинет. Держалась она спокойно, сначала сдержанно. Но вскоре как бы растаяла, оживилась.

Издание предполагалось для Удмуртии небывалое, с цветными и черно-белыми иллюстрациями, на мелованной бумаге и по тем временам, казалось, очень дорогое. Я поинтересовался, какую сумму она хочет получить в качестве гонорара. Глаза Крюковой расширились, она засмеялась и сказала: «Бог с вами! Какой гонорар? Да издать бы только!» Тем не менее при составлении издательского плана и утверждении его на бюро обкома я попросил директора издательства «Удмуртия» П.М. Яшина заключить с автором договор, определив оптимально возможную оплату многолетнего и уникального в своем роде труда. Разумеется, как и всякую литературу, включенную в государственный план, я должен был внимательно изучить с точки зрения идеологической выдержанности. Это не была цензура, хотя она в тот период еще существовала. Произведение для меня стало своеобразным открытием, а также университетом.

Т.А. Крюкова отмечала особенности удмуртской национальной одежды в ее многообразии и богатстве оформления. Во время своих полевых работ, например, только в одном Слободском районе, где насчитывается 25 удмуртских деревень, она зафиксировала до 20 комплексов одежды. Описывая удмуртскую женскую рубаху (*дэрем*), исследовательница обращает внимание на особенности ее украшения в сравнении с волжскими финнами. Северные удмуртки носили ее обязательно с четырехугольным, надеваемым поверх нее, нагрудником (*кабачи*), закрывавшим грудной разрез и яремную впадину, чтобы оградить от проникновения злых сил. По элементам узора

вышивки и по их функциональному назначению Татьяна Александровна определила четыре типа нагрудников: свадебные, праздничные, будничные и одеваемые во время отправления религиозных обрядов. Впервые исследовательница показала уникальность удмуртского пояса *зар* и высокого головного убора *айшон*, покрываемого платком *сюлык*.

Книга была издана. Татьяна Александровна, кажется, прониклась еще большим уважением и заходила ко мне при каждом приезде в Удмуртию. Когда оформлялись документы на Государственную премию Удмуртской АССР, что чрезвычайно взволновало ее, она была мною приглашена специально. К счастью, удалось осуществить все, что было задумано. Постановлением Совета Министров УАССР № 357 от 31 октября 1973 г. она стала лауреатом Государственной премии Удмуртской АССР.

В этот период произошла еще одна наша встреча, оставившая глубокое впечатление. Татьяна Александровна рассказала о таких таинствах удмуртского костюма, что можно было задохнуться от удивления и восторга. Она утверждала, что костюм по форме отражает космологическую семантику, единство трех миров: космоса, среднего и нижнего (потустороннего) мира. В орнаменте покрывала *айшона*, т.е. платка *сюлык* изображены все стороны света, поддерживаемого единой осью – Мировым Древом (*Мудор Кыз*). Пояс *зар*, отражающий Мировое Древо, ошеломляет своим магическим и функциональным значением.

Я завороженно слушал Татьяну Александровну и наивно спросил: «Так почему же вы не написали обо всем этом в своей книге?»

Она, в свою очередь, смущенно улыбнулась и спросила: «Вы думаете, что для этого уже наступило время?»

– А в чем, собственно, дело? – опять же спросил я, демонстрируя свою вопиющую некомпетентность. Она стала весьма серьезной и ответила, не торопясь и обстоятельно:

– Еще несколько лет тому назад за такие суждения я могла бы угодить в места отдаленные. Они были бы расценены как антимарксистские, идеалистические, следовательно, вредные для нашего общества. До сих пор помню один случай, о которых говорят «выеденного яйца не стоит». В журнале «Вопросы истории» за 1952 год ортодоксальный марксист Астахов напечатал статью под названием «Рецидивы марровой «теории» в разработке вопросов про-

исхождения искусства», в которой раскритиковал Окладникова за «неоправданно преувеличенное культовое начало при интерпретации памятников культуры древнейших насельников Якутии». Неизвестно, что бы стало с Алексеем Павловичем, выдающимся ученым, позднее признанным во всем мире академиком, если бы на его защиту не встала ученая Шаревская в журнале «Советская этнография».

– Все равно ничего пока не понимаю, при чем тут дела двадцатилетней давности? – настаивал я на своем.

– Как известно, – продолжила спокойно Татьяна Александровна, – злодеи всегда рядятся в тоги благодетелей или истинных защитников веры, господствующей идеологии и даже народа и государства. Помните, Марксом была выведена любимая Лениным и совершенно верная философская аксиома: «Общественное сознание отражает общественное бытие». Но применима ли она неукоснительно ко всем временам и ко всем формационным обществам? Как объяснить, например, каким образом могла возникнуть вся эта мифопоэтическая структура о трехчастном мире, отраженном в костюмном комплексе, – чисто идеалистическое построение – из общественного бытия древних народов Поволжья, прежде всего, удмуртов? Где здесь начало, где конец? Что первично, а что вторично? И второе, у слишком заумных деятелей, сидящих на вашем уровне, сразу же могла пробудиться политическая бдительность: «Если эти народы могли в стародавние времена создать столь высокую космогоническую или космологическую философию и на ее основе строили свою жизнь, культуру, следовательно, достигли высочайшего уровня. Если так, то почему они упали до столь низкого положения, что партия должна была принимать политическую программу о выравнивании их экономического и культурного уровня с русским народом? Кто в этом виноват? На что вы намекаете?» Подумать даже трудно, каковы могли быть последствия. Жутко не то, что ты изрекаешь какую-либо мысль. Страшен интерпретатор, способный построить из нее обвинительное заключение и определить статью Уголовного Кодекса.

– Но на дворе властвует другое время! – запальчиво пытался я ее убедить.

– Вы уверены в этом? И надолго ли оно утвердилось, или движется по спирали Гегеля? – спросила Татьяна Александровна.

Я сочувственно подумал, что у ее поколения страх и недоверие к власти, как таковой, наверняка уже имеют генетические корни.

– Правда, от Шаревской мне тоже досталось, – продолжила Татьяна Александровна, мило улыбнувшись, – она отшлепала меня за увлечение в книге «Марийская вышивка», она вышла в 1951 году в издательстве Академии наук, так называемой «труд-магической теорией» Марра. А все дело было только в том, что я в ней сделала ссылку на Н.П. Гринкову, на ее культовое описание руки, как орудия производства и творческой магической силы. Досталось и Вере Николаевне Белицер, написавшей рецензию на эту мою книгу и «не заметившей столь вопиющего факта»... А вы говорите о публикации целой мифологической, с точки зрения ортодоксального марксизма, чисто идеалистической, следовательно, вредной концепции! Система подавления в наше время была иезуитски продуманной: власть имущие требовали от ученых развития критики и самокритики, как движущей силы общества и средства достижения истины. Ученые, особенно марионеточные и гуттаперчевые, старались вовсю, били друг друга наотмашь. Потом вступали в действие бдительные силы и наводили порядок, забирая и тех, и других, то есть тех, кого критиковали, и тех, кто критиковал.

Татьяна Александровна почти до последних дней ходила на работу, порой шла, держась одной рукой за стенку, боясь потревожить ноющий страшной болью позвоночник. Занятая работой, она меньше всего обращала внимание на себя. Обратилась к врачам только тогда, когда стала бессильной выдерживать страдание. Но было уже поздно. Рак перешел в последнюю стадию. Татьяна Александровна Крюкова скончалась 14 апреля 1978 г. Похоронена она на Парголовском кладбище Санкт-Петербурга. Она была пленницей жестокого времени, но век, отпущенный ей Природой, исполнила блистательно. Тем величественнее выглядит ее жизненный подвиг.

Библиография опубликованных научных трудов Т.А. Крюковой насчитывает почти 40 наименований. Среди них монографии, статьи, книги-альбомы. Огромное количество неопубликованных материалов хранится в ее фонде в Государственном музее этнографии. По уровню своей научной подготовки Татьяна Александровна, по оценке ее коллег и старших товарищей – маститых ученых, могла бы уже в 1930-х годах претендовать на ученую степень. Но

она, в силу своей скромности и повышенной требовательности к себе, не выходила на защиту диссертации, пока однажды влиятельный академик А.П. Окладников не взялся за решение ее судьбы, заявив безапелляционно: «Извините, дорогая Татьяна Александровна, я возьму вас за шкирку и затащу на кафедру диссертационного совета». В 1972 г. после защиты диссертации по совокупности работ на историческом факультете Новосибирского университета ей была присуждена ученая степень кандидата исторических наук. Это – скромное и явно запоздалое признание ее многогранных научных заслуг в изучении этнографии финно-угорских народов Поволжья и Урала.

За свою неугомимую работу и достижения в развитии культуры народов Поволжья и Урала Т.А. Крюкова награждена Почетными грамотами Верховных Советов Марийской и Татарской АССР, ей присвоено звание лауреата Государственной премии Удмуртской АССР и заслуженного работника культуры Марийской и Чувашской АССР.

Но ничто не может сравниться с той благодарной памятью о светлой душе, которая живет и будет жить в памяти ее современников и сердцах будущих поколений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Решетов А.М.* Тернистый путь к этнографии и музею: страницы жизни Т.А. Крюковой // Репрессированные этнографы. М., 2003.

2. *Лихачев Д.С.* Избранное. Воспоминания. СПб., 1997.

3. Личность и творчество. К 95-летию Т.А. Крюковой. СПб., 2000.

4. *Сануков К.Н.* Финно-угорские «федералисты» и «финские шпионы» // Финно-угроведение. 1996. № 3.

5. *Крюкова Т.А.* Современная женская одежда народов Поволжья (удмуртов, мордвы) // Советская этнография. 1950. № 2.

6. *Крюкова Т.А.* Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956.

Kuz'ma Kulikov

T.A. KR'UKOVA – A PERSON AND A SCIENTIST

An ethnographer and a museum worker Tatiana Aleksandrovna Kr'ukova made a large contribution to Maris, Udmurts and other peoples inhabiting the Volga and the Urals regions. She was born on December 30 in 1904 (January 12, 1905) in the town of Minusinsk in Siberia. She spent her childhood and youth in Kozmodemiansk, Mari El Republic. Having graduated from Leningrad University in 1925 she worked on probation in The Karlov University in Prague. She worked in the library of the USSR Academy of Science in Leningrad. In 1928 she was arrested. She was charged with membership in counter-revolutionary anti-Soviet organization. She was sent to an exile to Kozmodemiansk. There she worked in the local folk museum, and began ethnological studies of Mari People. Since 1932 Kr'ukova worked in the USSR State Ethnographic museum. She took part in creating the department of peoples inhabiting the Volga region. She was the head of this department for many years. T.A.Kr'ukova traveled many times to Mari, Udmurt, Mordvinian and Komi people. She wrote scientific works on material culture of these peoples. She was an organizer and the manager of folk art exhibitions devoted to peoples inhabiting the Volga and the Urals regions.

The article dwells upon methods of searching, expeditionary and museum work, attractive personal traits of the scientist. T.A.Kr'ukova died in 1978 and was buried in Saint Petersburg.

«Финно-угроведение», 2005, № 2.

СООБЩЕНИЯ

Михаил Игнатов
Сыктывкар

ПОГРАНИЧНО-МЕЖЕВАЯ КОМИ ТОПОНИМИЯ

С незапамятных времен у любого сообщества людей и у каждого человека в отдельности существует естественное стремление (инстинкт) обособиться от всех других людей территориально и закрепить за собой определенный участок пространства на правах раздельного владения им, чтобы создать себе и своим близким необходимые условия существования и выживания. Так появляются границы между владениями племенно-родовых объединений, границы между частными владениями, между административно-территориальными образованиями, между государствами. Для обозначения пограничко-межевых линий границ часто используются водные объекты, особенно реки и моря, участки лесов и полей, горы и долины, а также искусственно сооружаемые объекты в виде различных ограждений, столбов и специальных знаков на них. В языке каждого народа имеются отдельные слова-термины для обозначения таких объектов, и многие из подобных объектов сохраняют в своих названиях эти термины на протяжении многих веков даже после смены народностей на отдельных территориях, после исчезновения былых границ и исчезновения самих терминов из языков народов, создавших эти понятия и названия. В этом отношении коми язык и топонимия на территории Коми края не являются исключением из правила, а, наоборот, представляют собой наглядное доказательство существования такого явления.

В «Вычегодско-Вымской летописи» за 1481 год сообщается: «Того же лета (6989, т.е. 1481 г.) прислал князь великий Ивашку Гаврилова Вычегодские знамени и луки писати. Писал тое писец луки вычегодские, и вымские, и сысоленские, и удоренские, и владыки Филофея вотчину» [1, с. 263]. В этом документе впервые на государственном уровне официально были засвидетельствованы и закреплены сложившиеся к тому времени в Коми крае границы между владениями отдельных территориально-общинных объединений – так называемых «земель» и волостей, а также владений устьвымских епископов. В этом же документе разрозненно представлена почти вся номенклатура пограничко-межевой коми топонимии – **Межадор, Межег, Визин(га), Вишера, Воль, Помос, Пас(а)**. Все эти топонимы, несомненно, появились в коми языке гораздо раньше, о чем более подробно будет сказано ниже при этимологическом анализе этих названий.

Уже «в письме Ивашки Гаврилова (1481 г.) писано: ... С ы с о л ь с к и е з е м л и волостные реки и озера и угодья: ... а пониже (речки) Мыля речка Нема, да озеро *Межаты*», дословно «Межевое озеро» (к. *ты* «озеро») [1, с. 246].

В Писцовой книге 1586 года записано: «С ы с о л ь с к а я в о л о с т ь: ... Погост *Межадор*, а в нем деревни: деревня Михалевская над озером *Межадором*» [2, с. 476]. Содержащееся в этих двух топонимах коми слово *дор* – имя-послелог «возле, у, около чего-либо» ясно показывает, что озеро и погост получили названия по причине своего расположения у межи, то есть на границе территорий двух волостей – Среднесысольской и Нижнесысольской.

Село *Межег* (к. *Межӧг*) на нижней Вычегде уже несколько столетий и поныне является пограничко-межевым населенным пунктом между коми и русским населением, проживающим на Нижней Вычегде, что, несомненно, и послужило причиной присвоения ему такого названия. Еще в конце позапрошлого века об этом писал К.А. Попов в своей известной книге «Зыряне и Зырянский край»: «Даже теперь (в конце XIX века) раздельная черта между русским и зырянским населением Вологодской губернии проходит через Межог Яренского уезда, 200 верст выше устья Вычегды. Замечательно, что одна половина села говорит по-русски, а другая еще по-зырянски. Так было, по крайней мере, в 1853 году» [3, с. 5]. Попытки известного коми топонимиста А.И. Туркина истолковывать ойконим *Ме-*

жег, якобы, он «происходит от коми *меж* (< *медж*) "излучина, дуга (реки)" ... и может означать «место с излучиной, имеющий излучину» [4, с. 70], на наш взгляд, выглядят надуманными и неубедительными.

Как известно, сама Писцовая книга Ивана Гаврилова 1481 года позднее была утеряна, но сохранились копии нескольких Жалованных царских грамот Ивана III, в которых подробно перечислены реки и озера, принадлежавшие тогда отдельным территориальным общинам черносошных государственных крестьян, и владения «Кафедры», то есть устьвымских епископов. Эти Жалованные грамоты Ивана III были составлены в конце XV века на основе «... сего Гаврилово писма, что Ивашка Гаврилов писал Пермские [т.е. Вычегодские] земли за волостные люди и за владыку пермскова и за монастыри и за игумены и за попы... А в письме Ивашки Гаврилова писано: «... А се озера и реки владычни и участки в озерах и реках по Вычегде от Устьвымскова городка: половина Юрома озера, да Кориоля озеро да речка, да речка Иляя, да Вежаты озеро, да Лыяты озеро, да Ижолты озеро, да река Потжег от устья, где впала в Вычегду; вверх Пожегом к Сысоле до Кылыя реки, да половина озера Чудопицкова, да половина Куваты озера, да половина верховина Белова озера. По реке по Вычегде от Якушева истоку до речки до Дырноса, а от Дырноса до речки Сюрюеля, да от Сюрюеля вверх Вычегдою рекою до речки Нидзеса, промеж теми, которые леса и озера и реки и курьи, опроче Чудопицкова озера и Понеговых лесов, и владыце в тех реках и озерах и курьях девятая часть; да половина Котломы реки, а верховина конец владычен, да Подты озеро, да курья Млад, да река Кафедриал на левые сторона Вычегды. На правой стороне Волва река – межа с черными реки и с лесу со владычными, в которых владыки участок вверх по Вычегде земли и лесы одне черные, а владыке в них нет ничего, по тому как в сем списке списано» [1, с. 250].

В этом документе самый большой интерес для нашей темы представляют те названия мест, которые находятся на рубеже владений Устьвымской епархиальной кафедры и «черных», т.е. общегосударственных территорий в верховьях Вычегды.

В процитированной выше части Жалованной грамоты описывается территория верховий Вычегды, и в этом не может быть никаких сомнений, так как в ней упоминаются такие названия мест, ко-

торые сохранились до нашего времени. *Котлома река* – это Северная *Кельтма*, которая по коми называется *Кӧтйӧм*; *Подты озеро* находится вблизи поселка *Подтыбок* и поныне называется точно так же – *Подты*, по коми *Пӧд ты*, дословно «затхлое, заморное озеро» (к. *пӧдтыны* «утопить, удушить», *пӧдны* «задохнуться, стать затхлым»); *река Кафедриал* – это параллельное старое название реки *Помос*, правого притока Вычегды в верховьях (оба названия засвидетельствованы в Вычегодско-Вымской летописи за 1455 год); *Волва река* – это река *Воль*, по коми *Воль ю* (к. *ва* «вода; река», *ю* «река»); *Чудопицкое озеро* – это *Чуд ты*, находится вблизи устья реки *Воль*, где до конца XVII века располагалось мансийское охотничье стойбище, а так как манси вплоть до нынешнего времени оставались язычниками и соблюдали свои языческие традиции, то русские и коми христиане называли их «чудью», то есть считали их чудаковатыми и странными людьми, отсюда происходит множество коми названий на «чуд» в этом районе: *Чуд мыльк, Чудю, Чудювад* и другие, то есть объекты, принадлежавшие раньше представителям народа манси.

В Жалованной грамоте 1490 года четко указывается, что «*Волва река* – м е ж а с черными реки и с лесы со владычными». Так как «черными» в то время назывались общегосударственные земельные, лесные и водные угодья, еще не «пожалованные» никому и не оброченные никем, а поэтому местными жителями они воспринимались как «вольные», то есть свободные для охотничьих промыслов и хозяйственной деятельности. Вот почему не только в Коми крае, но и по всему Северо-Востоку Европейской части России обнаруживается множество рек с одинаковым названием *Воль ~ Вель*. Все они когда-то считались пограничными линиями между чьими-то владениями и еще вольными территориями. Например, в этой же Жалованной грамоте 1490 года указывается, что «половина *Котломы реки* [т.е. *Северной Кельтмы – Кӧтйӧм. – М.И.*] владычни, а верховина (этой реки) конец владычен». Естественно, что конец владений усть-вымских епископов в этом районе тоже должен был проходить по какой-нибудь заметной черте, лучше всего по какой-нибудь реке. И действительно, примерно на половине длины Северная Кельтма имеет значительный приток по левой стороне со знакомым названием *Воль* (!), т.е. «вольная (от чьих-либо владений река)».

Реки с аналогичными названиями *Воль, Вель* (к. *Воль*) имеются также в бассейне реки Сысолы. Имеются река *Воль*, левый приток

Большой Визинги, и река *Вольдор*, правый приток Большой Визинги. Их устья находятся в окрестностях села Визинги. Совсем недалеко от озера *Межаты* и села *Межадор* протекает речка *Воль*, левый приток *Малой Визинги*. Несомненно, все эти речки тоже когда-то считались погранично-межевыми и по этой причине получили свои типичные в таких случаях названия. Попытки некоторых финно-угроведов (И.Н. Смирнова, А. Каннисто, А.И. Туркина, А.П. Афанасьева) истолковать топонимы на *Воль ~ Вель ~ Вöль* как якобы происходящие из мансийского *воль* «плёс», «река с плёсами» следует считать, несомненно, ошибочными. Явно ошибочным является также толкование А.И. Туркиным названия левого притока *Малой Визинги – Воль*, якобы происходящего «от коми *воль* «лесной участок (с окоренными в комлевой части деревьями)». (Эти названия) говорят о древнем подсечном земледелии коми народа» [4, с. 21]. Если бы это было так, вся территория Коми края была бы усыпана названиями *Воль*, так как подсечным земледелием занимались раньше повсеместно, однако же они обнаруживаются только на былых пограничномежевых линиях.

Содержание Жалованной грамоты царя Ивана III ясно показывает, что «владычни участки в озерах и в реках по Вычегде (начиная) от Устьвымскова городка вверх по Вычегде» и заканчивались на «*Волве реке*», т.е. вся территория Верхней Вычегды до русла реки *Воль* находилась безраздельно во владении Кафедры устьвымских епископов вплоть до времени перевода епархии в Вологду в 1564 году. Вот почему территория Верхней Вычегды не заселялась новопоселенцами до середины XVI века и стала быстро заселяться после этого события. Последняя, то есть самая верхняя по Вычегде река, которая считалась еще во владении епископальной Кафедры, это «на левые сторона Вычегды (при движении вверх по реке) – река Кафедриал». Эта река имеет параллельное коми название *Помас > Помöс*, дословно «Концевая (река)», «(река) в конце (владений Кафедры)» (к. *пом* «конец», *помас* «в конце»). Таким образом, эти два названия представляют собой предельно сокращенные (эллиптированные) части сложного коми названия этой реки – *Кафедралöн владение помас ю*, досл. «река в конце владений Кафедры (устьвымских епископов». Оба эти названия были еще раз засвидетельствованы в Вычегодско-Вымской летописи за 1455 год. «Лета 6963 (1455) проездил владыко Питирим (епископ устьвымский) в Великую Пермь на

Чердыню крестити ко святой вере чердынцов. Тово ж лета шли на Пермь безвернии вогулечи, Великую Пермь воевали, Питирима идуще с Перми поимали и убили в месте зовемый *Кафедриал* на реке на *Помосе*» [1, с. 261].

Топонимист А.И. Туркин утверждает, что «Гидроним *Помӧсъю* происходит от коми слов *помӧс* «запруда» и *ю* «река», «запруженная, перегороженная река» [4, с. 93]. Однако такое толкование не имеет убедительных научных оснований, и следует признать его типичной народной этимологией. Кроме всего прочего, русское слово *запруда* в переводе на коми будет *помӧд*, а не *помӧс*.

Сама пограничо-межевая линия по коми называется *межа визь* (к. *визь* «линия, черта»), а конкретное место на поверхности земли, где проходит эта межевая линия (локальная территория, урочище, русло реки) называется *межа визин* (где к. *ин* «место»). Но так как сложные названия в коми языке неизбежно подвергаются сокращениям, то со временем в топониме остается лишь какая-то часть сложного названия. В данном случае из *межа визин* иногда остается лишь первое слово *межа* с добавлением к нему коми послелога *дор* либо суффикса прилагательного *-га, -ега*, в результате чего получаются топонимы типа *Межадор, Межег(а)*, а иногда остается лишь второе слово – *Визин, Визинга*; но смысловые значения их, естественно, остаются неизменными – «межевая линия» либо «место возле межевой линии». Топонимы в таких формах сохранились на территории Коми края до сих пор. Не раз они упоминаются в исторических документах конца XV и XVI веков, где всякий раз отмечаются как порубежные объекты.

Так, например, в Жалованной грамоте царя Ивана III 1485 года указываются в качестве межевых объектов во владениях: «Сысольские земли волостные реки и озера и угодьи: … речка *Визега*, да речка Другая *Визюга*, … да озеро *Межаты*» [1, с. 246].

Ровно через сто лет в Переписной книге Сысольской волости 1586 года эти же самые и подобные им топонимы приведены уже в немного измененной форме: «Погост *Визенга* по реке *Визенге*. … Того ж погоста деревни, Деревня *Межатила*; … Деревня Другая *Межатыла*» [2, с. 470]. В настоящее время бывшая пограничо-межевая река *Визинга* на Сысоле в разговорной речи местного коми населения произносится и пишется все еще в своей первоначальной именной форме *Визин* либо в форме коми прилагательного *Визинга*.

Доктор филологических наук А.И. Туркин предлагает совершенно другое объяснение происхождения названия реки *Визинга*. «В словаре П.Семенова говорится, что недалеко от селения (Визинги) находятся железные рудники. Древнекоми название железа, металла, вероятно, было *вись*. ... Предполагаем, что название *Визин* могло означать «место, где имеется металл» (коми *ин* «место»). *Визинъю* «река, протекающая по железоносной местности» или *Визега* (вероятно, *Визюга*) «железоносная река»... В Удорском районе имеется также р. *Визинга*, левый приток Нижней Пузлы. В верховьях этой реки существовали железные рудники» [4, с. 17–18].

В этом толковании так много предположений и необоснованных допущений, что ошибочность его становится самоочевидной без всякого критического рассмотрения.

Явно ошибочной и надуманной следует признать также попытку А.П. Афанасьева объяснить происхождение названия реки *Визинга* от коми *вис* «проток из озера»: «Визинга – «(река) из места, где много протоков из озер» [5, с. 44].

Особый интерес для нашей темы представляет этимологический анализ гидронима *Вишера*. Как известно, на северо-востоке Европейской части России имеются несколько рек с одинаковыми названиями – *Вишера*: приток Камы, приток Колвы в Камском бассейне, приток Колвы в Печорском бассейне, приток Волхова. Сколько-нибудь убедительно обоснованной этимологии этот гидроним пока не имеет. Некоторые исследователи считают, что *Вишера* относится к темным и загадочным гидронимам субстратного происхождения [6, с. 626–664; 7, с. 119]. Многочисленные и разнообразные толкования названия *Вишера* в научной литературе основаны преимущественно на попытках сопоставления различных фрагментов этого гидронима с созвучными словами в разных языках. Так, Т. Лер-Сплавинский выводит *Вишера* из реконструируемой индоевропейской основы *вейс* «разливаться» [8, с. 57]. В. И. Лыткин писал, что гидроним *Вишера* происходит от древнего этнонима вепсов – *Весь* (*виси, висур* в арабских источниках) и что значительная распространенность рек с таким названием указывает на былую территорию обитания вепсов [6, с. 62–64; 9, с. 467]. Е.С. Гуляев предполагал, что в названиях таких рек, как *Вишера* (к. *Висер, Висьор*), *Нившера* (к. *Ньывсер*), *Тымсер* и т.д., компонент *-сер* может иметь значение «река»: Висер «бурная река» [10, с. 251]. Эту гипотезу справедливо

критиковал А. И. Туркин на том основании, что в коми языке нет слова *сер* со значением «река», нет его и в близкородственных языках [4, с. 19]. Сам А. И. Туркин выдвигает иную гипотезу: «Древнекоми название железа, металла, вероятно, было *вись* (см. подроб. *Визинга*). Данное слово отражено в первой части названия. Во второй части элемент *ор* «русло, ложе (реки)», венг. *er* «ручей». Таким образом, *Висор* означает «железоносная река; река, вдоль которой имеются источники железа, металла» [4, с. 19]. Напротив, А.С. Кривощекова-Гантман считает, что можно выделить *ӧр* в гидронимике *Вишера* (*Висьӧр*). В коми-пермяцких говорах *ӧр*: «русло, ручей, река». Название *Вишера* имеет значение «река племени *Вису*» [11, с. 44].

А.К. Матвеев предполагает, что гидроним *Вишера* субстратного происхождения, и, по его мнению, это показывает, что коми не были исконными жителями земель, на которых сейчас проживают, они пришли из иных краев [12, с. 40]. В другой работе А.К. Матвеев высказывает предположение, что река *Вишера* получила название от саамов или же их родичей, обитавших в Предуралье, и на их языке *Вишера* должна означать «северная река» (происх. от саам. *йый* или *ый* «ночь» и *суэрр, сурр* «ответвление реки») [12, с. 63].

Для этимологизации гидронима *Вишера* Г.П. Вуоно прибегает даже к сопоставлению со скандинавским словом *фиш* «рыба», испытавшим якобы звуковое превращение [13, с. 112]. В другой публикации он придерживается иного мнения, предполагая, что рус. *Вишера*, коми *Висьор* и параллельное мансийское название этой реки *Пасырья, Пассер-я* являются синонимами, причем мансийская форма якобы возникла на почве народной этимологии: *Вишера* переосмысливается в *Посырья*, связанное с удм. *позыр* «извилистый» [14, с. 215].

М. Фасмер с осторожностью полагает, что гидроним *Вишера* может означать «место, заросшее сорняком» (происх. от др.-рус. *вишь* «болотная осока», польского *wiszar* «место, заросшее сорняком») [15, с. 325].

В русских исторических документах названия вычегодской и камской рек *Вишера* впервые засвидетельствованы в формах *Вишера* и *висер(цы)*. Так, в Жалованной грамоте Ивана III жителям Перми Вычегодской от 1485 года записано: «А что *Вишера*, то Вымское-ж Земли место. А волостные реки *висерцов*: река *Вишера*, да речка *Нишера*, … да речка *Визю*» [1, с. 244]. Упоминания о камской реке *Вишера* впервые встречаются в писцовых книгах и царских грамо-

тах XVI века, где она неизменно пишется в форме *Вишера* [16, с. 123, 124]. У С. Герберштейна название этой реки приводится в форме *Вишора* [17, с. 134]. Коми-зыряне и коми-пермяки все реки с названием *Вишера* именуют в настоящее время *Висьор, Висер* [11, с. 44; 4, с. 19], а западные манси, обитавшие в бассейне камской Вишеры еще в середине прошлого века, называли его по-своему – *Пассер-я* [18, с. 294].

Сравнивая формы параллельных названий *Вишера* на коми и мансийском языках нетрудно заметить, что у них имеется созвучная часть *-сер*, которая в обоих языках представлена семантически равнозначными основами: коми *сер* «узор, пятно, пестринка, рябинка, орнамент; резьба» и манс. *сер-, щер-, сюр (т)-*, «черта, линия» (ср. манс. *сёрхил, щэрхел* «зарубка, нарезка»; *сюртмил* «линия, черта»; *сюртгаланкве, сюртункве* «чертить»; мансийская глагольная основа *хил-, хел-, хал-* «копать, рыть, (углублять)» [19, с. 102, 111, 136]. Начальные компоненты в параллельных названиях *Вишеры* – манс. *пас-* и коми *ви(сь)-* <**визь-* – тоже представлены в обоих языках семантически близкими словами: к. *визь* «линия, черта (в том числе и порубежная, граница); ряд, полоса»; манс. *пас* «предел, рубеж, граница»; *пос* «знак, метка; цель, мишень» [19, с. 78, 85]; ср. также коми *пас-* «цель (мишень), знак, отметка, клеймо (тамга), бирка»; в коми топонимике *пас* имеет также значение «место, район, территория (отмеченная знаком собственности)» [10, с. 217]. Таким образом, мансийское название *Пассер-я* досл. «река с начерченными знаками; река с изображениями пограничных знаков» (манс. *я* «река»), а коми название *Висер-ю, Висьӧр* предположительно происх. от **Визь-сер-ю* досл. «река с начерченными узорами, река с контурными рисунками», т. е. смысл обоих названий один «река с писаницами (на прибрежных скалах)». Нетрудно догалаться, откуда происходят эти по смыслу равнозначные названия на языках двух родственных народов, еще недавно обитавших по соседству на берегах этой реки: от знаменитых и общеизвестных древних петроглифов в среднем течении *Вишеры* на скалах *Белоусовского Писаного Камня*, вблизи бывшей мансийской деревни *Писанная*, расположенной в устье речки *Писанки*! Общеизвестно, что полукилометровая скала под названием *Писаный Камень* на берегу *Вишеры*, речка *Писанка*, впадающая в *Вишеру* у этой скалы, и деревня *Писанная*, вблизи этой скалы, получили свои названия от древних рисунков, которых насчитывается на этих скалах свыше трехсот.

В русских исторических документах *Писаный Камень* на камской *Вишере* впервые упоминается в 1689 году в Челобитной вишерских вогуличей и в Указе царей Иоана и Петра. Примечательно, что в этих документах *Писаный Камень* упоминается как пограничная скала, отделяющая мансийские охотничьи угодья вверх по *Вишере* от русских угодий в низовьях *Вишеры* [16, с. 135, 142].

Археолог В.Ф. Генинг, который копировал и изучал наскальные изображения *Писаного Камня* на *Вишере*, отмечает, что в одной из групп петроглифов *Писаного Камня* центральное место занимает «ломаная линия…поразительно похожа на линию течения р. *Вишеры*, изображенную на картах. Если с этим толкованием можно согласиться, то изображенных вокруг ломаной линии животных можно считать тотемами родов, обитавших по реке *Вишере*. Первобытный художник мог нарисовать эту карту с магической целью, например, для закрепления этой территории за своим племенем» [20, с. 272].

Таким образом, географические и исторические реалии, а также письменные и археологические данные достаточно надежно подтверждают наше предположение о том, что параллельные названия камской реки *Вишера* (на коми языке – *Висер* происх. от **Визь-сер* и на мансийском языке – *Пас-сер-я*) по сути являются кальками и означают по-русски одно и то же – «река с начертаниями изображений пограничных знаков; пограничная река, отмеченная особыми знаками».

Теперь следует проверить, соответствуют ли такому же значению пограничной реки остальные реки с названием *Вишера* по историческим документам и по реалиям.

Из письменных источников выясняется, что еще в XIV веке, во время деятельности Стефана Пермского в Коми крае, вычегодская *Вишера* считалась пограничной чертой (коми *визь-ю, визь-сера ю*), отделявшей охотничьи угодья средневычегодских (вымских) коми от владений манси, обитавших в верховьях Вычегды и Печоры; даже через сто лет после Стефана в Жалованной грамоте Ивана III от 1485 года подчеркивается : «А что *Вишера*, то Вымское-ж земли место» [1, с. 244]. В Вычегодско-Вымской летописи под 1380 годом сообщается, что разгневанные действиями Стефана пермяне (коми) задумали изгнать его из Вычегодского края «…и есть даша неверным людем по реке Вычегда, на место именуемом *Вишера*» [1, с. 258],

а под неверными подразумевались пермяне-язычники, убежавшие к манси, спасаясь от насильственной христианизации их Стефаном. Примечательно, что даже через двести лет после Стефана вычегодские пермяне все еще не переступали границы по *Вишере*: Писцовая книга Ярегского уезда 1585–1586 годов отмечает здесь на Вычегде лишь два населенных пункта – погост *Вишер* и деревню *Большой Луг* [Научный архив Коми филиала АН СССР. Ф. 1. Оп. II. Док. 30]. Очевидно, пограничко-межевыми по происхождению являются и одинаковые названия двух левых притоков *Вишеры* вычегодской – *Виз-ю* происходит от **Виз-ю* досл. «река-черта, межевая река».

Насколько мне известно, никаких древних изображений и знаков, которые можно было бы принять за межевые или родовые, в бассейне *Вишеры* вычегодской до сих пор не обнаружено. Объясняется это рядом причин. Во-первых, их там никто никогда и не искал; во-вторых, в бассейне этой реки нет никаких скалистых берегов, на которых можно было бы начертить долговечные знаки; а главное, если они даже существовали (в чем не приходится сомневаться), то были бы сознательно уничтожены Стефаном Пермским и его последователями как «бесовские изваяния». Об этом красноречиво повествует Епифаний Премудрый в своем «Житии Стефана Пермского», который «...сам по лесу обходя без лености,...и по погостам распытая,...и в лесе находя, и в привежках обретая, ... болваны истуканныя, изваянныя, издолбленныя, вырезом вырезаемыя, сии до конца испроверже, и потом посече всья, и пламенем пожже всья, и огнем испепели всья, и без остатка потреби всья» [21. с. 35].

Как известно, в верховьях Печорского и Вычегодского бассейнов охотничьи и хозяйственные угодья пермского (коми) населения граничили с угодьями угорских племен гораздо западнее Уральского хребта еще в конце средневековья, что подтверждается документально [22, с. 270–274], но позднее эта граница постепенно перемещалась на восток, оставляя за собой скудные следы в виде пограничко-межевой топонимии. Именно к такого рода следам, помимо рассмотренных примеров, следует относить и названия двух колвинских рек *Вишерка* в Камском и Печорском бассейнах. Достаточно веским основанием для такого суждения может служить тот факт, что вдоль Северо-Уральского хребта сохранились бесспорные следы существовавшей здесь границы между владениями пермских, угорских и ненецких этнических групп населения. Например, на

Северном Урале в верховьях р. Няйс-Манья, где сравнительно близко находятся также верховья Печоры и Илыча, имеется горный хребет с примечательным названием *Пас-Нер* (досл. «пограничного знака гора, гора с порубежным знаком»; манс. *нер* «гора»; коми *пас*, манс. *пос* «знак, метка, тамга»; манс. *пас* «предел, рубеж»). Топограф Северо-Уральской географической экспедиции 1847–1848 годов Н.И. Стражевский в своих «Дневниковых записях» отмечал, что вблизи этой горы в верховьях р. *Няйс* членами экспедиции обнаружен полусгнивший и валяющийся между камней деревянный столб, обтесанный с трех сторон и имеющий на этих гранях надписи; проводник экспедиции Алексей (остяк), как оказалось, видел уже этот столб в юности. По его мнению, это пограничный знак между владениями ханты и манси и, вероятно, поставлен по просьбе ханты, чтобы отделить их область от присосвинских обитателей, которые со своей стороны терпели от вторжения манси, живших по Сакве [23, с. 84].

Полустертые надписи на пограничном столбе легко расшифровываются как аббревиатура территориальных обозначений середины XVIII века: Тобольское наместничество, Вологодское и Пермское наместничества, Архангелогородское наместничество, которые в тот исторический период фактически означали: Вогульская территория, Ненецкая территория. И, таким образом, не может быть сомнений по поводу существования прямой связи между названием горы *Пас-Нер* и пограничным столбом у подножия этой горы. Показательно, что она расположена в меридиальном створе между двумя колвинскими *Вишерками*.

Большой интерес представляет подробный анализ происхождения названия волховской реки *Вишера*, но тема эта настолько обширна, что заслуживает отдельной статьи. Однако имеется достаточно оснований предполагать, что и этот гидроним этимологизируется в контексте «порубежной линии» между владениями коренного финно-угорского населения и быстро продвигающегося на северо-восток славянского населения.

Еще в недавнем прошлом у коми для обозначения личной, семейной и родовой собственности всевозможных объектов существовали особые знаки, которые по коми назывались словом *пас* «знак, метка, зарубка, клеймо, тамга; бирка, ярлык». Каждый хозяин двора (семьи, рода) имел свой знак собственности – *пас* и этим личным знаком метил принадлежащих ему домашних животных, хозяйствен-

ный инвентарь, охотничьи угодья и путики, выделенные ему общиной участки полей и лугов. Все личные знаки-*пас*ы заносились в специальную книгу регистрации в волостном правлении. Еще в 40-х годах прошлого века такую книгу я видел в правлении Помоздинского сельсовета, где иногда исполнял обязанности посыльного. Но так как советская власть ликвидировала частную собственность на средства производства и на личные угодья, то нужда в знаках собственности (*пас*ах) отпала, и многочисленные микротопонимы, содержащие в своем сложном названии компонент *пас*, почти полностью исчезли из коми топонимической номенклатуры. До сегодняшнего дня сохранились лишь несколько микротопонимов с компонентом *пас* в своем составе. Так, например, на Верхней Вычегде: *Москапас*, пожня в урочище на территории Помоздинского сельсовета, принадлежавшая когда-то крестьянину деревни Выльгорт Корманову Петру Митрофановичу, дословно «(пожня, где имеется) родничок со знаком собственности (Корманова)»; пустырь *Кушпаса*, урочище в окрестностях деревни Бадьёльск, досл. «пустырь со знаком собственности (Уляшева из Бадьёльска)» (к. *куш* «пустырь, пустой»); *Пасвомын*, деревня на Вишере, досл. «(деревня) у плёса (где находится луг) со знаком собственности» (к. *вомын* «плёс») и другие микротопонимы.

В южных районах Коми края – Сысольском, Прилузском – имеется несколько деревень с одинаковыми названиями на *Рай*: *Рай*, *Райсикт* (к. *сикт* «деревня, село»), *Раевская*. Примечательно, что все они располагаются на окраинных сторонах больших поселений либо волостей и представляют собой самые крайние, как бы порубежно-межевые, части села либо волости. Так, например, в селе Пыёлдино Сысольского района самая северная часть села называется деревня *Раевская* (по коми *Райсикт*); в Прилузском районе в составе Спас-порубской волости имеется деревня *Раевская* (по коми *Рай*), которая в переписных книгах прошлых веков записывалась еще в двух других названиях – *Трофимовская* (по имени первопоселенца Трофима) и *Поръясянова*, что означает в переводе с коми досл. «(деревня) обманщика, лжеца» (к. *пöръясьны* «обманывать, лгать») [24, с. 403]; деревня *Рай* на левом берегу реки *Большой Визинги*, поблизости от устья реки *Воль* – самая западная часть села Визинги, находящаяся в 6 км от центра села, – «возникла после 1707 года, упомянута в ревизских сказках 1719 г.: д. *Раевская Гора*» [24, с. 405]; деревня *Рай* на окраине села Ношуль Прилузского района.

Нетрудно догадаться, почему все эти деревушки, окраинные части больших сел и волостей, получили свои одинаковые названия *Рай*. Разумеется, к библейскому «раю» они не имеют никакого отношения. Топоним *Рай* – это русское слово *край*, заимствованное в коми языке, которое в диалектном произношении коми жителей южных районов обрело упрощенную форму *рай*, так как стечение двух согласных в начале слова для коми не характерно, и начальный согласный звук «*к*» из слова *край* выпал. По этой же причине в некоторых южных диалектах у коми некоторые заимствованные из русского языка слова с двумя согласными в начале слова произносятся с одним согласным: например, русск. *врач* в вымском и удорском диалектах произносится *рач*; русск. *власть* обретает форму *ласть*; русск. *крушить* у прилузских коми – *рушитны*; русск. *время* у вымских коми *рэмйа* и т.д. [25, с. 287, 351, 356]. В тех районах Коми края, где подобная диалектная особенность в коми языке не проявляется, окраинные части населенных пунктов получают подобные же названия без искажений русской формы слова *край*. Так, например, крайняя нижняя часть поселка Бугаево в Усть-Цилемском районе имеет три параллельных названия: *Нижнее Бугаево, Мезенцево* (по фамилии первопоселенца) и коми название *Край*; в Усть-Куломском районе, на правом берегу реки Вычегды, в устье ручья *Крайшор* имеется населенный пункт *Крайшордор*, досл. «(поселение) на отшибе около ручья» [24, с. 231].

В своем словаре-справочнике «Топонимия Республики Коми» А.П. Афанасьев приводит совсем другое объяснение происхождения названий коми деревень на *Рай*: «*Рай, Раевсикт* – (происходит из) прибалтийско-финского *raja* «граница» и коми *сикт* «деревня». *Раевсикт* «пограничная деревня» [5, с. 130]. Он почему-то не ссылается на публикации известного топонимиста А.И. Туркина, который вместе с профессором В.И. Лыткиным является автором «прибалтийско-финской» гипотезы происхождения многих коми топонимов, в том числе и на *рай*. Во многих своих работах они подробно излагали эту гипотезу. Так, например, в своем «Топонимическом словаре Коми АССР», вышедшем уже в нескольких изданиях, А.И. Туркин пишет: «*Рай*, деревня *Раевская Гора, Раевская (Рай)* при ручье *Рай-Шоре*. Ойконим, вероятно, прибалтийско-финского происхождения, сравни фин., кар., вепск., эст. *raja* «граница, рубеж». Выпадение конечного «*а*» произошло на коми почве, сравни кар. *kaja, kajo* и коми *кай* (смотри на *Кай*)» [4, с. 98].

Смотрим объяснение А.И. Туркина на *кай* в том же «Топонимическом словаре»: «*Кай*, одно из старых названий реки Вымь, правого притока Вычегды. В «Книге Большому Чертежу» это название получило отражение как «Птица», ср. коми *кай* «птица». Вслед за В.И. Лыткиным мы склонны считать гидроним *Кай* прибалтийско-финского происхождения: фин. *kajava, kajova* (диал. *kaija, kaika*), кар. *kajoa*, кар.-ливв. *kaja, kajo*, вепс. *kajag, kajagi*, вод. *kajeoa*, эст. *kajak, kajaka*, лив. *kajac* «чайка». Коми переняли это слово из языка карело-вепсов (вероятно, оригиналом послужило кар. *kaja, kajo* в форме *кай*). Выпадение конечного гласного произошло на почве коми языка, ср. кар. *райа* и коми *рай*» [4, с. 42].

Это длинное изложение гипотезы А.И. Туркина наукообразно по форме, но по содержанию тенденциозно и не имеет никакого отношения к этимологии топонима *Рай*. Дело в том, что река *Вымь* никогда не имела названия «*Кай*», ни в далеком прошлом, ни в наше время, ни в каких исторических источниках такое название у Выми не засвидетельствовано, вопреки голословному утверждению А.И. Туркина. В «Книге Большому Чертежу», составленному в 1627 году, река *Вымь*, действительно, называется русским словом *Птица*, что, несомненно, представляет собой кальку, т.е. перевод на русский язык старого коми названия Выми – *Турию* (досл. «Журавлиная река»; к. *тури* «журавль», *ю* «река»), а журавль, как известно, относится к классу птиц. Древнее коми название Выми – *Турию* – достоверно засвидетельствовано в двух исторических документах XV века. В Вычегодско-Вымской летописи за 1480 год записано: «Почал князь Василей Вымской город на Выме на *Турею* строити» [1, с. 262]. В Жалованной грамоте царя Ивана III от 1483 года указывается: «Устьвымский городок владычен на усти реки Выми на *Турею*» [1, с. 247]. В Грамоте Ивана III параллельное коми название реки Выми – *Турею* – приводится, очевидно, по той причине, что Грамота эта была ответом на жалобу местных вымских коми крестьян на притеснения вымских епископов, и реку *Вымь* они в своей челобитной, несомненно, называли ее старым коми названием – *Турию*. Так как в XV веке на Выми преобладало комиязычное население, то упоминание параллельных названий главной реки этого района (Вымской земли) в летописи и в других исторических документах представляется вполне оправданным и необходимым. Однако ни в каких источниках название реки *Вымь* в форме *Кай* обнаружить невозможно, по-

тому что такого названия не существовало никогда. Вероятно, А.И. Туркин сознательно включил в справочник эту выдумку как исторический факт, чтобы как-то обосновать надуманную «прибалтийско-финскую» гипотезу происхождения некоторых «загадочных» топонимов на территории Коми края.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Историко-филологический сборник (ИФС). Коми филиал АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар, 1958.

2. Материалы по истории Европейского Севера СССР (МИЕС). Вып. 1. Вологда, 1970.

3. *Попов К.А.* Зыряне и Зырянский край. М., 1874.

4. *Туркин А.И.* Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар, 1986.

5. *Афанасьев А.П.* Топонимия Республики Коми. Сыктывкар, 1996.

6. *Лыткин В.И.* Из истории словарного состава пермских языков // Вопросы языкознания. 1953. № 5.

7. *Матвеев А.К.* К проблеме домансийского субстрата в гидронимии // Происхождение аборигенов Сибири. Вып. 3. Томск, 1976.

8. *Lehr-Splawiński.* O prochodzenju i praojczyznie Slowian. Poznan, 1946.

9. *Lytkin.V.* Laanemeresoome laensonad permi keeltes. Keel ja Kirjandus, Tallinn, 1970.

10. *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка (КЭСК). М., 1970.

11. *Кривощекова-Гантман А.С.* Гидронимия коми-пермяцкого происхождения в Прикамье // Географические названия Прикамья. Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь, 1968. № 177.

12. *Матвеев А.К.* Географические названия Урала. Свердловск, 1980.

13. *Вуоно Г.П.* Мансийская топонимика Привишерья // Географические названия Прикамья. Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь, 1968. № 177.

14. *Вуоно Г.П.* Мансийская топонимика Привишерья . Всесоюзная конференция по топонимике СССР. М., 1965.

15. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1964.

16. *Берх В.Н.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск. Пермь, 1821.

17. *Герберштейн С.* Записки о Московитских делах. С.–Пб., 1908.

18. *Юрьев Д.Ф.* Топографическое описание Северного Урала и рек его обоих склонов // Записки императорского Русского Географического общества. Книга VI. Вып. 2. С.–Пб., 1852.

19. *Баландин А.Н., Вахрушева М.П.* Мансийско-русский словарь. Ленинград, 1958.

20. *Генинг В.Ф.* Наскальные изображения Писаного Камня на р. Вишере // Советская археология. Т. XXI. 1954.

21. *Епифаний Премудрый.* Житие Стефана епископа Пермского. С.–Пб., 1897.

22. *Теплоухов А.Ф.* О происшедшей некогда смене угров пермяками на Верхней Каме, коми на Верхней Вычегде и удмуртов на Чепце // Ученые записки Пермского государственного университета. Т. XII. Вып. 1. Пермь, 1960.

23. *Гофман Э.К.* Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. Том II. С.–Пб., 1856.

24. *Жеребцов И.Л.* Населенные пункты Республики Коми. М., 2001.

25. *Жилина Т.И.* Вымский диалект коми языка. Сыктывкар, 1998.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

к. – коми язык
манс. – мансийский язык
русс. – русский язык
фин. – финский язык
кар. – карельский язык
вепс. – вепсский язык
эст. – эстонский язык
вод. – водский язык
лив. – ливский язык

Mihail Ignatov

BOUNDARY KOMI TOPONYMY

The author of the article writes about etymologies *Vizinga, Vishera, Vym', Pomos* and bases their functional meanings as boundary lines between possessions of different proprietors, between the territories of volosts, uyezds, peoples: *Vizinga* «the boundary (river)», *Vishera* «(the river) with a boundary mark», *Vol'* «the free (river)» *Pomos* «the end (river)».

«Финно-угроведение», 2005, № 2.

Нина Тимофеева
Йошкар-Ола

СРЕДСТВА ЭКСПРЕССИВНОСТИ МАРИЙСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

Одним из популярных и важных фольклорных жанров является сказка. Сказка – жанр эпический, прозаический и сюжетный. Она отличается многоэпизодностью, законченностью, драматической напряженностью и динамичностью развития действия.

Цель статьи – составить классификацию основных выразительных средств лексического и синтаксического уровней в марийской волшебной сказке. Задачи статьи – определить типы лексического и синтаксического повторов, рассматриваемых отдельно, их функции и стилистический потенциал в создании выразительности текста избранного жанра. Таким образом, в данной работе, используя лингвостилистический анализ, мы выявляем типы повторов как преобладающих средств экспрессивности марийской сказки. Анализ проводится на материале двадцати текстов сказок, опубликованных в «Своде марийского фольклора», составленном С.С. Сабитовым [1].

По жанровым разновидностям ученые-фольклористы классифицируют сказки: 1) о животных, 2) волшебные и 3) социально-бытовые [2, с. 100]. Основной особенностью волшебных сказок является то, что в них более развитое сюжетное действие, нежели в сказках о животных и в социально-бытовых сказках. Также следует отметить следующие черты:

– приключенческий характер сюжетов, что выражается в преодолении героем целого ряда препятствий в достижении цели;

– необычность событий и чудесных происшествий, совершающихся благодаря тому, что определенные персонажи способны вызывать чудесные явления, которые могут возникать и в результате использования особых (чудесных) предметов;

– особые приемы и способы композиции, повествования и стиля [2, с. 105].

Волшебные сказки марийского народа уже были объектом исследования марийских фольклористов, в работах которых рассматривались история собирания текстов и их публикации, репертуар сказочников, сюжетные характеристики сказок и особенности характеров сказочных персонажей [3, 4, 5, 6, 7, 8, 9]. Но особенно большой вклад в изучение волшебных сказок с позиций фольклора внесли работы С.С. Сабитова. Исследователя интересуют специфика сюжетного состава волшебных сказок, художественные образы и персонажи, характерные для волшебных сказок марийского народа. На основе анализа эмпирического материала С.С. Сабитовым предлагается убедительный и достоверный вариант каталога-указателя сюжетов волшебных марийских сказок [10, 11, 12, 13, 14, 15, 16].

Лингвистический, а точнее лингвостилистический, аспект текстов марийских сказок отражается всего лишь в нескольких работах исследователей [11, 17]. Следует отметить, что при современном интересе к духовному наследию наций, развитии филологических наук именно лингвистическая и стилистическая характеристики марийских волшебных сказок, рассматриваемые в системе, могут составить более полное представление о богатстве и многообразии стилей марийского языка.

Выразительные средства, или фигуры речи, повышают экспрессивность речи и усиливают её эмоциональность при помощи синтаксических построений. Они основаны на линейном расположении частей, и эффект их зависит именно от расположений [18, с. 54–55; 19, с. 211].

Одним из средств экспрессивности является повтор. Повтором, или репризой, называется фигура речи, состоящая в использовании на близком расстоянии друг к другу одинаковых звуков, морфем, слов, синтаксических конструкций [18, с. 55; 20, с. 258]. Повторение может существовать на любом уровне языка. Но отнесение повтора только к одному лексическому или синтаксическому уровню достаточно условно, так как лексические повторы реализуют себя только в контексте / тексте.

Под лексическим повтором понимается повторение слова, словосочетания или предложения в составе одного высказывания (предложения, сложного синтаксического целого, абзаца) и в более круп-

ных единицах коммуникации, охватывающих ряд высказываний [20, с. 258]. Лексикологи выделяют 9 видов повтора. В исследованном материале было выделено 8 видов. К ним относятся следующие типы, расположенные в порядке убывания встречаемости в текстах:

– повтор-подхват (анадиплозис) (23,3%);

– дублетные слова (19,6%);

– анафорический повтор (17,8%);

– сквозной повтор (16,6%);

– корневой повтор в словах, близко следующих друг за другом в речевой цепи (9,8%);

– эпифорический повтор (5,5%);

– цепной повтор (4,9%);

– кольцевой повтор или лексическое обрамление (1,5%).

Рассмотрим каждый из данных повторов более подробно.

1. Если слово, словосочетание повторяется на стыке двух конструкций, то такой прием называется **подхватом**, или **анадиплозисом**, например: *Ожно илен ик салтак. Служитлен* ***коло вич ий. Коло вич ий*** *шумекыже, офицер-влаклан честьым пуыде кошташ тӱҥалын. Вара икана ик офицерлан честьым пуэн огыл, офицер вуйым шийын* ***штабыш. Штабыш*** *ӱжыктеныт салтакым* [1, с. 135]. 'Давным-давно жил один солдат. Служил двадцать пять лет. Двадцать пять лет прослужив, офицерам перестал честь отдавать. Однажды он одному офицеру не отдал честь, офицер подал жалобу в штаб. В штаб вызвали солдата'; *Салтак имньым кушкыжеш да* ***кая. Кая****. чодыра покшек шуэш* [1, с. 135]. 'Солдат седлает коня и едет. Едет, подъезжает к середине леса'; *Кугыжалан тыге-туге ужаш пурымыжым ойла, кугыжа тудын мутланымыжым йӧрата да ӱдыржӧ дек* ***марийлыкеш пурта. Марийлыкеш пуртымеке****, сонарыш кошташ тӱҥалеш тудо* [1, с. 136]. 'Так и сяк (солдат. – *Н. Т.*) рассказывает царю, как захотелось ему повидаться с ним, царю нравится его речь, и он выдает за него замуж свою дочь. После женитьбы он начинает ходить на охоту'; *– Йӧра, – манеш ӱдыр. Ӱльмыгӱрым налеш, шым пӱнчӧ тӱҥыш мият,* ***пӱнчӧ вуйышко кӱзен шинчеш. Пӱнчӧ вуйышко кӱзен шинчешат****, мураш тӱҥалеш…* [1, с. 183]. 'Ладно, – говорит девушка. Берет волокушу, подходит к семи соснам и, поднявшись на вершину сосны, начинает петь'.

2. Следующий вид лексического повтора в рассматриваемых текстах – **дублетные слова**. Это повтор одного и того же слова в близ-

ком контексте, чаще всего ономатопа. В анализируемых текстах марийских волшебных сказок дублетные слова преимущественно выражаются:

а) глаголом, например: *Кугыжан ӱдыр нимолан ӧрын, шинчам веле карен, кушечын палаш!* ***Ончыштеш-ончыштеш*** *тӱслен, тангастарен* [1, с. 76]. 'Царская дочь растерялась, выпучила глаза, не знает, как узнать! Смотрела (букв. смотрела, смотрела) внимательно, сравнивая'; ***Кая-кая*** *Миклаят, кас лиеш, ынде пычкемышалташ тӱналын* [1, с. 74]. 'Идет, идет Миклай, вечер наступает, начинает темнеть'; *Ӱдыр* ***кая-кая****, тудым Вувер-кува поктен шуаш тӱналеш* [1, с. 151]. 'Девушка идет-идет, а Вувер-кува начинает её догонять';

б) деепричастием, например: *Мераҥ* ***руалшын-руалшын*** *коеш да товарым ерышке кудалта. Шке,* ***вошты-вошты****, пелке кудалеш* [1, с. 84]. 'Заяц делает вид, что рубит (букв. рубит, рубит), а сам бросает топор в озеро и, улыбаясь (букв. улыбаясь, улыбаясь), убегает дальше'; *Иван,* ***ойгырен-ойгырен****, ватыже лийшашлык ӱдыр дек кая* [1, с. 96]. 'Иван, опустив голову с горя (букв. горюя, горюя), идет к своей будущей жене'.

Кроме того, наблюдаются дублетные слова, выраженные:

а) именем прилагательным, например: *Ший пӱян Ший Пампалче такыр корно дене ошкылеш. Ушыжо вуй йырже пӧрдеш.* ***Тӱрлӧ-тӱрлӧ*** *шоныш уш-акылышкыже пура* [1, с. 82]. 'Сереброзубая Пампалче идет по прямой дороге. Голова кругом идет. Разные, разные мысли в голову лезут';

б) подражательным словом, например: *Ший пӱян Ший Пампалче ший товаржым налеш да кудо вуй ден кудо печым,* ***колт-колт*** *пералтен, ачажлан тӧрлатен пуа* [1, с. 82]. 'Сереброзубая Пампалче берет свой серебряный топор и, постучав «колт-колт», поправляет отцу летний дом и изгородь';

в) частицей, например: *Кугу пӱнчӧ* ***теве-теве*** *йӧралт кая* [1, с. 85]. 'Большая сосна вот-вот рухнет'.

3. При **анафорическом повторе** в высказывании повторяется начальное слово или словосочетание, например: ***Шӱжарже*** *дек пура.* ***Шӱжарже*** *шыдан ложаш дене руашым луга, киндым ышта да кочкеш* [1, с. 112]. 'К сестре (Иван. – *Н. Т.*) заходит. Сестра из пшеничной муки месит тесто, печет хлеб да ест'; ***Ия*** *пеш вончынеже тушко. Вот ӱдырет ӱстембал шовычым налеш да лупшал колта.* ***Иям*** *вончыктара.* ***Ия*** *дене коктын шлат.* ***Ия*** *айдеме гаяк лийын.* ***Изаже*** *толын*

*пура. **Изажым** йӱкта, пукша, **изаже** иям ок уж* [1, с. 112]. 'Черт очень хочет переплыть к ним. Вот девушка берет скатерть, да и взмахивает. Черта переправляет. С чертом вместе живут. Черт был очень похож на человека. Брат возвращается. Брата поит, кормит (угощает), брат не видит черта'; ***Ӱдырет** келшыде ок керт – шлыме шуэш вет. **Ӱдырет** миен пура ачаж деке, генерал эрге-влакат мият коктын* [1, с. 116]. 'Девушка не может не согласиться, жить-то хочется. Девушка приходит к отцу, генеральские сыновья тоже приходят'; ***Вес кугыжан** эрге тангже улмаш да эре тангжымак шонен илен. **Вес кугыжан** эргылан сарым ышташ каласен: «Тол да пытаре, мый тендан дек каем», – манын, кагазым колтен. **Вес кугыжа** сарым тӱгалеш* [1, с. 136]. 'Царевич из соседнего государства был её возлюбленным, она не переставала о нем думать. Царевичу из соседнего государства она сказала: «Иди на наше царство войной, уничтожь его, и я уеду с тобой». Царевич тут же нагрянул на это царство с войной'; ***Олмапу садышкыже** толын, почкалта вӱржым. **Олмапу садеш** шӧртньӧ пеледышан шӧртньӧ олма шочеш* [1, с. 139]. 'Придя в яблоневый сад (сестра царевича. – *Н.Т.*), стряхнула его кровь (солдата. – *Н.Т.*) под яблоню. И в тот же миг яблоня зацвела золотыми цветками и покрылась золотыми яблоками'.

4. Многократный повтор слова или отдельного отрезка текста, встречающегося в различных позициях, называется **сквозным повтором**. Например: *Сонарыш кошташ **ачашт** деч пычалым йодыт. **Ачашт** пычалым налын пуэн. Нуно эре **ачашт** дене пырля коштыныт чодырашке. Икана **ачашт** дене пырля коштмышт годым йомын кодыныт* [1, с. 72]. 'Чтобы ходить на охоту (Миклай и Павел. – *Н.Т.*), просят отца купить им ружье. Отец им ружье купил. Они всегда вместе с отцом ходили в лес. Однажды, когда вместе с отцом пошли в лес, они потерялись'; *Мый тыйым **Вӱдонлан** шке намиен пуэм ыле. Ынде мом ышташ? **Вӱдон** мыланем пеш сыра. Ынде пытышым, **Вӱдон** мыйым карга!* [1, с. 87]. 'Я бы сам тебя отвел к Водяному. Теперь, что я буду делать? Водяной рассердится на меня. Все, теперь Водяной будет проклинать меня'; *Шкеж деке шуэш салтак, **эргыже** тудым налаш куржын лектеш. Ту **эргын** лӱмжӧ Иван улмаш. Салтак тиде **эргыжым** ок шинче, шке кӧргыштыжӧ шоналта: «Но, **эргым**, тыйым вет мый ужаленам», – манеш* [1, с. 94]. 'Придет солдат к себе, его сын встречать выбежит. Этого сына звали Иваном. Солдат не знал про него, про себя думает: «Ну, сынок, я же тебя продал».

Также может повторяться словосочетание и даже целое предложение, например: *Эрдене кынелыт, ангырген коштмышт годым чодыраште модшо кок мераҥ игым ужыт. Нуно коктынат пычалым виктат, мераҥ игым лӱяш. Мераҥ игыже ойла: «Миклай ден Павыл, мемнам ида лӱй. Ме тыланда йолташ лийына», манеш. Мераҥ игым пырля налыт да каят нылытын. Шукат огыт кай, кок рывыж иге тугак модын шогат.* ***Нунымат лӱяш виктат, нунат тугак каласат.*** *Пырля рывыж игымат налыт да каят, кудытын лийыт ынде. Межашке лектыт, да межа дене каят, кок пире иге модын каят.* ***Нунымат лӱяш виктат, нунат тугак каласат****. Нунымат пырля налыт да каят. Межа дене каен-каен, тореш межаш шуыт. Тушто кок маска кучедал шогат.* ***Нунымат лӱяш виктат, да нунат тугак каласат****. Нунымат налыт да луын каят* [1, с. 72–73]. ‘Утром, бродя по лесу, они (Миклай и Павел – *Н. Т.*) видят двух играющих зайчат. Целятся в них оба сразу, но зайчата говорят: «Миклай и Павел, не убивайте нас, мы станем вашими товарищами!» Берут они зайчат и отправляются дальше вчетвером. Отходят немного и видят двух лисят, так же весело играющих. Целятся в них, но они говорят то же. Берут лисят и идут уже вшестером. Выходят на просеку и видят двух играющих волчат. Целятся в них, но они говорят то же. Берут их с собой и идут. Идя по просеке, добираются до поперечной просеки. Там два медведя дерутся. Целятся в них, и они говорят то же. Их тоже берут и идут’.

При повторе одинаковых ситуаций могут повторяться два и более предложений:

– ***Тул кучышо уло? – йодеш кугыза****. Иван ик салтакым ончыкта. Тудо салтакше ик кремга сортам налешат, волгалтараш тӱҥалеш. Шоҥго кугыза тӱҥалеш кӱсле ышташ. Салтак, тулым кучен шинчен-шинчен, нералтен колта.* ***Шоҥго кугыза салтакын вуйжым руал кудалта да адак йодеш: «Тул кучышо уло?»****. Адак вес салтак тулым куча. Кучен шинча-шинчат, нералтен колта.* ***Шоҥго кугыза салтакын вуйжым руал кудалта да адак йодеш: «Тул кучышо уло?»****. Кумшо салтак сортам куча. Тудат сорта тулым кучен шинча-шинчат, нералтен колта.* ***Шоҥго кугыза салтакын вуйжым руал кудалта да йодеш: «Эше тул кучышо уло?»*** [1, с. 178]. ‘«Кто будет держать огонь?» – спрашивает старик. Иван показывает на одного солдата. Тот берет в руки сальные свечи и начинает светить. Старик принимается мастерить гусли. Солдат сидит-сидит и засыпает. Старик рубит спящему солдату голову. Опять спрашивает: «Кто будет держать огонь?» Теперь

свечу берет другой солдат. Он тоже сидит-сидит и засыпает. Старик рубит ему голову и спрашивает: «Кто будет держать огонь?» Третий солдат держит свечи. Он тоже сидит-сидит и засыпает. Старик рубит ему голову и спрашивает: «Теперь кто будет держать огонь?»'.

В данном примере мы видим троекратное повторение ситуации, что является одной из характерных черт марийских волшебных сказок.

Как показывает проанализированный материал, троекратное повторение ситуации, через которую проходят основные персонажи, усиливается одинаковой структурой предложений с повторным лексическим наполнением. Этот факт особенно наглядно прослеживается на материале сказки «Шым кӧсӧ» («Семь коз»). ***Ӱдыр ик кува деке миен пура. «Кувай, мундырам ужыч?» – манеш. «Мундырат дене ит лий, – манеш кува, – мыланем сомыл ышташ полшо!». Ӱдыр пум нумалеш, вӱдым нумалеш. Кочкыт-йӱыт. Ӱдыр каен колта. Ӱдыр куржеш, мундыра куржеш.*** *Ӱдыр ик кува деке миен пура, кува деч йодеш:* ***«Кувай, мундырам ужыч?» – манеш.*** *Куваже манеш:* ***«Мундырат дене ит лий, мыланем сомыл ышташ полшо!» Ӱдыр вӱдым нумалеш, пум нумалеш. Кочкыт-йӱыт. Адак каен колта. Ӱдыр куржеш, мундыра куржеш, ӱдыр ик кува деке миен пура. «Кувай, мундырам ужыч?» – манеш. Куваже манеш: «Мундырат дене ит лий, мыланем сомыл ышташ полшо!» Ӱдыр вӱдым нумалеш, пум нумалеш.*** *Кас лиеш* [1, с. 182]. 'Девушка прибегает к одной старушке. «Тетушка, не видела ли моего клубочка?» – спрашивает девушка. «Не приставай со своим клубочком, лучше помоги мне по хозяйству!» – говорит старушка. Девушка носит дрова, приносит воды. Пьют-едят, девушка уходит. Клубочек катится, девушка бежит. Добегает до другой старушки и спрашивает: «Тетушка, не видала ли моего клубочка?» «Не приставай со своим клубочком, лучше помоги мне по хозяйству!» – говорит старушка. Девушка носит дрова, приносит воды. Пьют-едят, девушка уходит. Девушка бежит, клубочек катится. Девушка прибегает к третьей старушке и спрашивает: «Тетушка, не видела ли моего клубочка?» «Не приставай со своим клубочком, помоги мне по хозяйству!» – говорит старушка. Девушка носит дрова, приносит воды. Наступает вечер'.

5. **Корневой повтор** в словах, близко следующих друг за другом в контексте, например, *Шонго кува* ***вакшышым вакшеш*** [1, с. 159]. 'Бабушка стелит постель'; *«Эй, кува, тыят шонго, мыят шонго.* ***Шонго шонгым*** *ок ондале вет», – манеш маска* [1, с. 85]. '«Эй, бабушка, ты

старая, я старый. Старый старого не обманет», – говорит медведь'; *Акаж ден шӱжарже кочкыт-йӱыт, **тӱрым тӱрлат*** [1, с. 86]. 'Сестры кушают и вышивают'; ***Волашыже волем ыле да, янлыкет-влак тӱкат. Нуным тӱкале ты тоя дене!*** [1, с. 75]. 'Спускаться-то спустилась бы, да зверей твоих боюсь. Потыкай их этой палкой'.

В речевой цепи корневой повтор может быть разделен другими словами, например: *Павыл налеш **тоям**, маскажым шуралта **тоялен** коштмо вуй дене* [1, с. 75]. 'Павел берет палку, тычет медведя концом её'; *Ачаже, шортын-шортын, сугыньым пуа: «Ой, ӱдырем, шӱмкылем, ынде чеверын. Кайыме **корныштет** поро **корнан** лий. Ныле ик тушманым тошкалын, волгыдо эрыкышке лектын кае. Шем кидлан, Вӱдонлан, ит верешт»* [1, с. 82]. 'Отец, плача, благословляет: «Ой, доченька моя, сердечко мое, до свидания. Пусть твой путь будет добрым. Победив сорок одного врага, пусть твоя жизнь будет светлой. В черные руки Водяного не попадись».

6. При **эпифорическом повторе** в высказывании повторяется конечное слово или словосочетание, например: *Иван нангая эрдене ужалаш **кугыжа деке**. Миен шуэш **кугыжа деке*** [1, с. 175]. 'Иван утром едет продавать к царю. Приезжает к царю'; *Толмекше, ик кече **эрта**, вес кече **эрта**, кумшо **эрта*** [1, с. 94]. 'Приехал (солдат. – *Н.Т.*), один день проходит, другой день проходит, третий проходит'; *Миклайже латкок **ияш**, Павылже индеш **ияш*** [1, с. 72]. 'Миклаю – двенадцать лет, Павлу – девять лет'; *Кыдалаш эргын кая эр **кече велыш**, изиракшын кая йӱд **кече велыш*** [1, с. 158]. 'У среднего сына (стрела. – *Н.Т.*) летит в восточную сторону , а у младшего летит в северную сторону'; *Вара серым **каткала**. «Нигудыжат тышечын каен ида керт, коктынат тыгак лийын кодса!» – манын серым **каткала*** [1, с. 102]. 'Потом (отец. – *Н.Т.*) начинает рубить берега. «Чтоб никто из вас не смог отсюда уйти, оба такими же оставайтесь!» – приговаривая, он рубит берега'.

7. Иногда в составе одного высказывания используется **цепь подхватов**. Такие повторы называются цепными, например: *Кая-кая, корно ӱмбалне кугу **тумо** шога. **Тумо** деч умбак корно уке. Иван тудо **тумо** йыр савырна, **тумышто омсам** муэш. **Омсам** шупшыл колта – **омса** почылтеш, тушечын мланде йымак волаш **тошкалтыш** шога. Иван туш пура, **тошкалтыш** дене вола. Волен шогалеш, тушто адакат тыгаяк кече. Корно дене кая, ик **пӧрт** деке шуэш. Тудо **пӧртыш** пура* [1, с. 94]. 'Илет-идет (Иван. – *Н.Т.*), на дороге стоит дуб. От

дуба дальше дороги нет. Иван обходит вокруг дуба, в дубе видит дверь. Дергает за дверь – дверь открывается, а там, чтоб спуститься вниз, лестница есть. Иван заходит и спускается по лестнице. Спускается, а там опять светит солнце. Идет по дороге и доходит до одного дома. Заходит в этот дом'; *«Тыланет кӱлеш шергакан* ***кӱ****. Тиде* ***кӱ*** *мӱндырнӧ кия. Вӱд йымалне уло* ***сондык****. Сондык кӧргыштӧ* ***сондык****, тушто кия шергакан кӱ», – манеш курныж* [1, с. 176]. '«Тебе нужен дорогой камень. Этот камень лежит далеко. Под водой есть сундук. В сундуке находится (еще один) сундук, там лежит дорогой камень», – говорит коршун'; *Пароходым шогалтат,* ***серыш*** *лектыт.* ***Серыште*** *шога изи* ***пӧрт****. Пурат* ***пӧртыш****, тушто шкетак ик шонго кугыза ила* [1, с. 177]. '(Иван и солдаты. – *Н. Т.*) останавливают пароход, высаживаются на берег. На берегу стоит маленький домик. Заходят в дом, а там живет один старик'.

8. При **кольцевом повторе** одно и то же слово повторяется в начале и в конце, тем самым лексически обрамляя высказывание, например: ***Шонго кува*** *конда эргым мӧнгыжӧ, пукша, йӱкта. Эргын кочмыжат ок шу, ончалмыжат ок шу* ***шонго кувам*** [1, с. 159]. 'Старая бабушка приводит парня к себе домой, кормит, поит. Парню не хочется ни есть, ни смотреть на старую бабушку'; ***Вувер-кува*** *ӱдыр-влакын парняштым пурлын онча, коя улыт уке, терга. Уке, кочкаш огыт йӧрӧ* ***Вувер-кувалан*** [1, с. 146]. 'Вувер-кува пробует пальцы девушек, хочет узнать, поправились они или нет. Нет, еще не пригодны для еды Вувер-куве'; ***Кочкыт-йӱыт****, малаш возыт. Эр лиеш, мален кынелыт,* ***кочкыт-йӱыт*** (1, с. 183). '(Девушка и бабушка. – *Н. Т.*) кушают, ложатся спать. Наступает утро. просыпаются, кушают'.

В проанализированных текстах марийских волшебных сказок на синтаксическом уровне встречаются следующие типы повторов, которые даны в порядке убывания частотности в текстах:

– перечисление (66,6%);

– параллелизм (30%);

– полисиндетон (3,4).

Перечисление – повторение синтаксических структур, представленных однородными членами предложения. Повторяться могут:

а) однородные подлежащие, например: *Коремыш вола тудо, тоя-жын вес вуйжо дене тӱкала, тӱкала,* ***кайыкше, янлыкше, айдемыже*** *– чыланат кынелыт, таум ыштат* [1, с. 75]. 'Спустится в овраг он,

потычет палкой с другой стороны; птицы, звери, люди – все поднимаются, благодарят'; *Вот пычалетым налеш ынде, лӱен колта тудым, вара* ***маска, пире, пий, мераҥ*** *кудал пурат* [1, с. 114]. 'Вот берет ружье, стреляет в него, а потом медведь, волк, собака, заяц вбегают';

б) однородные сказуемые, например: *Патыр* ***кочкеш, йӱэш, малаш возеш*** [1, с. 86]. 'Богатырь ест, пьет, идет спать'; *Марий* ***йывырта, ӧндалеш*** *мотор ӱдырым,* ***мален колта*** [1, с. 159]. 'Парень радуется, обнимает красивую девушку и засыпает'; *Унам* ***пуртат,*** *ӱстел* ***коклаш шындат, пукшат, йӱктат*** [1, с. 165]. 'Гостя приглашают, за стол сажают, кормят, поят'; *Иван* ***коштеш-коштеш, ончен налеш, лӱен колта, пуштеш*** [1, с. 175]. 'Иван ходит-ходит, присматривается, выстрелит, убьет';

в) однородные дополнения, например: *Капше йыр тӱрлӧ чодыра янлыкым сакален:* ***маскам, шордым, мераҥым, урым,*** *тулеч молымат* [1, с. 85]. 'На шею свою повесил разных лесных зверей: медведя, лося, зайца, белку и других';

г) однородные обстоятельства, например: *Изиракшын каен ала-кушко мӱндыркӧ, кая кычалын* ***шораш-влак гоч, кугу кожла гоч, тӧҥыз гоч*** (1, с. 158). 'У младшего стрела улетела куда-то далеко, он пошел искать её через болота, через дремучие леса, через моря'.

Следующим типом синтаксического повтора является параллелизм, имеющий различные модификации, к которым относятся полный параллелизм (баланс) и частичный (неполный) параллелизм. Полный параллелизм характеризуется сходной синтаксической структурой либо в рамках сложного предложения, либо в рамках контекста, например: *Тый снегым погет, мый вопшым шуам* [1, с. 190]. 'Ты землянику собираешь, я борти стану тесать'; *Мундыра куржеш, ӱдыр куржеш* [1, с. 184]. 'Клубок катится, девушка бежит; *Вара кугыжа пулвуй нарышкыже пура, лудыжо изишак келгышкырак кая. Кугыжа конлайымал данытышке пура, лудо эше келгышкырак кая* [1, с. 139]. 'Потом царь заходит по колени (в воду. – *Н.Т.*), утка еще чуть-чуть поглубже заплывает. Царь заходит до плеч, утка еще глубже заплывает'. Все три примера сходны синтаксическими структурами, которые можно представить соответственно:

1. Подлеж^{1}. + дополн^{1}. + сказуем^{1}., подлеж.^{2} + дополн.^{2} + сказуем.^{2}
2. Подлеж.^{1}+ сказуем., подлеж.^{2} + сказуем.
3. Обстоят.^{1} + подлеж.^{1}+ обстоят.^{1} + сказуем.^{1}, подлеж.^{2}+

обстоят.[2] + сказуем.[2] Подлеж.[3]+ обстоят.[3] + сказ.[3], подлеж.[4]+ обстоят.[4] + сказуем.[4]

Чаще всего параллельные конструкции усиливаются одинаковым лексическим «наполнением» члена предложения, стоящим в начале или в конце предложения. Это как бы высшая степень параллельного строения: предложения, объединенные в контексте, имеют не только одинаковую или сходную синтаксическую структуру, но и одинаковое лексическое наполнение [21, с. 113].

В зависимости от расположения лексически одинаково наполненного члена предложения выделяют анафорическую параллельную связь, например: ***Латкок ведра*** *аракам намие,* ***латкок ведра*** *пӱрым нал* [1, с. 81]. ‘Двенадцать вёдер вина принеси, двенадцать вёдер кваса возьми’. Для исследуемого фольклорного жанра характерна также эпифорическая параллельная связь, то есть баланс подчеркивается одинаковым конечным словом, например: *Ватыже кол* ***лиеш****, марийже ер* ***лиеш*** [1, с. 102]. ‘Жена станет рыбой, муж станет озером’; *Ик кугыза* ***лиеш****, кок куваже* ***лиеш****, кок ӱдыржӧ* ***лиеш*** [1, с. 182]. ‘Один старик будет, две бабушки будут, две девушки будут’; *Изажымат* ***шона****, иямат* ***шона*** [1, с. 120]. ‘Думает и про брата, думает и про черта’; *Миклайже латкок* ***ияш****, Павылже индеш* ***ияш*** [1, с. 72]. ‘Миклаю – двенадцать лет, Павлу – девять лет’.

Из приведенных выше примеров видно, что конечное слово чаще всего является сказуемым, что связано с порядком следования членов предложения в марийском языке. Обычное место сказуемого в марийском языке – в конце предложения. Но встречаются примеры, в параллельных конструкциях которых конечную позицию занимают обстоятельства, например: *Кыдалаш эргын кая эр* ***кече велыш****, изиракшын кая йӱд* ***кече велыш*** [1, с. 158]. ‘У среднего (стрела) летит в восточную сторону, а у младшего – летит в северную сторону’. Нарушение обычного порядка следования членов предложения получило название грамматической инверсии. В данном примере инверсия представлена постпозицией обстоятельственных слов по отношению к сказуемому.

Кроме того, в исследуемых текстах марийских волшебных сказок встречается параллелизм, усиливающийся почти полностью одинаково лексически наполненными компонентами, например: *Мый*

лектын ончӓлам гын, сумка шинчырга гын, тый коленат лиеш, тый лектын ончӓлат гын, сумка шинчырга гын, мый коленам лиеш [1, с. 73]. 'Если я выйду и увижу, что сумка сморщена, значит, ты умер. Если ты выйдешь и увидишь, что сумка сморщена, значит, я умер'. В данном примере по лексическому составу отличаются подлежащие, а остальные члены предложения имеют одинаковое лексическое наполнение.

В анализируемом материале наблюдается также частичный параллелизм, когда в одном из параллельных рядов отсутствует один или несколько элементов или нарушен порядок следования членов предложения, например: *Шола кидше дене рӱзалта – сад лийын шинчеш. Пурла кидше дене рӱзалта – лиеш ер* [1, с. 165]. 'Взмахивает левой рукой – сад вырастает. Взмахивает правой рукой – образуется озеро'; *«Мыйым шонет гын, пурла могырышто шинчыше бочкышко шинчавӱдетым йоктарен теме, иям шонет гын, шола могырышто шинчышыжым шинчавӱд дене теме», – манын кода* [1, с. 144]. 'Если обо мне подумаешь, пусть наполнится слезой правая бочка, если о черте подумаешь, пусть наполнится слезой левая'. В первом примере полный параллелизм нарушен инверсией во второй части высказывания (постпозицией подлежащего по отношению к сказуемому), а во втором – отсутствием определяемого причастием имени существительного.

Для марийских волшебных сказок характерно также многократное использование связующих слов в предложении, которое называется полисиндетоном. В исследуемом материале полисиндетон основывается на повторении союзов или союзных слов, например: ***Куш*** *шинча онча,* ***куш*** *вуйжо пура, тушко кая ынде эргыже* [1, с. 94]. 'Куда глаза глядят, куда голова пролезет, туда теперь идет его сын'. В представленном примере повторяется союзное слово куш 'куда'.

Функции повтора разнообразны. Лингвисты выделяют в целом следующие функции повтора:

– функция усиления;
– функция последовательности;
– функция модальности;
– функция нарастания.

Они отмечают, что повторы передают значительную дополнительную информацию эмоциональности и экспрессивности и, кроме того, часто служат важным средством связи между предложениями [20, с. 183; 21, с. 258– 270].

В исследуемых фольклорных марийских волшебных сказках основной функцией повтора является соединительная, т.е. образуется непрерывное движение, логическая цепь описаний ситуаций, героев, их действий и поступков в связном тексте. Кроме того, повторение аналогичных ситуаций, эпизодов, сцен, картин с помощью таких выразительных средств, как параллелизм, перечисление, полисиндетон, цепной повтор, анадиплозис, создает ритм на композиционном уровне. Лексический повтор одного и того же слова или словосочетания привлекает внимание читателя / слушающего к выделенному элементу, показывает значимость сказанного. Основной функцией дублетных слов является отражение временной длительности действия, показ действия в процессе. Кроме того, повтор (на лексическом и синтаксическом уровнях) создает общую картину повествования: либо он подчеркивает динамику происходящих событий, либо, наоборот, способствует описанию монотонности действий и поступков.

Сочетание различных типов экспрессивных и образных средств создает магический мир марийской сказки. Богатый потенциал языковых приемов жанра привлекает внимание читателей, слушателей, исследователей, позволяя отнести волшебные сказки к выдающимся памятникам духовного наследия народа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Сказки луговых мари: Свод марийского фольклора / Сост. С. Сабитов. Йошкар-Ола, 1992.

2. *Кравцов Н.И., Лазутин С.Г.* Русское устное народное творчество. М., 1983.

3. *Четкарев К.А.* О марийских терминах «сказка» // Труды МарНИИ. Вып. 1. Вопросы языка, литературы, фольклора и истории мари. 1939.

4. *Четкарев К.А.* Марийские сказки // Ученые записки Марпединститута. Т. II. 1941.

5. *Четкарев К.А.* Героические образы в марийских сказках // Ученые записки МарНИИ. Вып. 4. Литература, фольклор, искусство.1951.

6. *Четкарев К.А.* Марийские сказочники // Марийские народные сказки. Йошкар-Ола, 1955.

7. *Четкарев К.А.* О героинях марийских сказок // Труды МарНИИ. Вып. 9. История, язык и литература мари. 1956.

8. *Акцорин В.А.* Ямак гишан ик-кок шамак // Ончыко. 1961. № 1.

9. *Акцорин В.А.* Шым шулдыран имньым кычалын ... // Ончыко. 1980. № 4.

10. *Сабитов С.С.* К вопросу о происхождении некоторых мотивов в марийских волшебных сказках // Вопросы марийского фольклора и искусства. Вып.3. Йошкар-Ола, 1982.

11. *Сабитов С.С.* Марийские волшебные сказки: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таллинн, 1985.

12. *Сабитов С.С.* История публикации и изучения марийских сказок в советское время // Проблемы изучения марийского фольклора и искусства. Вып. 9. Йошкар-Ола, 1986.

13. *Сабитов С.С.* Сюжеты марийских волшебных сказок // Основные тенденции развития марийского фольклора и искусства. ВМФИ. Вып.7. Йошкар-Ола, 1989.

14. *Сабитов С.С.* Марийские сказки о мачехе и падчерице // Фольклор народов Российской Федерации: Фольклор и этнография: Общее и особенное в фольклоре разных народов. Уфа, 1990.

15. *Сабитов С.С.* Классификация марийских народных волшебных сказок по системе СУС // Тезисы докладов на конференции по итогам научно-исследовательской работы МарНИИ в 1986–1990 гг. Йошкар-Ола, 1991.

16. *Сабитов С.С.* Современное бытование марийских сказок о «чудесном дереве» // Фольклор и искусство в современной художественной культуре Марийской АССР. ВМФИ. Вып. 9. Йошкар-Ола, 1991.

17. *Глухова Н.Н.* Система стилистических средств в марийских фольклорных текстах // Коми-зырянская культура XX века и финно-угорский мир. Сыктывкар, 2002.

18. *Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка: Стилистика декодирования. М., 1990.

19. *Гальперин И.Р.* Стилистика английского языка. М., 1981.

20. *Гальперин И.Р.* Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.

21. *Солганик Г.Я.* Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). М., 1991.

Nina Timofeyeva

THE EXPRESSIVE MEANS IN THE MARI FAIRY TALES

The article deals with the expressive means of the Mari fairy tales. Using the methods of linguistic analysis the author investigates the expressive means of lexical and syntactical levels, their pragmatic aspects.

The texts of the Mari fairy tales investigated by the author contain the following types of lexical repetition: anaphora, epithora, framing repetition, reduplication (or anadiplosis), chain-repetition.

The expressive means of syntactical level are represented by parallel constructions of two types, enumeration and polysyndeton.

The author offers a review of the functions different types of repetition perform in the analyzed texts.

The author confirms the conclusions she comes to by convincing examples taken from 20 texts.

«Финно-угроведение», 2005, № 2.

Роза Кириллова
Ижевск

ОБРАЗЫ-СИМВОЛЫ В РОМАНЕ КЕДРА МИТРЕЯ «ТЯЖКОЕ ИГО» И В ПОЭМАХ М.П. ПЕТРОВА «НАТАША» И «ИТАЛМАС»

Животные суть не что иное, как прообразы наших добродетелей и пороков, блуждающие перед нашим взором призраки наших душ.

Виктор Гюго

В удмуртской литературе, как, в сущности, и в литературах других народов, образы животных используются для познания путем противопоставления мыслящего, разумного и инстинктивного начала. «Ведь границы культуры проходят именно там, где человек, выделяя себя из природы, устанавливает сознательное отношение, прежде всего, к высшим ее представителям, соотносит себя с ближайшими своими соседями и сородичами в мироздании» [1, с. 88].

Роман Кедра Митрея «Тяжкое иго» открывается лирическим изображением природы. Пение птиц, картина леса придают особый эмоциональный настрой повествованию, глубже раскрывают психологию и характер поведения героев. «Образ дремучего леса, открывающий роман, несет предметно-конкретное содержание, в то же время являясь символом трудной «сумрачной» жизни народа. Хотя лес кормит человека, борьба с ним – тоже «тяжкое иго» народа» [2, с. 62].

В сюжетно-композиционном строе романа использованы мотивы народных сказок, в сюжете сочетаются вымысел с реалиями жизни.

Неоспоримым является глубокая осведомленность Кедра Митрея в области фольклористики и этнографии финно-угорских наро-

дов, народов Поволжья. Неоднократные встречи и изучение трудов Г.Е. Верещагина (этнографа), Д.С. Васильева-Буслая (композитора) активизировали интерес Кедра Митрея к устно-поэтическому творчеству своего народа. Ярким тому подтверждением являются отголоски тотемизма, перенос качеств животного на человека. Приобщенность к общеродовому, народному началу, тяга к подсознательному преобладают у Кедра Митрея над мышлением человека цивилизованного, наделенного индивидуализацией. Подтверждением сказанному является анализ его романа «Тяжкое иго» («Секыт зибет») в сопоставлении с поэмами М.П. Петрова «Наташа» и «Италмас». Разножанровые произведения этих писателей близки по обращенности к одним и тем же темам устно-поэтического творчества удмуртского народа, и по использованию ими образов зооморфной символики.

Композиционный строй произведений Кедра Митрея и М.П. Петрова основан на применении клише, как элементе устного народного творчества. Народная поэзия знает множество вариантов отражения истории любви двух молодых людей одинакового социального происхождения, вызывающей различные оттенки переживаний от романтически возвышенного до трагически приземленного. Имея в виду эти различные проявления чувств, М.П. Петров в поэме «Италмас» дает замечательные лирические отступления о любви, мастерски используя такую стилистическую фигуру, как анафора:

Яратон, яратон! Мар меда сыче тон? Любовь, любовь! Что же ты такое?
Оло тон – шумпотон, оло тон – курекton? Или ты радость, или горе?

Подстрочный перевод автора

В поэме «Италмас» широко использованы традиционные символические образы для описания влюбленной пары: девушка – лебедь, соловей; юноша – степной орел, коршун; растительные образы-символы: кудрявый клен, луговые цветы, черные смородинки, румяные яблоки, спелые земляничи.

У Кедра Митрея: Дылык – голубь, Дангыр – отважный, как орел, работящ и могуч, как медведь, прекрасный охотник, и повадками, и своим обликом сливается с миром природы. Внешне Дангыр некрасив, но привлекателен внутренне. Этим он превосходит своих сверстников.

Здесь мы видим родство с русским народным поэтическим творчеством, в котором былинные могучие богатыри являются символом ума, силы, храбрости и патриотизма своего народа. Дангыр близок к галерее удмуртских батыров. Встретив в лесу медведя, он вступает в единоборство и побеждает его. Этот поединок вышел из устно-поэтического творчества, из мотива инициации – момента «становления» героя, «перехода индивида из одного статуса в другой, в число взрослых, брачно-способных, в мужской союз» [3, с. 176], так как в каждом человеке есть животное начало, которое человек должен перебороть. В единоборстве с медведем древние пермяне осознавали себя активной силой, сбрасывали давящий веками груз страха, покорности и уже потом поднимались на путь социальной борьбы за свои права, за счастье народа [3, с. 234]. Даже цивилизованные люди должны понимать силу своих инстинктивных влечений и свою беспомощность перед эмоциями, автономно возникающими в подсознании... Он боится своих агрессивных внутренних импульсов и стремится умиротворить их путем жертвоприношений и ритуалов [4, с. 234].

Удмурты и другие финно-угорские народы старались давать ребенку имя священного животного, желая тем самым оградить его и все племя от воздействия потусторонних злых сил. При этом, как амулет, хранили и передавали из поколения в поколение части тела этого животного (когти, клыки, лицевые части головы – по поверью, эти части тела обладают особой магической силой). Примером тому может служить отец Дыдык – Вортча Пужей (Серебристый олень).

Английский ученый, исследователь, психолог Карл Юнг писал: «Вождь первобытного племени не только наряжается животным, переодевается в звериные шкуры, но и является для соплеменников этим животным. В такие моменты он воплощает или представляет предка племени и, следовательно, главное божество – тотемное животное этого племени [4, с. 233].

Олень – примечательное символическое животное, нашедшее отражение в образном мышлении людей древнего мира. Нередко олень вместе с быком образует некую мифическо-космическую, дуалистическую систему, подобно дикой лошади и корове. Из-за своих ветвистых, древоподобных, периодически обновляющихся рогов олень символизирует омоложение жизни, а значит, и ход времени.

Ветвистые рога оленя также могут символизировать и лучи солнца. По раннехристианским представлениям, олень изрыгает воду во всякую земную щель, где могут укрываться ядовитые змеи, заставляя их всплыть, а затем растаптывает их [5, с. 186].

У удмуртов олень – благородное животное, предводитель племени. В характере Вортча Пужея, по замыслу автора, заложены сходные качества.

И в фольклоре, и в произведениях литературы других народов характерны ситуации вмешательства в любовь двух молодых и равных по социальному статусу людей третьего лица, обычно богатого, но внешне и духовно непривлекательного. В поэме «Наташа» М.П. Петрова это Бектэмыр – старый богач, воспылавший страстью к героине, который всеми силами препятствует любви Наташи и Володи. У Кедра Митрея Иван – сын местного богача Киона Эшкемея.

Для характеристики отрицательных героев оба писателя используют приемы метафоры и метаморфозы: при описании Бектэмыра Петров использует черты волка, у него «звериный храп». Для изображения образа злодея Бектемыра также используется зооморфный символ зверья:

Долго девичья бьется рука,
И звериный дыхания запах,
И проклятая участь близка.

Перевод В. Цвелева

Иван («Тяжкое иго») – сын «волка», отец – близок по повадкам к этому коварному и жестокому зверю, Иван – несмышленый волчонок, он глуповат.

Волк в фольклоре народов Центральной Европы очень опасный хищный зверь; он несет немалую художественную нагрузку в сказках как враждебный человеку звериный образ, а кровожадные люди превращаются в волков (оборотень – человек-волк). В древней мифологии северных народов скованный гигантский волк Фелрир в последней битве разбивает свои оковы и проглатывает Солнце. В античные времена волка считали зверем-призраком, один взгляд которого лишает дара речи. Чингисхан, покоривший многие страны, тоже похвалялся своим происхождением от серо-голубого, с высоких небес спустившегося «избранного волка». У римлян по-

явление волка перед битвой могло расцениваться в качестве символа будущей победы, так как он связывался с богом войны Марсом.

В Древнем Китае волк воплощал алчность и жестокость; «волчий взгляд» означал недоверие и вызывал ужас у сбивающихся в стаи других зверей. Лишь у степных тюркских народов волк воспринимается как родовой тотем, отсюда знамена и штандарты с волчьей головой.

В христианском образном мышлении волк выступает в первую очередь в качестве символа дьявола, угрожающего верующим. Его «адская пасть» изображается то как пасть дракона, то как пасть того же волка [5, с. 45].

Положительные герои в романе «Тяжкое иго», в свою очередь, тоже сравниваются с определенными представителями животного мира. Для подчеркивания их позитивной роли в произведении авторами используются образы птиц (жаворонок, соловей, голубь). Главная героиня «Тяжкого ига» -- Дядык (голубь) – миролюбивая, нежная. Сегодня голубь – символ мира. Сходная символика была и в античные времена, когда голубя противопоставляли коршуну и ворону. В Библии голубь символизирует конец Всемирного Потопа, он приносит в Ковчег оливковую ветвь. В удмуртской мифологии голубь также символ доброты, чистоты, целомудрия, нежности, кротости [5, с. 186].

Кедра Митрей использует образы коршуна, орла, ворона. И М.П. Петров в поэмах «Наташа», «Италмас» тоже обращается к этим образам как к символам, противоположным светлому, гармоническому началу. В «Энциклопедическом словаре символов» Ганса Бидермана читаем: «Коршуны – по сравнению с орлами – считаются менее царственными, поскольку они известны тем, что питаются только падалью… Лишь в Древнем Египте коршун пользовался большим почитанием, прежде всего, в образе богини-коршуна Нехбет в Верхнем Египте» [5, с. 129].

Примечательна в романе «Тяжкое иго» сцена ареста Дангыра и параллельная ситуация из животного мира: всадник похитил беззащитного ягненка у матери-овцы – «…Ыжпиос мумызы борсьы потыны оз быгатэ. Сояз но таяз но кенер пасе йырзэс чуртнало, потыны уг тэро. Одигез ыжпи йырзэ пучъёс вискы подиз. Кенер вамен потыны уг тэры, йырзэ берлань кыскыны уг нодъяськы… Курадзись ыжпиез валэн адями адзиз <…> Ыжпиез адями асэныз валче

вал вылэ жутиз. Жутиз но вал вылаз ик пыр нуиз» («Ягнята… стали метаться. Один ягненок застрял головою в жердях. Если бы повернул голову боком, выбрался бы. Но разве догадается об этом неопытный месячный ягненок?») [6, с. 64–65]. Так и Данғыр: «За что это? – недоумевал он, когда его на другое утро повели к начальнику. – Неужели за то, что я в облаву не ходил?» [7, с. 47]. Видим то же недоумение человека, как и незащищенного ягненка: хватают, тащат, а он даже не понимает – за что?!

Еще один характерный образ для творчества обоих писателей – образ орла.

Орел в удмуртской мифологии – хищник, но более благородный, чем коршун. Орел – борец. Орел – «царь птиц»; известен как символ безграничной власти и обороноспособности, поэтому в первую очередь – как геральдический символ, используемый во многих гербах и государственных эмблемах. Согласно античным преданиям, существовал обычай при сжигании трупа царя выпускать в небо орла, который для богов был символом восходящей души умершего. «…В христианские времена наделялся добродетелью справедливости, но ему приписывался и грех высокомерия, вероятно, из-за его устремленного вдаль взгляда, который, казалось, игнорировал ближайшее. В христианской мифологии орел всегда рядом с Богом» [5, с. 188]. «…Отын но зеч калыктэм овол, вылды, кенэ. Пиме валасъёс шедёзы. Кучыранъёс сяна орзи но вань» («И там без добрых людей не обойдется, наверное, сноха. Поймут нашего сына. Кроме филинов есть и орлы») [6, с. 136]. Этот яркий пример отражает стремление автора «Тяжкого ига» через сопоставление животных с человеком выразить сущность героев, близкую к животному, природному, языческому началу, которое, по представлению К. Юнга, живет в каждом человеке. Недаром древние изображали Кентавра (человек-лошадь), Минотавра (человек-бык), птицу Сирин (человек-птица).

Кедра Митрей через зооморфные символы смог передать внутреннее психологическое состояние человека, его духовное, родовое начало. Роман «Тяжкое иго», посвященный насильственной христианизации, отображает ломку психологии человека, его философское перерождение. В произведениях М.П. Петрова сохранены те же образы-символы, что и в произведениях Кедра Митрея, – Италмас, Дыды. Можно говорить о сходном мировосприятии удмурт-

сиков, которые обращались к поэтике родного фольклора, тем самым художественно обогащая свои произведения прозы и поэзии.

Кедра Митрей показал через судьбу Дангыра, как происходит в душе человека надлом, психическая перестройка.

Он – «маленький» человек, живущий в мире природы. Зная ее тайны, циклические изменения, подчиняет свою жизнь ее законам. Уверенный в том, что так сохраняет себя и весь свой род, но жестокая действительность вторгается в этот гармоничный мир, в его душу и быт.

Принимает религию, которую навязывают сомнительные люди, поэтому глубоко переживает случившееся. Так, читая роман Кедра Митрея «Тяжкое иго», как и произведения классиков русской литературы, мы познаем его философию жизни, добра и зла. Ибо перед ней нет первичного (первозданного) сознания к цивилизованному, что несла собой в известной мере христианская религия – это традиционная ситуация.

Поэтому наследники Кедра Митрея более убедительно доказывают свою правоту, обращаясь к различным художественным приемам устного поэтического творчества, с помощью которых легче и доступнее объяснить читателю содержание исторической книги.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Эпштейн М.Н.* Природа, мир, тайник вселенной: Система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990.

2. *Богомолова З.А.* Песня над Чепцой и Камой. М., 1981.

3. *Зуева А.С.* Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций. Ижевск, 2000.

4. *Юнг К.Г.* Священные символы: камни и животные // Человек и его символы. М., 1997.

5. *Бидерман Г.* Энциклопедический словарь символов человека. М., 1996.

6. *Кедра Митрей.* Секыт зибет: Роман, повесть, веросъёс, кылбурьёс, поэма, годэ ваён. Ижевск, 1988.

7. *Кедра Митрей.* Тяжкое иго // Избранное. Ижевск, 1965.

Roza Kirillova

THE SYMBOLIC IMAGES IN THE NOVEL «HARD YOKE» BY KEDR MITREY AND IN THE POEMS «NATASHA» AND «ITALMAS» BY M.P.PETROV.

The author of the report analyzes the symbolic images in the novel «Hard yoke» by Kedr Mitrey and in the poems «Natasha» and «Italmas» by M.P.Petrov. In Udmurt literature and in the works of other peoples the images of animals are used in order to portray the characters. In these writers' works traditional symbolic images are used: the swan, the nightingale, the pigeon, the eagle, the kite, the bear, the deer and the wolf. By resorting to different expressive means the authors explain the contents of their works to the reader in a simpler way and in plain words.

«Финно-угроведение», 2005, № 2.

Надежда Шутова
Ижевск

О МЕТОДИКЕ ИНТЕГРИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ УДМУРТСКОМУ И РУССКОМУ ЯЗЫКАМ

Общеизвестно, что школьники сильно перегружены, уровень требований для большинства из них стал просто недостижимым. Как следствие, пропал интерес к учебе и уверенность в себе. Мы считаем, что выходу из создавшейся ситуации в какой-то мере может способствовать уровневая дифференциация и интеграция обучения школьников.

Ученые И. Коложвари и Л. Сеченикова считают, что интегрированным « … можно считать урок, решающий конкретные и перспективные задачи курса интегрированного, т.е. представляющего собой новое сложное единство, лежащее в качественно иной плоскости, чем те два или три предмета, на основе которых он спланирован» [1, с. 88]. Присутствие нескольких учителей или механическое объединение материала учебных дисциплин – это еще вовсе не показатель уровня интегрированности. Реально этот уровень определяется тем кругом задач, которые возможно выполнить только благодаря интегрированию. Важнейшая из этих задач – «… интенсификация познавательного интереса и процесса выработки общеучебных умений и навыков на основе решения одного и того же вопроса интегрированного курса».

Известно, что конкретные способы использования знаний одного из предметов на уроках другого можно определить только на основе тематического и поурочного планирования. Именно такое интегрированное планирование уроков русского и удмуртского (родного) языков представлено нами в данном случае.

Конкретные формы работы определяются с учетом специфики класса. По справедливому мнению известных специалистов, учитель,

прежде всего, анализирует уровень подготовленности учеников своего класса, оценивает их психологические особенности и познавательные интересы. Трудности, существующие в их учебной деятельности, могут быть одной из причин использования метода интеграции. Порой успешное изучение школьниками одного предмета зависит от наличия у них определенных знаний и умений по другому.

Приведем несколько примеров того, как можно объединить в крупные блоки уроки русского языка по теме «Имя существительное» в VI классе. (Следует напомнить, что части речи в V классе не изучаются).

Данная часть речи основательно изучена на уроках удмуртского и русского языков в начальных классах. Задача обучения в VI классе – углубить и систематизировать имеющиеся знания. Новыми для учащихся будут сведения о разрядах существительных, имеющих форму только единственного и только множественного числа, об особенностях склонения и правописания существительных на *-ия, -ий, -ие*, о разносклоняемых и неизменяемых именах существительных. Учитывая все это, программный материал по разделу «имя существительное» можно объединить в следующие блок-уроки.

Блок №1

На доске записаны следующие темы:

1.Понятие о существительном.

2.Существительные одушевленные и неодушевленные, нарицательные и собственные.

3.Род имен существительных.

Учитель, обращаясь к классу, спрашивает, знакомы ли учащимся эти темы.

Ученики. Да.

Учитель. На каком уроке узнали эту тему?

Ученики. На уроках родного и русского языков в начальной школе.

Учитель. Тогда мы сначала устно приведем примеры по каждой из трех тем, а затем приступим к выполнению упражнений. Ваши ответы покажут, как вам помог усвоить этот материал родной язык. А пока еще один вопрос: какую из тем, написанных на доске, вы не изучали на уроках родного языка?

Ученики. Род имен существительных. Но мы знаем об этом из уроков русского языка .

Учитель должен заранее приготовить упражнения по вышеуказанным темам. Это могут быть карточки для индивидуальной и групповой работы, упражнения из учебника, небольшой по объему диктант с грамматическими заданиями типа: найдите в тексте имена существительные, поставьте к ним вопросы; подчеркните только одушевленные (неодушевленные, нарицательные, собственные) существительные. Таким образом учитель выявит уровень усвоения первых двух тем. На эту работу он должен потратить не более 20 минут, а оставшееся время и домашнее задание отводится на усвоение сведений о категории рода имен существительных и на контроль по традиционной методике. Анализ ученических работ выявляет большое количество ошибок в определении рода имен существительных, оканчивающихся на мягкий согласный, а также заимствованных слов, составляющих группу несклоняемых существительных.

Итак, умелая опора на знания по родному языку помогла объединить и интегрировать в один урок три темы, на каждую из которых программа отводит по одному часу. В результате мы сэкономили время, избежали дублирования и добились опережения на два часа в неделю.

На следующем уроке должен быть проведен диктант, текст которого будет содержать орфограммы по всем трем темам. Если данный вид контроля выявит слишком много недостатков в усвоении какой-либо темы или раздела программы, то переходить к следующей теме нельзя.

Блок № 2

1. Число имен существительных.
2. Падеж имен существительных.
3. Склонение существительных единственного числа.
4. Склонение существительных множественного числа.

Методика проведения этого блок-урока идентична вышеописанной. По мере получения правильных ответов учащихся учитель вычеркивает одну за другой соответствующие темы на доске, показывая этим, что дублирования теоретической части на уроке русского языка уже не будет. Новым для учащихся в данном блоке являются особенности склонения правописания существительных на *-ия, -ий, - ие* (армия, санаторий, здание).

Учитель объясняет, что в данных словах *и* перед *-я, -й, -е* в окончание не входит (в здании, в армии, в санатории).

Хорошую возможность проконтролировать усвоение учащимися тех или иных правил дают выборочные диктанты с последующей коллективной проверкой. Задания при этом могут быть самые различные – и относительно простые, и усложненные, например: выписать существительные, ставя их в начальную форму; выписать существительные, распределяя их по склонениям. Диктанты такого типа применяются довольно часто, так как их можно с успехом использовать при изучении практически всех частей речи.

Очень важна для учащихся специально организованная работа с ответами: она воспитывает необходимые навыки самоконтроля, умение видеть свои ошибки или, наоборот, убеждаться в правильности своего мнения, закрепляет и шлифует формирующиеся знания и практические навыки. Особенно эффективна такая работа при подготовке к контрольной проверке знаний.

На других этапах закрепления знаний, умений и навыков начинается самостоятельная работа по преимуществу дифференцированного характера. Необходимо подготовить не менее трех вариантов заданий различной степени трудности. Одни из них заранее записываются на закрытых частях распашной классной доски, другие – на пленках кодопозитивов, третьи – на карточках. Широко используются печатные карточки из «Дидактического материала». В нужный момент все эти задания предъявляются учащимся.

Если проведенный урок выявил какие-либо пробелы или слабые места в знаниях учащихся, учитель (или учителя – в том случае, когда удмуртский и русский язык ведут два разных преподавателя) должен учесть это на последующих уроках не только русского, но и удмуртского языка, в этом заключается суть взаимосвязанного обучения.

Для дополнительных занятий с теми, кто не усвоил программный материал, предусмотрен шестой урок (условно назовем его резервным, так как мы практически освобождаем детей от шестого урока). Количество оставшихся на шестой урок не должно превышать 3–7 человек.

Второй способ ликвидации пробелов – домашнее задание. Его получают только те, кто допустил ошибки в самостоятельной работе.

Итак, данный блок интегрирует в один урок сразу четыре темы. Между блоками можно предусмотреть уроки развития речи.

Продемонстрировано два блока из шести составленных нами. Итак, вместо 23 часов, отведенных по программе В. Бабайцевой на изучение имени существительного, мы использовали не более 13.

Что же дает такое обучение? Во-первых, за короткое время обеспечивается углубленное и прочное восприятие учащимися целостных, относительно завершенных блоков изучаемого мате-риала. Во-вторых, создаются благоприятные условия для целенаправленного и систематизированного применения комплекса организационных форм обучения, привлекающих учащихся к разнообразным видам деятельности. В-третьих, становится возможной подлинная дифференциация и индивидуализация обучения, его тесная связь с родным языком.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Колюжвари И., Сеченикова Л.* Как организовать интегрированный урок // Народное образование. 1996. № 1.

Nadezhda Shutova

ON THE METHODS OF INTEGRATED TEACHING MOTHER'S TONGUE AND THE RUSSIAN LANGUAGE.

An integrated Russian and Udmurt classes-planning is presented in the report. Concrete ways of using the knowledge of one of the subjects at the lessons of another subject can be figured out on the basis of the subjects plan and the lessons plan. Concrete kinds of work are singled out taking into consideration the specific character of the group. The author presents the themes of lessons which help to master the Russian and the Udmurt languages.

«Финно-угроведение», 2005, № 2.

ПЕРСОНАЛИИ

Валерий Вершинин
Йошкар-Ола

СЛАВНЫЙ ЮБИЛЕЙ ПРОФЕССОРА И.С. ГАЛКИНА

16 сентября 2005 г. исполнилось 75 лет одному из известнейших финно-угроведов, профессору Ивану Степановичу Галкину, автору многих научных трудов, в том числе двенадцати монографий большого объёма, значение которых трудно переоценить, статей (чаще всего больших по объёму и имеющих научную ценность), учебных пособий, программ по современному марийскому языку, большого количества рецензий на труды по уралистике и марийскому языку. Широко признаны в научном мире его «Историческая грамматика марийского языка», большой цикл работ по топонимике.

И.С. Галкин родился 16 сентября 1930 г. в д. Рошня Советского района Республики Марий Эл. В 1948 году окончил Ронгинскую школу, далее – финно-угорское отделение Карело-Финского (ныне Петрозаводского) государственного университета, получив в 1953 году диплом по специальности «Финно-угроведение». В 1953–1956 гг. обучался в аспирантуре Тартуского университета. Его научным руководителем был академик АН Эстонской ССР, доктор филологических наук, профессор П. Аристэ, оказавший на него большое влияние как в плане научной корректности, так и джентльменского поведения, дисциплинированности и исполнительности во всём. Иван Степанович Галкин нам известен не только как большой учёный, но и как человек исключительной порядочности и честности, всегда готовый помочь начинающим учёным, и в то же время жёстко отвергающий несправедливость, беспринципность, верхоглядство.

Кандидатская диссертация «Суффиксальное образование глаголов в современном марийском языке» И.С. Галкиным была защищена в Тартуском университете в 1958 году. Через десять лет И.С. Галкин стал доктором филологических наук (докторскую диссертацию «Историческая морфология марийского языка» он защитил в АН Эстонии в 1968 г.), в 1970 г. – профессором. Область научных интересов И.С. Галкина постоянно расширялась: это общее финно-угроведение, сравнительно-историческое языкознание, языковые контакты; история языка, грамматика, ономастика, топонимика, лексикология, лексикография, орфография, культура речи, функционирование и будущее марийского языка.

Велик и вклад юбиляра в созидательной и организаторской деятельности в МарНИИЯЛИ на протяжении нескольких десятков лет: младший научный сотрудник (1956), старший научный сотрудник (1959), директор (1960–1982, за этот период институт получил новое здание, что позволило по-новому, на более солидной материальной основе наладить работу научного коллектива), ведущий научный сотрудник (1995), заведующий отделом языка (1997–2001), ведущий научный сотрудник на 0,5 ставки по договору (с 2002 г. по настоящее время). Благодаря И.С. Галкину в МарНИИЯЛИ вырос целый ряд учёных, ставших известными преподавателями вузов республики.

Многогранная научная, педагогическая и общественная деятельность И.С. Галкина отмечена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета МАССР (1960, 1965, 1972), медалью «За доблестный труд» (1970), медалью «Ветеран труда» (1985), орденом «Знак Почета» (1991), медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Профессор И.С. Галкин является зарубежным членом Финно-угорского общества (Хельсинки, 1973), в 1975 г. ему присвоено звание «Заслуженный деятель науки МАССР», а в 1981 году – «Заслуженный деятель науки РСФСР». В 1995 году он становится почетным академиком Национальной академии наук и искусств Республики Чувашия, в 1996 году – почетным профессором Марийского госуниверситета.

Профессор И.С. Галкин ведёт большую научную, научно-организаторскую и общественную работу, является председателем специализированного Диссертационного совета (Д 212.116.01) МарГУ, осуществляет научное руководство докторантами, аспирантами и соискателями.

К числу научных трудов в большинстве случаев относится и редактирование научных статей, в особенности имеющих большой объём и научную ценность. Профессор И.С. Галкин всегда относится к этой работе с полной ответственностью, вникает во все подробности (так что подчас неформально становится в той или иной мере соавтором). Он является одним из составителей и главных редакторов «Русско-марийского словаря» (1966), научной грамматики «Современный марийский язык» в 4-х томах (1960, 1961, 1961, 1972), всех девяти сборников «Вопросы марийской ономастики», многотомного «Словаря марийского языка» (1990–2005), а также многих важных и крупных научных трудов, членом редколлегии «Марийский археологический вестник».

И.С. Галкин опубликовал около двухсот научных работ. Они, как правило, значительны по объёму и научной ценности. Ниже приводится уточнённый и дополненный список основных трудов.

Совещание по вопросам координации исследования диалектов прибалтийско-финских языков // Вопросы языкознания. 1955. № 5. С. 181–183.

Марий языкознанийын вопросшо-влак МарНИИ-н трудлаштыже // Марий коммуна. 1956. 18 октябрь.

Суффиксальное образование глаголов в современном марийском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1956.

Академик Ф.Е. Видеманн да марий языкознанийыште тудын рольжо // Марий коммуна. 1957. 5 апрель.

Недостатки хорошего сборника: О сборнике юмористических рассказов М. Шкетана, переведённом на русский язык // Марийская правда. 1957. 11 октября (в соавторстве с Л.П. Грузовым).

Ценный труд по марийскому языку (Книга Ф.И. Видеманна «Грамматика по марийскому языку», изданная 110 лет назад в Таллинне) // Марийская правда. 1957. 11 октября.

Марий йылмым келгынрак шымлыме верч // Марий коммуна.1957. 11 ноябрь (в соавторстве с Л.П. Грузовым).

Старейший марийский языковед [о В.М. Васильеве] // Марийская правда.1957. 27 декабря (в соавторстве с В.Т. Тимофеевой).

М. Якимовын поэзийже нерген // Ончыко. 1957. № 2. С. 93–95.

К истории некоторых глаголообразовательных суффиксов в марийском языке // Труды МарНИИ. Язык и литература. Вып. X. Йошкар-Ола. 1957. С. 90–107.

Заметки о вокализме глагольных суффиксов в марийском языке // ESA. Tallinn, 1957. № 3. С. 224–230.

Общефинно-угорские суффиксы с *л*-овым элементом в современном марийском языке // Ученые записки ТГУ. Вып. 51. 1957. С. 67–80.

Рукопись Марийско-немецкого словаря Ф. Видеманна найдена // КК*. 1958. № 1. С. 58–59.

К вопросу о происхождении сложных глаголообразовательных суффиксов в марийском языке // Учёные записки Марпединститута. Т. 16. 1958. С. 61–76.

Из истории общефинно-угорской лексики в марийском языке // Труды МарНИИ. Вып. 12. 1958. С. 121–136.

Из истории марийского спряжения // ESA. 1958. №4. С. 274–285.

Залоги в марийском языке. Йошкар-Ола, 1958.

Йылме – писательын оружийже // Марий коммуна.1958. 6 февраль.

Венгерский академик Ӧ.Беке марий языкознанийыште (шочмыжлан 75 ий темын) // Марий коммуна. 1958. 24 май.

О новом издании синтаксиса. Марий коммуна.1958. 17 декабрь.

Ценное пособие по марийскому языку (о «Сопоставительной грамматике ...» Н.Т. Пенгитова) // Марийская правда.1959. 25 марта.

Шабдарын йылмыже нерген // Ончыко. 1959. № 3. С. 94–95.

К вопросу о возникновении двух типов спряжения в марийском языке // Совещание по вопросам исторической грамматики и исторической диалектологии финно-угорских языков: Тезисы докладов. М., 1959. С. 59–60.

О происхождении суффикса *-ан* в марийском языке // ESA.1960. № 6. С. 220–222.

К вопросу о происхождении суффикса *-ед-* в марийском языке // Труды МарНИИ. Вып. 13. 1960. С. 73–77.

Некоторые итоги диалектологической экспедиции МарНИИ // Труды МарНИИ. Вып. 13. 1960. С. 189–207 (в соавторстве в Л.П. Грузовым).

Из истории форм родительного и винительного падежей личных местоимений множественного числа в марийском языке // ESA. Tallinn, 1960. № 7. С. 89–94.

К истории форм 1-го и 2-го лица марийского глагола // Труды МарНИИ. Вып. 15. 1961. С. 89–94.

Краткие итоги диалектологической экспедиции МарНИИ 1959 года // Труды МарНИИ. Вып. 15. 1961. С. 155–169.

К вопросу о возникновении двух типов спряжения в марийском языке // Вопросы финно-угорского языкознания. М.–Л., 1962. С. 165–177.

Введение // Современный марийский язык. Йошкар-Ола, 1961. С. 4–12.

Местоимение // Современный марийский язык. Йошкар-Ола, 1961. С. 130–148.

Глагол // Современный марийский язык. Йошкар-Ола, 1961. С. 148–176; 227–243.

Из истории марийских падежей // Всесоюзная конференция финно-угроведов: Тезисы докладов. Петрозаводск, 1961. С. 46–49.

Несколько слов о суффиксе местного падежа в марийском языке // ESA. Tallinn, 1962. № 8. С. 221–223.

Сложный мутым муг сочетаний деч ойырен моштымаш // Ончыко. 1962. №5. С. 107–111 (в соавторстве с Н.И. Исанбаевым).

Как понимать слово *икмарда*? // Марий коммуна. 1983. 6 сентябрь.

Учёный, педагог, общественный деятель (к 50-летию Н.Т. Пенгитова) // Марийская правда.1964. 27 марта.

Имеются ли притяжательные местоимения в марийском языке? // Вопросы марийского языкознания. Вып. 1. 1964. С. 115–118.

Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. 1. Йошкар-Ола, 1964.

Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. 2. Йошкар-Ола, 1966.

Об одной форме числительных в марийском языке // СФУ. 1965. № 3. С. 193–197.

Топонимика Марийского края в связи с происхождением марийского народа // Научная сессия по этногенезу марийского народа. Тезисы докладов. Йошкар-Ола, 1965.

Об одной форме собирательных числительных в марийском языке // ESA. 1966. № 12. С. 157–163.

Топонимика Марийского края в связи с происхождением марийского народа // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 203–210.

Из истории некоторых марийских слов // Вопросы марийского языка. Вып. 2. Йошкар-Ола, 1968. С. 32–33.

Finnisch-ugrische Studien in der Marischen Autonomen Sozialistischen Sowjetrepublik // Kodumaa. 1970. August. С. 9–10.

Некоторые вопросы проницаемости языков // Третий Международный конгресс финно-угроведов. Т. I. Таллинн, 1970. С. 67–71.

Марий орфографий мутер. Йошкар-Ола, 1972 (в соавторстве с З.В. Учаевым).

Финно-угорские языки // Русская речь. 1973. № 3.

Рец.: Смиренникова А.Е. Развитие залоговых противопоставлений в мордовских языках. Дис. ... канд. филол. наук // СФУ. 1973. № 3. С. 224–227.

Путь в науку // Валериан Михайлович Васильев. Йошкар-Ола, 1974. С. 5–13.

Финно-угорское и нефинно-угорское в системе глагольных времён марийского языка // IV Международный конгресс финно-угроведов. Т. III. Будапешт, 1975. С. 383–386.

Рец.: Бобкова Л.В. Фонетические характеристики ударных и безударных гласных марийского языка в сравнении с английским. Дис. ... канд. филол. наук // СФУ. 1975. № 2. С. 153–155.

Из истории некоторых марийских слов // Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола, 1975. С. 32–37.

Рец.: Якимова Э.С. Соматическая фразеология марийского языка. Дис. ... канд. филол. наук // СФУ. 1976. № 4. С. 311–314.

Краткие итоги деятельности МарНИИ в 1971–1975 годы // Тезисы докладов на научной сессии по итогам работы за 1971–1975 гг. Йошкар-Ола, 1976. С. 3–11.

Формирование марийской письменности и литературного языка – фактор духовного роста нации // 200 лет марийской письменности. Йошкар-Ола, 1977. С. 3–10.

Некоторые вопросы контактирования языков // СФУ. 1977. № 2. С. 107–101.

Финно-угроведенийын негызше дене программа. Университетын студентше-влаклан. Йошкар-Ола, 1978.

Марий йылмын исторический грамматикыж дене программа. Университетын студентше-влаклан.Йошкар-Ола, 1978 (в соавторстве с Л.П. Грузовым).

ТЯЛЕМ, ТЕЛИМ или ЕЛЕМ, ЕЛИМ? // Вопросы марийской ономастики. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1978. С. 5–12.

Этимологические заметки // Там же. С. 41–44.

Развитие языкознания в научных учреждениях Марийской АССР (1917–1977 гг.) // СФУ. 1978. № 4. С. 290–292.

О некоторых явлениях русско-марийского взаимодействия // Вопросы марийского языка. Вопросы истории и диалектологии. Йошкар-Ола, 1979. С. 102–111.

О древнем значении латива на *-n'* в финно-угорских языках // Там же. С. 112–116.

Развитие системы глагольных времён в современном марийском языке // Там же. С. 137–143.

Основные типы марийских топоформантов // Вопросы финно-угроведения: Тезисы докладов XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. Сыктывкар, 1979. С. 84 (в соавторстве с Ф.И. Гордеевым).

Об относительной хронологии в развитии местных падежей // Вопросы грамматики и лексикологии. Йошкар-Ола, 1980. С. 22–28.

К вопросу о монголизмах в марийском языке // Там же. С. 119–126.

Топонимические этюды // Вопросы марийской ономастики. Вып. 2. 1980. С. 16–21.

Марийский научно-исследовательский институт при Совете Министров Марийской АССР (краткая справка). Йошкар-Ола, 1980. С.7.

Особенности гармонии гласных в горном и северо-западном наречиях марийского языка и причины их возникновения // V Международный конгресс финно-угроведов. Т. II. Турку, 1980. С. 17.

О типах марийских топоформантов // V Международный конгресс финно-угроведов. Т. II. Турку, 1980. С. 131 (в соавторстве с Ф.И. Гордеевым);

Финно-угроведенийын негызше. Тӱналтыш ужаш. Фонетика. Тунемме книга. Йошкар-Ола, 1980 (в соавторстве с Е.Н. Мустаевым).

Особенности гармонии гласных в горном и северо-западном наречиях марийского языка и причины их возникновения // Вопросы марийской диалектологии. Йошкар-Ола, 1981. С. 31–43.

Финно-угорское и нефинно-угорское в системе времён марийского языка // CIFU. IV. Pars III. Budapest, 1981. O. 383–386.

Топонимические заметки (о топонимах *Туруново, Шудугуж, Шалангуж, Варангуж, Кужеры, Кужнур*) // Вопросы марийской ономастики. Вып. 3. Йошкар-Ола, 1982. С. 5–23.

Об одном уральском явлении в марийском языке (о показателе множественности *-н*) // Вопросы марийского языка. Вып. 2. Йошкар-Ола, 1980. С. 3–7.

Русские фамилии марийского происхождения // Вопросы марийской ономастики. Вып. 4. Йошкар-Ола, 1983. С. 5–17.

Рец.: Учаев З.В. Марий йылме // СФУ. 1983. № 4. С. 299–203.

Финно-угроведенийын негызше. II ужаш. Морфологий. Синтаксис. Лексика. Тунемме книга. Йошкар-Ола, 1984 (в соавторстве с Е.Н. Мустаевым).

Творчество фотожурналиста Н.В. Кожаева // Проблемы изучения марийского фольклора и искусства. Вып. 5. Йошкар-Ола, 1986. С. 130–145 (в соавторстве с А.Е. Китиковым).

Вопросы истории марийского языка в трудах Г.Г. Кармазина // Из истории марийской филологии. Йошкар-Ола, 1984. С. 6–15.

Роль родного языка в условиях зрелого социализма // Дружба народов и интернациональное воспитание трудящихся. Йошкар-Ола, 1984. С. 106–112.

Тайны марийской топонимики. Йошкар-Ола, 1985.

Академик Пауль Аристэ и марийское языкознание // Труды по финно-угроведению. Вып. 12. Тарту, 1985. С. 34–42.

Происхождение дней недели в марийском языке // Вопросы марийской ономастики. Вып. 5. Йошкар-Ола, 1985. С. 30–43.

Заметки о языке марийских писателей (в свете работ В.М. Васильева о марийском литературном языке) // В.М. Васильев. Йошкар-Ола, 1985. С. 76–83.

Родство через века // Сервус, Савария. Йошкар-Ола, 1985. С. 32–40.

Марий йылмын исторический грамматикыже. Морфологий да синтаксис. Тунемме книга. Йошкар-Ола, 1986.

Марий йылме дене курсовой пашам возымаш: Методическое пособие.

Марий йылмын исторический грамматикыже. Морфологий да синтаксис. Тунемме книга. Йошкар-Ола, 1986.

Марий йылме дене курсовой пашам возымаш: Методическое пособие. Йошкар-Ола, 1986.

Этимологические этюды // Марийская филология. Межвузовский сборник научных трудов. Йошкар-Ола, 1986. С. 8–16.

Академик Б.А. Серебренников и марийское языкознание // Вопросы марийского языка. Грамматика и лексикология. Йошкар-Ола, 1986. С. 7–21.

Марий исторический лексикологий. Тунемме книга. Йошкар-Ола, 1986.

О двух сходных явлениях в марийском и прибалтийско-финских языках // Сущность, развитие и функция языка / Отв. ред. академик Г.В. Степанов. М., 1987. С. 116–120.

Древнейшие пласты марийской топонимики // Вопросы марийской ономастики. Вып. 6. Йошкар-Ола, 1987. С. 5–24.

Рец.: Кузнецов В. Ойконимия бассейна реки Илеть. Дис. ... канд. филол. наук // Вопросы марийской ономастики. Вып. 6. Йошкар-Ола, 1987. С. 106–112.

Марийская грамматика Алхо Алхониеми // СФУ. 1987. № 1. С. 68–70.

Юбилей Л.П. Васиковой // СФУ.1987. № 3. С. 214–215.

Несколько слов о марийско-саамских лексических параллелях // СФУ. 1987. № 4. С. 252–255.

Рец.: Ефремов А. Названия растений марийского языка. Дис. ... канд. филол. наук // СФУ. 1988. № 1. С. 68–71.

Об одной дезидеративной конструкции в финно-угорских языках // Исследования по уралистике. Будапешт, 1988.

Г.С. Патрушеву – 60 лет // СФУ. 1988. № 4. С. 214–215.

К вопросу о расселении древних мари // Археология и этнография Марийского края. Вып. 14. 1988. С. 44–55.

Михаилу Романовичу Федотову – 70 // СФУ. 1989. № 1. С. 54–55.

60-летие Н.И. Исанбаева // СФУ. 1989. № 1. С. 56–58.

Юбилей Фёдора Ивановича Гордеева // СФУ. 1989. № 2. С. 132–134.

Основные типы топонимов на территории Марийской АССР // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск, 1989. С. 33–48.

Марийское языкознание: основные итоги и задачи // Актуальные проблемы литературного языка. Йошкар-Ола, 1989. С. 15–16.

Кугун уэмдашыже кӱлеш мо? // Марий коммуна.1989. 6 октябрь.

Словарь марийского языка (буквы Г–Д). Т. I. Йошкар-Ола, 1990. С. 347–431.

Топонимические этимологии //Вопросы марийской ономастики. Вып. 7. Йошкар-Ола, 1990. С. 14–27.

Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях Марийского края. Йошкар-Ола, 1991.

Марий ономастика. Краеведлан полыш. Йошкар-Ола, 2000.

Рец.: Тужаров Г.М. Грамматические категории имён существительных в марийском языке // СФУ. XXV. 1989. №2. С. 142–148.

К вопросу об авторстве первой грамматики марийского языка // Марийский археологический вестник. 1991. № 1. С. 10–11.

Кто дал имя Кокшаге? // Кече. 1991. № 12. С. 3.

Финнла-марла мутер. Йошкар-Ола, 1994 (в соавторстве с В.Н. Васильевым, А. Мойсио).

Марийская народная хронология // Культура (язык, верования) финно-угорских народов: проблемы и перспективы изучения. Тезисы докладов. Йошкар-Ола, 1992.

Рец.: Сааринен С. Грамматика марийских загадок // LU. 1993. № 1. С. 67–72.

60-летие Алхо Алхониеми // LU. 1993. № 3. С. 214–216.

Маровед из Турку (к 60–летию профессора Алхо Алхониеми) // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. 1993. № 1. С. 74–76.

Народные названия месяцев в марийском языке // Вопросы марийской ономастики. Вып. 8. Йошкар-Ола, 1993. С. 3–30.

Рец.: Грузов Л.П. Марий йылме тӱнямбалне // Там же. С. 114–117.

«Черемис» шомакын вожшо // Ончыко. 1993. № 3. С. 109–112.

Шкеже йылмызе, эргыже химик. Венгр академик Ӧдӧн Беке да марий йылме // Марий эл.1993. 20 май.

Марийское языкознание на современном этапе // Ural-altaische Jahrbücher. München, 1994.

Памяти Н.Т. Пенгитова // Финно-угроведение . 1994. № 2. С.136–139 (в соавторстве с Л.П. Грузовым и А.Н. Куклиным).

О прародине мари по данным языка и топонимии // Узловые проблемы современного финно-угроведения: Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Йошкар-Ола, 1995. С. 304–306.

Слова, обозначающие людей мужского пола в современном марийском языке и их происхождение // Финно-угроведение.1995. №№ 3–4. С. 116–124.

Академик Пауль Аристэ (к 90–летию со дня рождения) // Финно-угроведение. 1995. №№ 3–4. С. 167–171.

Рец.: Кириллова Л.Е. Микротопонимия бассейна Валы (в типологическом освещении). Дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 1992 // LU. 1996. № 1.С. 66–69.

Была ли форма будущего времени в финно-угорском праязыке? // Структура и развитие волжско-финских языков. Йошкар-Ола, 1996. № 2. С. 31.

Происхождение и развитие значений некоторых марийских слов // Финно-угроведение. 1996. № 2. С. 92–97.

Из истории некоторых марийских слов // Финно-угроведение. 1997. № 2. С. 97–104.

Об угорских элементах в топонимике Республики Марий Эл // Финно-угроведение. 1997. № 4. С. 94–95.

Об угорских элементах в топонимике Республики Марий Эл // Ономастика Поволжья. Тезисы докладов. Волгоград, 1998. С. 48–49.

Ономастическая лексика в школьном обучении // Марийское краеведение. Опыт и перспективы его использования в школе. Йошкар-Ола, 1998. С. 7–11.

«Описание Маробласти» М.Н. Янтемира и его значение для топонимистов и историков // Краевед-исследователь М.Н. Янтемир (1887–1938). Йошкар-Ола, 1998. С. 55–56.

Научная конференция «Финские учёные о языке и культуре марийского народа» // LU. 1998. №1. С. 71–72.

Научная конференция «Финские учёные о языке и культуре марийского народа»// Финно-угроведение. 1998. №№ 1–2. С. 184–192.

Памяти Леонида Петровича Грузова (1931–1996) // Финно-угроведение. 1998. №2. С. 143–146 (в соавторстве с А. Ефремовым).

Марла чын возымына пенгыдем шуын але уке // Кугарня. 1999. 30 июнь;

70-летие профессора Н.И. Исанбаева // LU. 1999. № 1. С. 59–61.

Юбилей профессора Ф.И. Гордеева // LU.1999. № 2 . С. 122–123.

Рец.: Куклин А.Н. Топонимия Волго-Камского региона. Историко-этимологический анализ // LU. 1999. № 4. С. 296–298.

Об одном из принципов определения последовательности проникновения иноязычных слов и форм // Финно-угроведение. 1999. №№ 2–3; С.166–168.

Тӧрлаш гын кузе? Орфографий проект: ойканаш // Марий эл. 1999. 22 январь.

«Организаций» але «чумыртеж»? Марий литератур йылмын мутвундыжым пойдарыме нерген икмыняр шомак // Ончыко. № 8. С. 175–177.

Антал Регулилан 180 ий // Kudo-Kodu. 1999. № 1.

Шочмо йылмын арулыкшо да чынлыкше шкенан кидыште // Марий Эл. 1999. 3 декабрь.

Марий ономастика. Краеведлан полыш. Йошкар-Ола, 2000.

О происхождении географических названий в Горномарийском районе // 2000. № 3. С. 141–148.

Рец.: Beke Ödön. Mari nyelvjárási szótár (Tscheremissisches dialektwörterbuch). T. I–III. Savariae, 1997 // LU. XXXVI.2000. № 3. С. 230–234.

Рец.: Мустаев Е.Н. Словарь синонимов марийского языка. Марий синоним мутер. Йошкар-Ола, 2000 // LU. XXXVI. 2000. № 4. С. 309–310.

Рец.: Ago Künnap. Breakthrough in Present-Day Uralistics. Tartu, 1998 // Финно-угроведение. 2000. № 1.

Рец.: Казанцев Д.Е. Республика Марий Эл. Сернурский район: прошлое и настоящее. Историко-лингвистический очерк // Финно-угроведение. 2000. № 2. С. 148–149.

О неотложных задачах языковедов Республики Марий Эл // Марийцы: проблемы социального и национально-культурного развития. Йошкар-Ола, 2000. С. 143–145.

Марий йылмызе-влакын тачысе кечылан задачышт // Проблемы развития марийского языка как государственного. Йошкар-Ола, 2000. С. 4–8.

Кузе пойдараш? Могай йӧн дене? // Марий эл.2000. 26 январь.

Финн йылмызе Арвид Генец да марий языкознаний // Марий эл. 2000. 7 март.

Йылме, илыш. Жап // Марий эл. 2000. 10 март.

Шукертсек вучымо пунчал // Марий эл. 2000. 20 июнь.

О марийско-пермских лексических параллелях // Вопросы марийской ономастики. Вып. 9. Йошкар-Ола, 2001. С. 3–16.

Кӱчык кореш дене але пырля? // Марий эл. 2002. 15 май.

Mari bibliography // Onomastica Uralica. B. I. Debrecen–Helsinki, 2002. P. 247–256.

Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола, 2002 (в соавторстве с О.П. Воронцовой).

Рец.: Иванов И.Г. Мутвундынам пойдарена. У мут-влак мутер. Йошкар-Ола, 2001 // LU. XXXVIII. 2000. № 4. С. 297–301.

Вопросы исторической грамматики марийского языка в трудах финских учёных // Финские учёные о языке и культуре марийского народа. Материалы научной конференции. Йошкар-Ола, 2002. С. 13–17.

Кызытсе марий йылме. Лексикологий. Йошкар-Ола, 2003 (в соавторстве с Л.И. Барцевой).

Марийские географические термины, связанные с обозначением истока и устья реки // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 2003. С. 80–85.

Рец.: Куклин А.Н. Олык-эрвел марий орфоэпий. Туныктышылан // LU. XL. 2004. С. 61–64.

Развитие финно-угроведения в Республике Марий Эл в конце XX – начале XXI веков // Congressus decimus internationalis fenno-ugristarum. Yoshkar-Ola 15.08 – 21.08.2005. Pars I. Orationes plenariae. Yoshkar-Ola, 2005. С. 55–74 (в соавт. с Галиной Бояриновой, Силантием Сабитовым, Ксенофонтом Сануковым).

Марийско-мордовские лексические параллели // Там же. Pars II. Linguistica. Yoshkar-Ola, 2005. С. 38.

ЛИТЕРАТУРА О ЮБИЛЯРЕ

Гордеев Ф.И. Марий залог нерген научный паша // Марий коммуна. 1959. 29 май.

Громов Г. Книга – коллективный труд // Марийская правда. 1963. 28 декабря.

Пенгитов Н.Т. Марий йылмын историйжым чын ончыктышо книга // Марий коммуна. 1964. 16 май.

Вийтсо Т.-Р. Рец.: Галкин И.С.Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. I. Йошкар-Ола, 1964 // СФУ. 1967. № 1. С. 61–64.

Грузов Л.П. Рец.: Галкин И.С. Историческая морфология марийского языка. Дис. ... докт. филол. наук. Таллин, 1968 // СФУ. 1968. № 4. С. 309–312.

Казанцев Д.Е. Эше ик наука доктор // Марий коммуна. 1969. 13 январь.

Иванов И.Г. Тале йылмызе, кумылзак айдеме // Марий коммуна. 1980. 17 сентября.

Иванов И. Уста йылмызе // Ямде лий! 1980. 13 сентябрь.

Васин К.К. Исследователь, организатор // Марийская правда. 1980. 17 сентября.

Иванов И.Г. Марийские филологи: Библиографический справочник. Йошкар-Ола, 1988. С. 29–35.

Васильев В.Н. Юбилей И.С. Галкина // Linguistica Uralica. 1990. № 3. С. 204–206.

Грузов Л.П. Профессор из Рошни // Марийская правда. 1980. 14 сентября.

Galkin, Ivan // ENE 3. Eesti Nõukogude Entsüklopeedia, FILM-ISSO. Tallinn, 1988.

Ефремов А.С. Рошня ялын эргыже // Ямде лий! 1990. 15 сентябрь.

Китиков А.Е. Шочмо йылмын мурызыжо // Марий коммуна. 1990. 16 сентября.

Ефремов А.С. Профессор И. С. Галкин // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1990. Вып. 7. С. 3–11.

Айплатов Г.Н. От Абаснура до Ярамора; тайны марийских географических названий. Рец.: Галкин И.С. Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях Марийского края // Республика. 1991. № 24. 2 августа.

Анисимов Э. Илыш корнемлан ом ӧпкеле... Чуваш национальный академийын академикше, наука доктор, профессор Иван Галкинлан – 70 ий // Марий Эл. 2000. 15 сентябрь.

Иванов И.Г. Марий Аристэ // Кугарня. 2000. 15 сентябрь.

Китиков А.Е. Язык мой – друг мой // Марийская правда. 2000. 15 сентября.

Кузнецова А. (Ямакаева). Книга тӱнян озаж дене унала // Кугарня. 2000. 15 сентябрь.

Саламлена! (И.С. Галкинлан – 70 ий) // Ямде лий! 2000. 16 сентябрь.

Семенов В. Тудым шанче корныш Клим Ворошилов сугыньлен // Кугарня. 2000. 15 сентябрь.

Сибатрова С.С. Ивану Степановичу Галкину – 70 лет // Kudo-Kodu. 2000. № 14.

Галкин И.С. // Марийские лингвисты. Биобиблиографический сборник / Сост. И.Г. Иванов, В.Н. Васильев. Йошкар-Ола, 2005. С. 71–83.

Певец родного слова. К юбилею И.С. Галкина / Сост. О.П. Воронцова. Йошкар-Ола, 2005.

«Финно-угроведение», 2005, № 2.

Иван Галкин
Йошкар-Ола

ТРУДНЫЕ, НО РАДОСТНЫЕ ГОДЫ

В МарНИИ я начал работать 10 августа 1956 года в качестве младшего научного сотрудника. После защиты кандидатской диссертации 25 апреля 1958 года и утверждения её ВАКом с 1 января 1958 года меня перевели на должность старшего научного сотрудника и заведующего сектором языка. В то время сектор языка занимался написанием четырехтомной научной грамматики марийского языка под названием «Современный марийский язык». К великому сожалению, четвертый том не был тогда полностью завершен, издали лишь «Синтаксис сложного предложения». Первый том «Фонетика» был издан в 1960 году. Второй и часть третьего тома увидели свет в 1961 году. Четвертый том «Лексикология и лексикография» был напечатан лишь в 1972 году. Научная грамматика в то же время была и учебником для вузов по современному марийскому литературному языку.

1 сентября 1960 года меня назначили директором МарНИИ вместо Н.Т. Пенгитова, ушедшего в Марийский государственный педагогический институт им. Н.К. Крупской заведовать кафедрой марийского языка и литературы. На этой должности я проработал до 11 января 1982 года и был освобожден в связи с выходом на пенсию. 1-го сентября 1960 года я поехал на Первый Международный конгресс финно-угроведов в г. Будапешт в составе марийской делегации. По пути в Будапешт всё думал – с чего начать свое руководство институтом. Ехали в одном купе с академиком Б.А. Серебренниковым. Он мне советовал как можно скорее уйти с должности директора, поскольку считал, что она очень мешает научной работе. Но я всё же счел нужным выполнить по силе возможности поставленные республикой задачи и решил поучиться на конгрессе у своих коллег из

Советского Союза и зарубежных. Я прекрасно понимал, что крупные научные проблемы не решить без молодых высококвалифицированных кадров. Подготовка кадров была первой моей насущной задачей. Я стал искать среди окончивших пединститут таких специалистов, которые были склонны к исследовательской работе, были готовы учиться по направлению в аспирантурах Тарту, Москвы и Ленинграда. В то время в аспирантурах места выделялись только по заявкам институтов и в ограниченном количестве. Кадры нужны были по всем отраслям науки: языку, истории, этнографии, фольклору, археологии, литературе.

По языку я старался подбирать кадры из представителей всех основных наречий марийского языка: от восточных мари Н.И. Исанбаев, от горных мари – А.А. Саваткова, луговых мари – Д.Е. Казанцев. Хороший языковед обязательно должен был владеть хотя бы одним из родственных языков. Студенты МГПИ Анатолий Куклин и Тимофей Петухов по моему направлению один учебный год (1971–1972) учились венгерскому языку в Ужгородском университете. Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой татарского языка и литературы Елабужского пединститута Л.Ш. Арсланов был направлен в аспирантуру Института языка, литературы и истории им. Ибрагимова КФАН СССР для изучения тюрко-марийских языковых контактов, впоследствии он стал специалистом по татарскому языку.

По направлению МарНИИ в аспирантуре учились доктор филологических наук, профессор И.Г. Иванов, кандидат филологических наук Л.И. Барцева, кандидат филологических наук А.С. Ефремов, кандидат филологических наук В.В. Кузнецов, доктор филологических наук, профессор А.Н. Куклин, кандидат филологических наук Т.А. Амельченко (Наталици), кандидат филологических наук Л.А. Петухова, кандидат филологических наук С.С. Сибатрова.

Дипломированных литературоведов, кроме М.А. Георгиной, не было вообще. Вторым кандидатом филологических наук по литературе стал К.К. Васин, ставший научным сотрудником МарНИИ в 1963 году. Но этого было недостаточно, пришлось направить в аспирантуру Института мировой литературы А.Е. Иванова, работавшего в школе; А.М. Александрова, В.И. Куликова. К сожалению, жизнь А.М. Александрова и В.И. Куликова рано прервалась.

В 70-е годы в аспирантуру Института мировой литературы были направлены Г.Н. Кубаев, Г.Н. Сандаков и А.А. Васинкин. Из них Г.Н. Сандаков и А.А. Васинкин успешно защитили кандидатские диссертации. Г.Н. Сандаков не вернулся в МарНИИ, остался в Москве, 2000 году он ушел из жизни.

Не было высококвалифицированных исследователей и по марийскому устному народному творчеству. В 1958 году Н.Т. Пенгитов пригласил В.А. Акцорина, который до 1965 года ежегодно ездил в Москву в Институт мировой литературы и с помощью бывшего моего преподавателя по фольклору в Петрозаводске Мелитинского устроился в аспирантуру. Так 11-го января 1969 года после К.А. Четкарева появился молодой кандидат наук по фольклору.

1 ноября 1969 года я принял на должность младшего научного сотрудника редактора детских передач Марийского радио А.Е. Китикова, который 18 мая 1972 года защитил в Тартуском университете свою кандидатскую диссертацию и стал вторым дипломированным фольклористом в МарНИИ. С 1994 года он является первым доктором филологических наук по фольклористике.

Неважно было с молодыми кадрами по истории республики. Правда, для укрепления сектора при Н.Т. Пенгитове из пединститута был переведен А.В. Хлебников. Он заведовал сектором, но недолго, скоро вернулся в пединститут. По моей инициативе в разное время были приглашены К.Н. Сануков и А.С. Казимов. Оба они получили направления в аспирантуру Института истории АН СССР и вскоре стали кандидатами исторических наук. Ныне К.Н. Сануков – доктор исторических наук, профессор кафедры региональной истории МарГУ, а А.С. Казимов – директор МарНИИЯЛИ. Кроме того, учились в аспирантуре Института истории АН СССР по направлению МарНИИ: В.Н. Аблинов, Г.Н. Айплатов, С.И. Васильева, Л.А. Дубровина, А.С. Патрушев, А.Н. Чимаев. К сожалению, никто из них теперь в МарНИИ не работает. В.Н. Аблинов ушел из жизни, Л.А. Дубровина вышла замуж и уехала в г. Киев. Сейчас она доктор исторических наук, работает в Академии наук Украины. Г.Н. Айплатов недавно стал доктором исторических наук, профессором кафедры Отечественной истории МарГУ, А.С. Патрушев, А.Н. Чимаев тоже преподают в МарГУ. Большую роль здесь сыграла разница в оплате труда в университете и в МарНИИ. На освободившиеся места пришлось принять новых сотрудников. Это, конечно же, отразилось на качестве научно-исследовательской работы.

В институте в 60-е годы не было ни одного этнографа. Первым этнографом стал приглашенный из школы по совету Г.А. Архипова Г.А. Сепеев. Его в 1961 году направили в Казанский филиал АН СССР, где он под руководством Н.И. Воробьева успешно окончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию. В 1964 году стал научным сотрудником МарНИИ. В 1969 году в институте открыли объединенный сектор археологии и этнографии. Сектор пополнили молодыми специалистами, выпускниками Казанского университета – И.Н. Смирновым и В.Д. Шаровым, Марийского госуниверситета – Н.С. Поповым, Т.Л. Молотовой, В.Н. Петровым и И.А. Андреевым. В.Д. Шаров, Н.С. Попов, Т.Л. Молотова, В.Н. Петров и И.А. Андреев прошли стажировку и окончили аспирантуру в Институте этнографии АН СССР в г. Москве, а И.Н. Смирнов – в Казанском университете. Из них защитили кандидатские диссертации Н.С. Попов, Т.Л. Молотова, В.Д. Шаров, В.Н. Петров. И.Н. Смирнов рано ушел из жизни. В.Н. Петров и И.А. Андреев перешли на другую работу. В 1986 году был создан сектор этнографии (с 1992 года – отдел этнографии).

В 1974 году была принята в сектор археологии и этнографии учительница Г.И. Соловьева, которая стала изучать марийский орнамент. В 1978 году она окончила Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина в г. Ленинграде, в 1984 году – заочную аспирантуру при НИИ художественной промышленности в г. Москве.

Своих археологов в МарНИИ до 1956 года не было. В 1956 году, в связи с организацией Марийской археологической экспедиции под руководством Казанского археолога А.Х. Халикова, был приглашен из школы на должность младшего научного сотрудника Г.А. Архипов. Он до 1960 года работал под руководством А.Х. Халикова, а с 1960 года возглавил работу экспедиции. В 1964 году институт направил его в аспирантуру при Институте археологии АН СССР, где он под руководством известного археолога А.П. Смирнова написал кандидатскую диссертацию и успешно защитил в 1967 году. Так появился у нас в МарНИИ свой национальный археолог, ставший затем доктором исторических наук, академиком. В 1995 году, к сожалению, он ушел из жизни, но не бесследно: оставил после себя наследников, докторов исторических наук, известных археологов В.В. Никитина, Т.Б. Никитину. Сейчас отдел археологии МарНИИЯЛИ пополнился новыми молодыми квалифицированными кадрами.

В 1967 году был создан сектор экономики. В нем работало 8 сотрудников. Для подготовки дипломированных работников были направлены в аспирантуры Москвы и Казани В.И. Шабыков, А.Ф. Бугаев, В.И. Демин, В.П. Васильев, И.Ф. Васильев.

В 1977 году на базе сектора экономики был создан сектор (ныне отдел) социологии. Здесь работал кандидат экономических наук И.Ф. Васильев, окончивший Казанский университет, а затем аспирантуру по нашему направлению. По направлению МарНИИ окончил аспирантуру и стал кандидатом философских наук В.И. Шабыков, некоторое время руководивший сектором социологии. Сейчас отделом социологии заведует кандидат исторических наук О.В. Орлова.

Второй моей задачей было создание материально-технической базы для института. Сначала надо было построить здание: в старом полудеревянном уже не хватало мест для сотрудников. С 1975 по 1977 год я ждал решения Госплана СССР о выделении нам денег на строительство в сумме 300 тысяч рублей, но ответа не было. Не дождался, поехал туда сам. Думал, пока не решу вопроса, обратно не вернусь. Так и сделал. Приезжаю в Госплан и иду к тому начальнику отдела, куда я уже дважды писал. Он меня выслушал и говорит: «Вот ваша бумага, лежит у меня на столе. И помочь вам хочется, и не знаю, откуда взять деньги, поэтому так долго не получали ответа. Попробуйте, сходите к начальнику отдела, который ведает просвещением, ведь вы связаны с ним, возможно, он вам сумеет помочь». Я пошел к начальнику отдела просвещения. Он спросил: «Для кого вы пишете книги?» – «Как для кого? – говорю. – Для вузов, учителей школ». – «Так вы же обслуживаете просвещение! 300 тысяч – деньги небольшие, всегда можно найти, – сказал и подписал мое прошение. Деньги вам будут выделены». Это было в начале 1977 года. Сотрудники МарНИИ даже выпустили специальную стенгазету с моей фотографией, над фотографией рисунок 4-х этажного здания, а снизу подпись: «То ли дождик, то ли снег. То ли будет, то ли нет! Ой, ой-ой...»

Надо было в этом же году начать строительство, а если не начать, то деньги могли списать. Это сотрудники прекрасно понимали, сами поставили забор, копали под фундамент яму, немного поработал экскаватор. Так было израсходовано 10 тысяч рублей, что дало возможность сохранить оставшиеся деньги на следующий год. Лишь в марте 1978 года привезли снова экскаватор, так началось

строительство нового современного здания МарНИИ. Мне, больному, не раз приходилось отпрашиваться из стационара, чтобы проверить, как идет строительство. А как старались сотрудники института, приходится только удивляться. Такого сплоченного коллектива забыть невозможно! В 1980 году мы переселились с ул. Горького на ул. Красноармейскую. За все заслуги перед Отечеством 21 января 1981 года институт был награжден орденом «Знак Почета».

В то время не было компьютеров и Интернета, поэтому приобретали то оборудование, которое было. В институте была создана фонотека, фотолаборатория, приобретены фото- и кинокамеры, в актовом зале можно было смотреть экспедиционные киноматериалы. Первый этаж и подвальное помещение были отданы библиотеке. Институту были предоставлены издательские права, нам не нужно было обращаться в книжное издательство, но не было бумаги. Для того, чтобы институт имел свой фонд типографской бумаги, я обратился в Госснаб. Госснаб нам установил ежегодный фонд типографской бумаги в количестве двух тонн. Бумага поступала из Ленинграда. Для окончательного решения всех формальностей и получения первых двух тонн тогдашний Ученый секретарь института А.Е. Китиков специально ездил в Ленинград. Бумага хранилась в подвальном помещении и даже в вестибюле института. Наличие своей бумаги намного облегчало издание научных трудов.

Число высококвалифицированных ученых росло ежегодно. Во время моего руководства институт подготовил около 30 кандидатов наук, шесть докторов и трех академиков. Число сотрудников в одно время достигало 67 человек. Многие из них теперь работают в университете и пединституте. Недаром МарНИИ прозвали «кузницей кадров». Очень жаль, что многие ушли в вузы. В настоящее время вузы сами готовят кадры с учеными степенями. МарНИИЯЛИ немало усилий прикладывает в этом направлении, успех которого определяет удовлетворительное финансирование.

«Финно-угроведение», 2005, № 2.

Никандр Попов
Йошкар-Ола

В.А. АКЦОРИН И МАРИЙСКАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА
(к 75-летию со дня рождения)

Коллектив сотрудников Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории имени В.М.Васильева и общественность Республики Марий Эл в этом году отметили 75-летний юбилей известного финно-угроведа, эрудированного ученого-фольклориста, активного сторонника углубленного изучения культурного наследия марийцев и широкого его применения в профессиональной культуре Виталия Александровича Акцорина.

Родился Виталий Александрович 17 июля 1930 года в деревне Березово-Шимбатрово Емангашского сельского совета Еласовского района Марийской АССР. Рано остался без отца, которого в 1941 году репрессировали по статье 58–10 ч.2 УК РСФСР. Об отмене приговора суда в отношении отца он узнал только в 1990 году. Детство будущего ученого прошло в суровые военные годы. Как и все его сверстники, он, будучи учеником Микряковской средней школы, в весенне-летнее время и до поздней осени работал в колхозе наравне со взрослыми.

Интерес к народному творчеству у В.А. Акцорина зародился с детства под влиянием рассказов отца. Любил народные мелодии, которые с удовольствием играл на гармони. В школе юноша посещал кружок марийской литературы, члены которого во главе с учителем Иваном Яковлевичем Ерофеевым собирали произведения устного народного творчества, писали стихи, рассказы, выпускали рукописный журнал «Кай».

В 1949 году Акцорин поступает на марийское отделение историко-филологического факультета, где под руководством К.А.Четкарева принимает участие в фольклорных экспедициях. После

окончания в 1953 году института он три года работал учителем марийского языка и литературы в с. Еласы. Здесь молодой учитель организовал литературный кружок, вместе со своими учениками собирал сказки, песни, предания, легенды. Затем Виталий Александрович около двух лет был инспектором-методистом по родному языку и литературе Министерства просвещения Марийской АССР. Однако и здесь оставался верным поставленной перед собой целью в жизни – «посвятить себя изучению устного творчества марийского народа и ознакомить молодежь с жизнью, психологией народа в прошлом и настоящем» [1, л. 5 об.].

В Марийский научно-исследовательский институт В.А. Акцорин поступил работать в 1958 году и проработал здесь до конца февраля 1998 года. За это время он опубликовал более ста научных статей, участвовал в написании многих коллективных монографий, издал ряд книг по фольклору, в том числе две монографии.

В.А. Акцорин отличался своей целеустремленностью, трудолюбием, умением находить оригинальные решения стоящих перед ним задач. Он кропотливо изучал труды отечественных и зарубежных ученых, регулярно принимал участие в научных форумах. Со своими научными докладами Акцорин выступил на втором Конгрессе Европейского общества этнографов и фольклористов (Суздаль, 1982), международных конгрессах финно-угроведов в Таллине (1970), Будапеште (1975), Турку (1980), Сыктывкаре (1985), международном симпозиуме, посвященном 150-летию эстонского фольклориста Якоба Хурта в Таллине (1989), во всесоюзных научных конференциях в Москве, Ленинграде, Баку, Саранске, Киеве, Ижевске.

Читатели республиканских газет Виталия Александровича знали как пропагандиста научных знаний и устного народного творчества, страстного защитника демократических традиций в народной культуре.

На первых порах, работая в секторе литературы и фольклора, он много внимания уделил сбору фольклорного материала, организовал и провел несколько фольклорных экспедиций. Первые его научные статьи, посвященные марийским частушкам, сказкам, были опубликованы в журнале «Ончыко». В 1961 году В.А. Акцорин поступает в очную аспирантуру при Институте мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР, где занимается изучением народной драмы и ее роли в возникновении и становлении марийской драма-

тургии. Эта тема была предложена научным руководителем, известным специалистом по фольклору, доктором филологических наук, профессором П.Г. Богатыревым.

В годы учебы в аспирантуре молодой ученый сумел значительно повысить свой профессиональный уровень. Он всесторонне овладел современными методами научного анализа многогранной народной культуры, сохраняющей генетическое сходство с культурой родственных народов. Параллельно с этим вел сбор материала по научной теме, изучал имеющуюся этнографическую литературу. По результатам своих наблюдений и выводов выступил с докладами на Всесоюзном совещании фольклористов в Киеве (1961) и на VII Всемирном конгрессе антропологов и этнографов (1964), опубликовал ряд статей.

Возвратившись в МарНИИ, В.А. Акцорин продолжает исследования по истории происхождения и развития народного театра, ведет сбор марийских легенд и преданий, частушек, сказок, участвует в подготовке и проведении научной сессии, посвященной проблемам происхождения марийского народа, где выступает с содержательным докладом. Ученый на основе анализа фольклорных материалов утверждал, что формирование марийского этноса происходило западнее современной территории Марийского края. В эти годы Акцорин начал собирать материал о древней культуре марийского и финно-угорских народов, об истоках народного календаря. Одна из его публикаций была посвящена древнемарийскому лунному календарю.

Большое внимание исследователь уделял пропаганде полученных им научных знаний, приобщению русскоязычного читателя к марийской культуре. За короткое время было опубликовано более 20 газетных статей, в 1966 году издан сборник марийских сказок «Конь с серебряной гривой».

В.А. Акцорин являлся членом методических советов общественного института по социологии при Марийском Обкоме КПСС и Марийском отделении общества «Знание», активно участвовал в пропаганде атеизма, регулярно выступал с лекциями по марийскому фольклору. Кроме общественных поручений по партийной и профсоюзной линии, приходилось в весенне-осеннее время выезжать на сельхозработы, выполнять другие поручения. Все это тормозило процесс завершения кандидатской диссертации. Защита выполненной научной работы состоялась только в 1968 году.

Талантливого и эрудированного ученого, умелого организатора фольклорных экспедиций в марте 1969 года назначают заведующим сектором фольклора. В эти годы проявились его лучшие качества исследователя народного творчества. Большое внимание он уделил комплектованию сектора молодыми одаренными специалистами. В 1970-х годах В.А. Акцорин выступил инициатором издания серии сборников под названием «Вопросы марийского фольклора и искусства», монографий, посвященных истории марийской музыки, изобразительного искусства, Марийского театра. Под его руководством началась работа над подготовкой многотомного «Свода марийского фольклора». Были изданы сборники народных загадок, примет (автор А.Е. Китиков), народных песен и танцевальных мелодий (исполнитель Д.М. Кульшетов), марийских сказок, народных песен и т.д.

Сам Виталий Александрович работал очень плодотворно и подготовил к изданию несколько работ: «Горномарийские частушки» (в соавторстве, 1971), «Сказки лесов» (1972, 1978, книга переведена на немецкий язык и переиздана в 1986 г. в ГДР), «Марийские легенды и предания» (1972), «Мифы, легенды и предания мари» (1991), «Сказки горных мари» (1995), «Песни горных мари» (2005 год).

В 1976 году увидела свет его первая научная монография «Марийская народная драма». В ней он стремился раскрыть истоки народного праздника «Шортйол» (Святки) и театрализованных действий, совершаемых во время Святок, показать связь марийских драматических традиций с народным театром финно-угров. Были рассмотрены драматические элементы игры, инсценировки, народные пьесы, разыгрываемые во время календарных праздников. Автор выявил широко распространенный театр масок, восходящий к общефинноугорским театральным традициям. В монографии немало внимания уделялось характеристике комедийных, сатирических драм в крестьянской среде, музыкально-театрализованных представлений с участием одного актера.

Изучая народную драму, Виталий Александрович пришел к выводу, что обрядовые игры, драматизированные действия, святочные маски марийцев, мордвы, карелов, эстонцев, вепсов имеют немало общих черт, что объяснялось не только генетическим родством культур, но и этнокультурными контактами.

Монография В.А. Акцорина свидетельствовала о том, что ее автор умеет видеть в обычном необычное, раздвигать границы народной памяти и находить в фольклорных произведениях отголоски прошедших эпох тысячелетней давности. Этому благоприятствовали, прежде всего, природные способности Виталия Александровича. Большую помощь исследователю оказал блестяще примененный им комплексный метод анализа обрядовых действий и народных представлений. Исследователь, в отличие от своих предшественников, не ограничивался лишь констатацией комментариев информаторов о совершаемых обрядах, ритуальных действиях. В поисках глубинных истоков народной драмы он широко использовал достижения этнографической, исторической, языковедческой, искусствоведческой, а также археологической наук. В дальнейших своих работах он нередко обращал внимание на научные выводы геологов, геоботаников и зоологов. «Без комплексного подхода к древним фольклорным произведениям, – писал В.А.Акцорин, – фольклорист может ошибочно отнести многие своеобразные образы, символические элементы, картины к области фантазии, к области вымысла. Фантастические элементы в произведениях фольклора – это зашифрованные через различные художественные символы (зооморфные, антропоморфные образы, метафорические выражения, сравнения), явления и предметы прошлой объективной действительности, которые из-за давности времени перестали быть в человеческом сознании объективной реальностью и воспринимаются нами теперь как нечто нереальное и фантастическое» [2, с. 6; 3, с. 9–21].

В своих работах Акцорин, прежде всего, стремился восстановить особенности природно-климатических условий, древней флоры и фауны послеледникового периода, в условиях которых протекала жизнь древних финно-угров. На основе этого он определял характерные черты их этнокультурных традиций. Акцорин считал, что такую реконструкцию легче всего осуществить на основе изучения наиболее информативно насыщенных космогонических мифов. Ученый писал, что космогонические представления и художественные образы, связанные с ними, являются «основным элементом, раскрывающим этнокультурные взаимосвязи в мифологии родственных по языку, а иногда не обязательно по языку, а по происхождению народов» [4, с. 15]. Он утверждал, что у пермских, волжских, прибалтийских финно-угров существовал «единый и, по-

видимому, самый древний космогонический образ творца в виде утки» [4, с. 20].

Другой характерной чертой финно-угорских мифов, по мнению В.А. Акцорина, является сохранение пережитков дуалистического тотемизма. Об этом свидетельствуют сохранившиеся образы двух первопредков-творцов: Юмо и Кереметь (марийцы), Инмар и Кереметь (удмурты), Чам Пас и Шайтан (мордва), Ен и Омоль (коми), Укко и Каве (финны и карелы).

Марийский ученый был уверен, что предки финно-угров жили в условиях тундры. Они, по его мнению, «имели в далеком прошлом единую и хорошо разработанную систему философских представлений об окружающем мире: космосе, земле, растительном и животном мире, назначении человека, истории, социальных явлениях, обществе, семье, личности и власти, этических понятиях о добре и зле, красивом и безобразном» [5, с. 5]. По предположению ученого, финно-угры имели эмпирические познания о космосе и земле, владели переданной по наследству информацией о первоэлементах, давших начало жизни; космической бездне; первобытном океане; огне, упавшем с неба; льде (воде).

Акцорин считал, что предки финно-угорских, самодийских, скандинавских и сибирских народов в своих мифах сохранили сведения не только о состоянии Земли до зарождения в ней жизни, но и о космическом происхождении человека. Ученый делал смелое предположение о возможности передачи этих знаний человеку представителями внеземных цивилизаций, «благодаря вмешательству высшего космического разума» [5, с. 6] или инопланетян.

Эта мысль, высказанная в начале 1990-х годов, в какой-то мере созвучна развернувшейся в средствах массовой информации того времени полемике вокруг НЛО. Однако эта идея у Виталия Александровича зародилась гораздо раньше. В архивах ученого сохранились двадцатилетней давности вырезки статей, коротких заметок из всевозможных газет о необычных явлениях в природе и обществе. Марийский ученый уже в семидесятых годах XX века заинтересовался глубинами памяти древней культуры предков финно-угров. Открытие учеными-археологами Б.А. Фроловым и В.Е. Ларичевым лунного и солнечного календаря 60–65 тысячелетней давности окончательно убедило Виталия Александровича в возможность существования контакта земной и внеземной цивилизаций, а также

появления жизни на Земле под воздействием других миров. Косвенные свидетельства своей догадке ученый находил в древних мифах, религиозных представлениях о переселениях душ умерших на другие планеты, в мировоззренческих воззрениях древних финно-угров о существовании взаимосвязи между космосом, природой и духовным миром человека, извечности противоположных начал в космосе, на Земле и в самом человеке. Автор писал: «Как боги являются носителями этих двух начал, так и человек по своей сути двойственен». По мнению В.А. Акцорина, эта двойственность в человеке обусловлена тем, что его духовная энергия, порожденная под воздействием общей закономерности развития материи во времени и пространстве, отражается в сознании людей в виде светлых (добрых) и черных (злых) образов [5, с. 11].

Так Виталий Александрович пришел к выводу о том, что человек, имеющий изначально генетические и биологические связи с космосом, природой, является живым ретранслятором всеобщего закона Природы – живет, творит и созидает по ее законам. Он считал, что принцип гармонического сосуществования человека с природой лежал в основе нравственной системы древней цивилизации.

Древние финно-угры, как и народы Индии, знали о цикличес-
ком развитии жизни на Земле. В мифах, по мнению В.А. Акцорина, «развитие как бы повторяется в виде круга...» [5, с. 15]. Круговое движение космической материи ведет к перемене благоприятных периодов жизни человеческого рода катастрофами, катаклизмами. Автор считал, что не только люди, но и боги (возможно, инопланетяне) зависимы от состояния времени и пространства, общих законов Вселенной.

Свидетельства о взаимозависимости между человеком и космосом В.А. Акцорин находил не только в мифах, религиозных представлениях, магических обрядах, но и в народных песнях. Им было отмечено, что в народных песнях марийцев «поэтические образы объективного мира в композиционном отношении расставлялись в строгой последовательности «космос-человек». По его наблюдениям, композиция образов внешнего мира строилась по направлению: космос – луна – звезды – небо – земля – ветер – огонь – деревья – птицы – животные – боги – человек [5, с. 16]. Подобную, несколько видоизмененную схему, можно выявить и при изучении марийских молитвенных текстов, заклинаний.

Высказанные предположения и выводы Виталия Александровича, при всей кажущейся их несостоятельности, имеют право на существование. По крайней мере, на такие размышления наводят зафиксированные фольклористами материалы о переселениях героев мифов с одной планеты на другую. Необходимо, на наш взгляд, внимательней изучить и рассказы о странствиях шаманов.

Как видим, древняя финно-угорская культура все еще ждет пытливого исследования. К этому же и призывал нас Виталий Александрович, утверждая, что мировоззрение сибирских аборигенов «в отношении понимания законов галактики, космоса... было гораздо выше, чем мировоззрение цивилизованной Европы...» [5, с. 9].

До В.А. Акцорина было принято считать, что у марийцев не было эпоса. Пытливый, обладающий большой эрудицией ученый поставил это под сомнение и начал по крупицам восстанавливать сюжеты некогда существовавших народных сказаний. При этом он стремился установить сходные и отличительные черты в фольклоре поволжских и приуральских финно-угров.

Опираясь на работы всемирно известных ученых Б.Д. Грекова, Б.А. Рыбакова, М.М. Плисецкова, В.К. Соколовой, Д.Ортутая и других, утверждавших, что в произведениях фольклора отражается объективная жизнь в специфической поэтической форме, Виталий Александрович попытался восстановить неизвестные страницы истории формирования марийского народа.

Этой проблемой в марийской фольклористике до В.А. Акцорина долгие годы занимался К.А. Четкарев, который основное внимание уделял средневековой истории марийцев. В отличие от него, Виталий Александрович больше интересовался древней этнической историей народа и проблемами его расселения.

Первые свои публикации по этой теме он напечатал еще в 1960-е годы. На основе изучения легенд и преданий он попытался реконструировать неизвестные страницы истории горных и вятских мари. В дальнейшем исследователь стал больше обращать внимания на работы археологов и языковедов, сопоставлять их выводы с данными фольклора. Учитывая опыт ведущих фольклористов страны, он стремился разъяснить условную символику изучаемых жанров устного народного творчества, расшифровать ее значение [6, с. 4].

С этой целью В.А. Акцорин подробно изучил известные в народном фольклоре мотивы сказаний о загадочных великанах Онаре

и Наре, выявил сходные образы в фольклоре прибалтийско-финских, волжско-финских и пермских народов. На основе структурного анализа повествований о великанах автор попытался реконструировать общественный строй и хозяйственные занятия героев сказаний, особенности климатических условий, отраженных в эпических повествованиях финно-угорских народов. Результаты анализа позволили автору увязать ранний вариант сказания с волосовской археологической культурой III–II тыс. до н.э. и установить генетическое родство марийских сказаний с древним эпосом финно-угров, представлениями о небесном покровителе Мир-Сусне-Хум хантов и манси, божестве Инмар удмуртов [6, с. 6–7].

Онара, как отмечал В.А. Акцорин, марийцы считали своим первопредком. Иногда его воспринимали за бога, сошедшего с неба для установления порядка на земле, или за царя [7, с. 45].

Сходные представления о великанах бытуют во всем мире. Сегодня в науке известны многочисленные устные повествования об атлантах, рассказы тибетских лам о вымерших людях-великанах предшествующих цивилизаций. Археологи Сирии, как сообщалось недавно в одной из телепередач, выявили даже отпечатки огромной человеческой стопы древнего великана. Все эти свидетельства подтверждают высказанное В.А. Акцориным мнение о том, что сказания о великанах не являются лишь плодом человеческой фантазии.

Подобные представления существовали и у кавказских и тюркских народов. Достаточно вспомнить героев осетинского, чувашского, татарского, башкирского эпосов: Нарт, Канара, Улыпа, Алыпа. Марийский ученый попытался определить общие и отличительные черты в представлениях финно-угорских и тюркских народов о великанах, выявить отражение образа Онара в аналогичных представлениях об Улыпе верховых чувашей.

Автор не отрицал возможности ранней связи поволжских, уральских финно-угорских племен с кавказскими племенами. В то же время он утверждал мысль о местном, северном происхождении сказаний о богатырях [2, с. 7]. Сравнивая финно-угорские варианты сказаний с аналогичными произведениями тюрков Поволжья, Виталий Александрович, на наш взгляд, сумел достаточно убедительно показать, что образ Улыпа чувашей-вирьял имеет сходные черты с Онаром. Ученый установил, что на территории Ядринского и Моргаушского районов Чувашии в прошлом жили горные марийцы.

В качестве доказательства этого тезиса Акцорин приводит ряд исторических свидетельств, а также многочисленные экспедиционные материалы, собранные им во время фольклорной экспедиции в Чувашии в 1982 году. Автор писал: «Параллелей в обычаях, обрядах, поверьях, приметах, снах, представлениях о космосе и древних экологических условиях на Земле, свидетельствующих не о типологических, а о генетических связях между марийцами и чувашами этих районов, множество» [6, с. 11].

Другой проблемой, волновавшей В.А. Акцорина, была история взаимоотношений древних марийцев с соседними финно-угорскими народами: коми и удмуртами. Ученый стремился прояснить происхождение древних насельников Марийского края – загадочных племен, известных по народным преданиям под названием «овда», «тюча», «тютя» или «чучка» [8, с. 159–164; 9, с. 3–13]. На основе сравнения марийских преданий с коми-пермяцким народным эпосом о Кудым-Оше, повествующем о народе «чучка», «чудь» (чучкие люди), автор отметил, что в коми и марийском народном творчестве сохранились сведения о предках коми народа. В.А. Акцорин указывал, что связи между марийцами и коми прослеживаются и в других сказаниях о богатырях. Все это позволило ему сделать вывод о том, что в ранний феодальный период у коми и марийцев существовала единая эпическая система, сформировавшаяся в результате историко-культурных контактов и, отчасти, «в связи со смешением марийцев Вятки с предками коми-пермяков» [9, с. 11].

О былых тесных этнокультурных контактах коми-пермяков и марийцев говорят предания о передвижении марийцев с севера и востока. Исследователь предполагал, что этноним «царла мары» (букв. *марийцы, похожие на коми-сар*) мог появиться в результате смешения коми с переселившимися с Волги марийцами [7, с. 29].

Значительная часть научных исследований В.А. Акцорина была посвящена проблемам выявления прародины марийцев и их расселения на основе изучения исторических легенд и преданий. Чтобы найти ответы на эти вопросы, Виталий Александрович в течение двадцати лет регулярно выезжал в фольклорные экспедиции по Республике Марий Эл, соседним республикам, областям Поволжья и Приуралья. Собранные в ходе экспедиций материалы показывают, что ее участники, в числе которых было немало студентов, стремились фиксировать не только произведения устного на-

родного творчества, но и все события, происходящие в жизни информаторов и сельчан.

Автор на основе изучения многочисленных преданий о переселении марийцев с запада пришел к выводу, что предки мари до X века проживали западнее Горьковской и Костромской областей в тесном контакте с мерянами [10, с. 12; 7, с.12–24]. Опираясь на предания о князях, царях, руководителях переселяющихся этнических групп, он высказывал предположение, что марийцы уже в то время имели феодальные отношения.

В отечественной науке вопрос о сходстве и различиях культур марийцев и мерян обсуждается еще с XIX века. В.А. Акцорин, изучив исторические, этнографические источники, работы лингвистов и археологов, пришел к заключению, что часть мерян Костромского Поволжья избежала обрусения. Переселившись на запад на Среднюю Волгу, в Предуралье, она, как показывают материалы фольклорных экспедиций, смешалась с марийцами.

Виталий Александрович приложил немало усилий для определения исторического прошлого марийцев. Он сумел выявить и опубликовать множество оригинальных исторических легенд и преданий, которые обогатили этническую историю многими неизвестными фактами о марийских родоплеменных вождях, князьях и предводителях, городах и укрепленных поселениях. Все это значительно расширило существовавшее представление об историческом прошлом марийского народа.

Собранные марийским ученым фольклорные материалы дают возможность увидеть не только богатство знаний марийцев о своем историческом прошлом, но и их оценку прошедших событий многовековой истории. На основе этих материалов можно составить достаточно четкое представление об особенностях этнического самосознания и собственной самооценки марийцев.

Предварительное знакомство с историческими преданиями и легендами показывает, что традиционные религиозные верования марийцев и мифы играли определяющую роль в этнической консолидации народа. Другим важным фактором этнического единения были контакты с другими народами, борьба за самосохранение в условиях феодальной колонизации края.

Виталий Александрович считал, что различия в языке горных и луговых марийцев появились еще в Верховьях Поволжья в период

их проживания в соседстве с мерянами, говорившими на разных наречиях [11, с. 10–11]. Луговые марийцы, по его мнению, больше контактировали с костромскими мерянами. Затем часть из них переселилась на Правобережье Волги (современную территорию Чувашии), а затем – в Яранский и Уржумский уезды Вятской губернии. Горные марийцы, по его мнению, сформировались до X века в пределах современных Нижегородской и Костромской областей. В.А. Акцорин отмечал, что в формировании этой этнографической группы принимали участие ростовско-суздальские меряне, а также прибалтийско-финноязычное население, мордва, булгары и другие народы [7, с. 53; 11, с. 14].

Виталий Александрович Акцорин придавал большое значение сохранению и использованию прогрессивных традиций устного народного творчества в профессиональном искусстве, активно способствовал освоению и дальнейшему развитию демократических художественно-эстетических традиций марийского фольклора в литературе, театральном искусстве, живописи, балете и опере. К нему регулярно приходили за советом марийские драматурги, режиссеры, музыканты, художники, поэты и писатели, руководители народных фольклорных коллективов. В процессе добродушной беседы ученый охотно давал практические советы, помогая творческим работникам глубже осознать особенности народной культуры, выбрать единственно правильное решение в процессе осуществления художественного замысла.

В статьях, непосредственно посвященных характеристике влияния фольклорных традиций на развитие марийского профессионального искусства, Виталий Александрович стремился показать позитивную роль гуманистических идей и эстетических идеалов народного искусства в становлении современных жанров культуры [12, с. 40–45]. Исследователь отмечал, что в XX веке функции и формы бытования традиционных видов искусства значительно расширились. Вместе с этим он с тревогой писал о росте негативного отношения среди молодежи к народной мелодии и песням. В.А. Акцорин одним из первых обратил внимание на прогрессивную роль фольклорных ансамблей, появившихся в середине 70-х – начале 80-х годов XX века. Он призывал бережно относиться к фольклорному наследию народа. «Мастерам профессионального искусства эту нетронутую или слабо обработанную целину следует бережно вспахать, посеять ее проверенными советским реалистическим искусст-

вом элитными семенами, а урожай можно будет жать столетиями» – писал В.А. Акцорин в 1988 году [13, с. 35].

В 1970-х годах В.А. Акцорин стал активно сотрудничать с Марийским государственным университетом, где для студентов читал курс лекций по русскому и марийскому фольклору. Его лекции, насыщенные богатым фактическим материалом, всегда привлекали внимание студентов. Многие из них с удовольствием принимали участие в фольклорных экспедициях, писали курсовые и дипломные работы по фольклору и этнографии.

В МарНИИ Виталий Александрович пользовался большим уважением среди сотрудников. В обращении с коллегами всегда был тактичным, доброжелательным, бескорыстно делился своими наблюдениями, при необходимости подсказывал пути разрешения возникших научных проблем.

За творческие достижения в области финно-угроведения в 1985 году В.А. Акцорин был избран Почетным членом этнографического общества при Венгерской Академии наук. В 1990 году ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Марийской АССР».

7 марта 1998 года Виталий Александрович Акцорин скончался после тяжелой болезни. Многие его научные идеи и разработки остались неопубликованными. Обобщающая его работа, посвященная историческому прошлому марийского народа, была опубликована в г. Сарове при участии доктора филологических наук Н.В. Морохина.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив МарНИИ. Д.246. Личное дело Акцорина В.А.

2. *Акцорин В.А.* Взаимосвязь фольклора с этнографией // Основные тенденции развития марийского фольклора и искусства.Вопросы марийского фольклора и искусства (Далее ВМФИ). Вып.7. Йошкар-Ола, 1989.

3. *Акцорин В.А.* Некоторые методологические проблемы изучения марийского фольклора // Проблемы изучения марийского фольклора и искусства. ВМФИ. Вып.5. Йошкар-Ола, 1986.

4. *Акцорин В А.* Историко-генетические связи финно-угорских племен по данным мифологии // Вопросы марийского фольклора и искусства. ВМФИ. Вып.2. Йошкар-Ола, 1980.

5. *Акцорин В.А.* Мировоззренческие представления финно-угорских народов по данным фольклора // Современные проблемы развития марийского фольклора и искусства. ВМФИ. Вып.XI.Йошкар-Ола, 1994.

6. *Акцорин В.А.* Современные фольклорные материалы о происхождении марийского народа // Вопросы марийского фольклора и искусства. ВМФИ. Вып.1. Йошкар-Ола, 1977.

7. *Акцорин В.А.* Прошлое марийского народа в его эпосе. Саров, 2000.

8. *Акцорин В.А.* Этногенез марийского народа по данным фольклора // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.

9. *Акцорин В.А.* Исторические легенды и предания о контакте марийцев с предками коми // ВМФИ. Вып.2. Йошкар-Ола, 1980.

10. *Акцорин В.А.* Современные фольклорные материалы о происхождении марийского народа // Вопросы марийского фольклора и искусства. ВМФИ. Вып.1. Йошкар-Ола, 1977.

11. *Акцорин В.А.* Народная версия истории горных марийцев по данным фольклора // Народное творчество и профессиональное искусство марийцев. ВМФИ. Вып.XII. Йошкар-Ола, 2002.

12. *Акцорин В.А.* Прогрессивные традиции марийского фольклора – источник художественного творчества // Фольклор и искусство в современной художественной культуре Марийской АССР. ВМФИ. Вып.9. Йошкар-Ола, 1991.

13. *Акцорин В.А.* Национальное и современное в творчестве композиторов Поволжья // Традиционное и современное в музыке народов Поволжья. ВМФИ. Вып.6. Йошкар-Ола, 1988.

РЕЦЕНЗИИ

Рец.: Материалы по финно-угроведению в зарубежных информационных центрах: Библиографический указатель / Сост. И.В. Краснов. Йошкар-Ола: МарГУ, 2005. 252 с.

Книга И.В. Краснова «Материалы по финно-угроведению в зарубежных информационных центрах: Библиографический указатель» является новым шагом в области краеведческой библиографии по нескольким причинам. Во-первых, для ее создания использовалась зарубежная платная библиографическая база данных WordCat OCLC. У российских исследователей финно-угроведения нет доступа к этой базе данных, хотя она содержит большое количество библиографических записей о материалах по финно-угроведению, изданных в различных республиках России. Во многих библиотеках отсутствуют сводные каталоги на эту тематику. В результате, финно-угроведы Республики Марий Эл могут не знать, что издавалось по этой теме в других республиках и наоборот. Таким образом, данное издание играет роль сводного указателя книг по финно-угроведению, заполняя важную информационную нишу в масштабах всей России.

Во-вторых, каждая запись первой части указателя, посвященная книгам, изданным в России, сопровождается ценной справочной информацией о зарубежных информационных центрах, имеющих в своих фондах данный материал. Эти данные могут быть использованы российскими финно-угроведами для налаживания контактов с теми организациями за рубежом, которые интересуются их работами. Автор собрал контактную информацию по каждому упомянутому информационному центру для того, чтобы макси-

мально облегчить возможные профессиональные контакты. Он во вступлении в книге также детально описал процесс налаживания первого контакта и непосредственно обмена через границы, на основании личного опыта, полученного «из первых рук» во время его работы в одном из крупнейших зарубежных информационных центров – библиотеке университета штата Иллинойс. Эта контактная информация – ценный справочник, который часто применяется в работе библиотеки.

В-третьих, указатель Краснова содержит главу, посвященную материалам по финно-угроведению, которые изданы за рубежом на иностранных языках. Об этих материалах российские финно-угроведы не имеют совершенно никакой информации, однако, очень важно знать об их существовании для проведения полноценных исследований международного уровня по теме.

Несколько слов о библиографических достоинствах и недостатках указателя Краснова. В целом книга составлена в соответствии с ГОСТом 7.1–2003, определяющем правила библиографического описания, а также ГОСТами 7.80–2000 (о заголовке библиографической записи) и ГОСТом 7.12–93 (сокращение слов в библиографичес-
кой записи). Это становится понятно потому, что записи в указателе Краснова выполняют главную задачу любой библиографической записи: они обеспечивают идентификацию оригинального материала.

Важной частью любого библиографического издания является справочный аппарат. Указатель Краснова снабжен подробным оглавлением и авторским указателем. Предметный указатель отсутствует (видимо, по причине подробности оглавления), что, на наш взгляд, является недостатком книги. Например, желающим найти информацию о шаманизме придется просматривать все главы указателя, посвященные этнографии, что не очень удобно. Отдельной главы, посвященной шаманизму, нет.

Книга иллюстрирована известным талантливым чувашским художником, членом Союза художников ЮНЕСКО Александром Насекиным. Художника, очевидно, вдохновили древние финно-угорские петроглифы, изображение которых на обложке удачно дополняет финно-угорскую тематику указателя.

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на отдельные недостатки, указатель Краснова имеет большую практическую ценность, он уникален по своей сути. Хочется надеяться, что Игорь Валерьевич продолжит свою работу и выпустит продолжение указателя об изданиях по финно-угроведению, вышедших в свет после 2002 года.

Владимир Изыкин
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2005, № 2.

Рец.: Марий калык ойпого: Калыкмут-влак – Свод марийского фольклора: Пословицы и поговорки / Сост. А.Е. Китиков. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 208 с.

Имя Александра Ефимовича Китикова – первого доктора наук в области марийской фольклористики, профессора – прочно вошло в финно-угорскую фольклористику. Его труды по фольклору известны не только в нашей стране, но и в научном мире за рубежом. Он – автор более ста научных статей, посвященных марийскому фольклору. Научные интересы А.Е. Китикова отличаются большим разнообразием и исключительной целеустремленностью. Он – крупный специалист в области паремиологии.

Во время фольклорных полевых экспедиций ему удалось обнаружить и записать сотни новых, доселе науке не известных и не зафиксированных текстов примет, пословиц и поговорок, загадок. В течение более 30 лет плодотворной деятельности проделана большая трудоемкая работа по сбору, систематизации, популяризации, изучению малого жанра марийского фольклора. Особенно велики его заслуги в области систематизации и изучения марийских пословиц и поговорок. В последние десятилетия ученым были изданы следующие научные и научно-популярные издания по этому жанру фольклора: «Калыкмут» [«Пословицы и поговорки»] (1981), «Марий калыкмут мутер» [«Словарь пословиц и поговорок»] (1991), монография «Своеобразие пословиц и поговорок финно-угорских народов Поволжья и Приуралья» (1989), «Пословицы и поговорки финно-угорских народов» (2004), «Свод марийского фольклора: Пословицы и поговорки» (2004).

В исследованиях А.Е. Китиков большое внимание уделяет пословицам и поговоркам марийского народа. Им опубликованы десятки статей и отдельный сборник «Калыкмут» («Пословицы», 1981), где пословицы расположены тематически и в алфавитном порядке. Александр Ефимович не ограничивается изучением только марийских пословиц. Его исследования почти всегда носят сравнительный характер, что помогает ему установить историческое развитие жан-

ра, взаимопроникновение и взаимовлияние устного творчества финно-угорских и других народов: «Параллели в марийских и эстонских пословицах», «Семья и брак по материалам марийских и карельских пословиц» , «Сюжетно-тематические сходства пословиц коми и марийцев», «Виды параллелизмов в пословицах финно-угорских народов», «Адекватные пословицы тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья».

В 1989 году увидела свет его монография «Своеобразие пословиц и поговорок финно-угорских народов Поволжья и Приуралья (к проблеме национального и интернационального)». Эта работа посвящена сравнительному изучению пословиц и поговорок финно-угорских народов Поволжья (мари, мордва) и Приуралья (коми, удмурты). Исследование строится на основе текстолого-тематического и поэтического анализа обширного материала афоризмов финно-угорских и других народов региона. Особое внимание автор уделяет национальным, межэтническим и интернациональным пословицам и поговоркам.

В 1991 году Марийское книжное издательство выпустило книгу «Марий калыкмут мутер» («Словарь марийских пословиц и поговорок»), подготовленную к печати А.Е. Китиковым. В ней он собрал и обобщил материалы своих прежних фольклорных экспедиций, выписывал, отбирал пословицы и поговорки из изданий национальной художественной литературы, республиканской периодической печати.

Книга «Свод марийского фольклора: Пословицы и поговорки», изданная в 2004 году в МарНИИ, открывается вступительной статьей, содержащей историческую справку об изучении и публикациях произведений данного жанра, характеристики основных особенностей, специфики данной жанровой группы текстов, изложения принципов распределения материалов внутри тома.

Впервые вниманию читателей предложено 2500 марийских народных изречений, большая часть которых получена от носителей языка или взята из ранее изданной литературы – из сборников марийских пословиц и поговорок, афоризмов, двуязычных словарей. Большую же часть материалов составитель собирал с начала 50-х годов XX века. На русский язык марийские пословицы и поговорки почти не переводились. Мало известны они и научному миру. Таким образом, сборник представляет собой самую крупную коллек-

цию марийских паремий, и его, без преувеличения, можно назвать в этом отношении уникальным.

В книге марийские народные изречения приводятся на марийском языке и в переводе на русский язык. При переводе автор стремился сохранить текст оригинала. Однако, для того чтобы смысл пословиц и поговорок был понятен, в некоторых случаях дается свободный перевод. Одним словом, в большинстве случаев перевод осуществляется близко к тексту оригинала. Но нередко дословный перевод затрудняет понимание смысла пословиц, в этом случае автор стремился дать им смысловые соответствия.

В книге приводится словарь архаизмов, диалектизмов, географических названий, предметно-тематический указатель на марийском и русском языках, а также примечания и комментарии.

Книга «Марийские пословицы и поговорки» является подлинным достоянием марийского народа. Она войдет в сокровищницу марийской национальной культуры, способствует сохранению устно-поэтического наследия для будущих поколений.

Силантий Сабитов
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение». 2005, № 2.

ХРОНИКА

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ «ПЕСНИ ГОРНЫХ МАРИ»

28 июня 2005 года в МарНИИЯЛИ состоялось расширенное заседание, посвященное 75-летию со дня рождения известного марийского фольклориста Виталия Александровича Акцорина (1930–1998) и презентации очередного тома «Свода марийского фольклора» – книги «Песни горных мари». (Сост. В.А. Акцорин, К.Г. Юадаров).

Заседание открыла заместитель директора МарНИИЯЛИ, доктор исторических наук Т.Б. Никитина. О творческой работе и жизненном пути В.А. Акцорина рассказал заведующий отделом литературы и фольклора А.А. Васинкин.

Виталий Александрович Акцорин родился 17.07.1930 г. в д. Березово Горномарийского района Республики Марий Эл. Проработав в Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории им. В.М. Васильева около 40 лет, написал такие научные труды: «Горномарийские частушки» (1971); «Сказки лесов» (1972), «Марийская народная драма» (1976); «Сказки горных мари» (1995); «Прошлое марийского народа в его эпосе» (2000) и другие. Некоторые работы были опубликованы в зарубежных изданиях.

Очередной том «Свода марийского фольклора» – «Песни горных мари» («Кырык мары халык мырывлӓ») явился итогом многолетней работы В.А. Акцорина по сбору и составлению сборника, который вышел к юбилею ученого. Книга состоит из вступительного слова, посвященного памяти знаменитого фольклориста, предисловия, текстов песен, которые даны в переводе на русский язык, примечаний и источников. Песни классифицированы с учетом исторического развития основных жанров песенного творчества и изменения функции песен в современной жизни. Поэтому песни делятся на четыре основные группы: 1) «Дореволюционные песни»

(«Революци яктешы мырывлä»); 2) «Песни советского периода» («Совет жепäш мырывлä»); 3) «Архаические песни» («Тоштемшы мырывлä»). Архаические песни сгруппированы в третьей части не случайно: они уже не функционируют в современном быту горных марийцев. В четвертую часть включены «Разные песни» («Сакой мырывлä»). Сейчас трудно определить их жанровую принадлежность. В эту группу включены в основном песни, записанные краеведами, иностранными учеными. В поэтическом отношении они представляют большую эстетическую и культурную ценность. Дореволюционные песни подразделяются на группы: 1) «Социально-бытовые песни» («Кудыло мырывлä»); 2) «Сиротские песни» («Тылыкын мырывлä»), 3) «Песни о любви» («Яратымаш гишäн мырывлä»), 4) «Обрядовые песни» («Овуца мырывлä»). В обрядовых песнях, в свою очередь, выделены такие подгруппы: 1) «Солдатские песни» («Салтак мырывлä»); 2) «Свадебные песни» («Сӱäн мырывлä»); 3) «Песни купли и продажи» («Выжалымы мырывлä»). На протяжении многих лет с В.А. Акцориным работал краевед, ценитель марийского фольклора К.Г. Юадаров. Он рассказал об особенностях горномарийских песен, в которых отразилось богатство души народа, его мировоззрение.

Доктор филологических наук Морохин Н.В. (г. Нижний Новгород) в своем выступлении остановился на методах работы В.А. Акцорина. Профессор Марийского пединститута Иванов И.С. уделил внимание научным методам работы ученого. Заведующий кафедрой марийской литературы Сабитов С.С. говорил о сотрудничестве В.А. Акцорина с коллегами, также отметил, что он был хорошим учителем.

С приветственным словом выступила руководитель организационного отдела администрации Горномарийского района Художникова С.И. Отдел культуры администрации Горномарийского района завершил заседание концертной программой. Под аккомпанемент гуслей (Метелкина С.) и баяна (Яйцов А.) были исполнены горномарийские песни: «Салымсола покшалнет» (Посреди села Чаломкино), «Ой, вет йыла, пиш вет йыла» (Ой горит, сильно горит) – В.Ромашкин, «Кырык вӹкет кузышымат» (Поднялась я на гору) – М.Широбокова. Помощь в проведении данного мероприятия была оказана Центром марийской культуры и землячеством Горномарийского района.

Надежда Федосеева
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2005, № 2.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ СЕМИНАР-ПРАКТИКУМ «СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕМАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК СРЕДСТВО ЦЕЛОСТНОСТИ ГОСУДАРСТВА И ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»

С 11 по 13 июля 2005 г. в Моркинском районе Республики Марий Эл проходил межрегиональный семинар-практикум «Сохранение национальной нематериальной культуры как средство целостности государства и духовной безопасности», организованный Центром марийской культуры Республики Марий Эл по целевой программе «Культура России» при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации и Правительства Республики Марий Эл. В его работе приняли участие руководители Центров марийской культуры и землячеств из различных регионов России: Удмуртии, Татарстана, Башкортостана, Кировской, Нижегородской областей, городов: Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Свердловска, а также служители марийского религиозного культа и работники культуры РМЭ, всего около 100 человек.

Семинар-практикум открылся 11 июля в актовом зале клуба «Автодор» г. Йошкар-Олы. Участников приветствовали заместитель начальника отдела Министерства культуры России Г.Н. Марахтанова и главный специалист Министерства культуры России Г.М. Струнина, руководитель службы заместителя Главы Правительства РМЭ А.Н. Иванов, заместитель министра культуры РМЭ Г.С. Ширяева.

Программа семинара-практикума была насыщенной и содержательной. В первый день 11 июля участники с большим интересом заслушали доклад кандидата исторических наук, заведующего отделом этнологии МарНИИЯЛИ Н.С. Попова «Социальная концепция марийской традиционной религии как фактор упрочения духовной безопасности страны», в котором были освещены основные положения вероучения марийцев, определены место и роль традиционной религии марийцев в жизни народа, в развитии его духовной культуры, в утверждении многовековых нравственных идеалов.

Научный сотрудник этого же отдела О.А. Калинина выступила с докладом «Календарные народные праздники марийцев в этнографических материалах», она рассказала об изучении календарных праздников исследователями в разные годы.

В этот же день участники семинара-практикума посетили домм узей классика марийской литературы С.Г. Чавайна в д. Чавайнур Моркинского района, посмотрели концертную программу, подготовленную ансамблем «Морко кундем» Моркинского Центра культуры и досуга (руководитель Ю.А. Осипов) .

12 июля работа семинара-практикума была продолжена. Н.С. Попов выступил с докладом на тему «Основы духовной нравственности народа», Г.И. Захарова, методист Центра марийской культуры РМЭ, рассказала о роли обычаев и обрядов в развитии марийской кухни, О.А. Калинина ознакомила участников семинара с основными правилами поведения, которые должны соблюдаться при посещении священной рощи (*кӱсото*) во время моления.

Затем участники под руководством Верховного карта РМЭ А.И. Таныгина побывали в священной роще с. Шор-Уньжа, где наблюдали за проведением моления с жертвоприношением во время календарного народного праздника *Сӱрем*.

13 июля – заключительный день, участникам семинара был показан обряд *Сӱрем кудалтыш* (Проводы Сӱрема), который включал скачки на лошадях, изгнание злых сил с помощью игры на трубе *сӱрем пуч,* уничтожение его и затем угощение участников обряда традиционным кушаньем *шӧрвал* (топленые сливки). Праздник *Сӱрем* завершился всеобщим народным гуляньем, где вместе с сельскими жителями веселились и гости.

При подведении итогов работы семинара-практикума участники поблагодарили всех организаторов: Правительство Республики Марий Эл, Министерство культуры, печати и по делам национальностей РМЭ, Республиканский Центр марийской культуры, администрацию Моркинского района, Шор-Уньжинскую сельскую администрацию и сельхозартель «Передовик», высказали свои пожелания и ряд следующих предложений по дальнейшему сотрудничеству:

– продолжить организацию семинаров по вопросам сохранения марийской традиционной культуры с приглашением работников центров марийской культуры;

– ввести в практику проведение выездных семинаров в местах компактного проживания марийской диаспоры с участием марийских ученых, специалистов по организации культурных мероприятий, марийских артистов;

– обеспечивать Центры марийской культуры методической литературой;

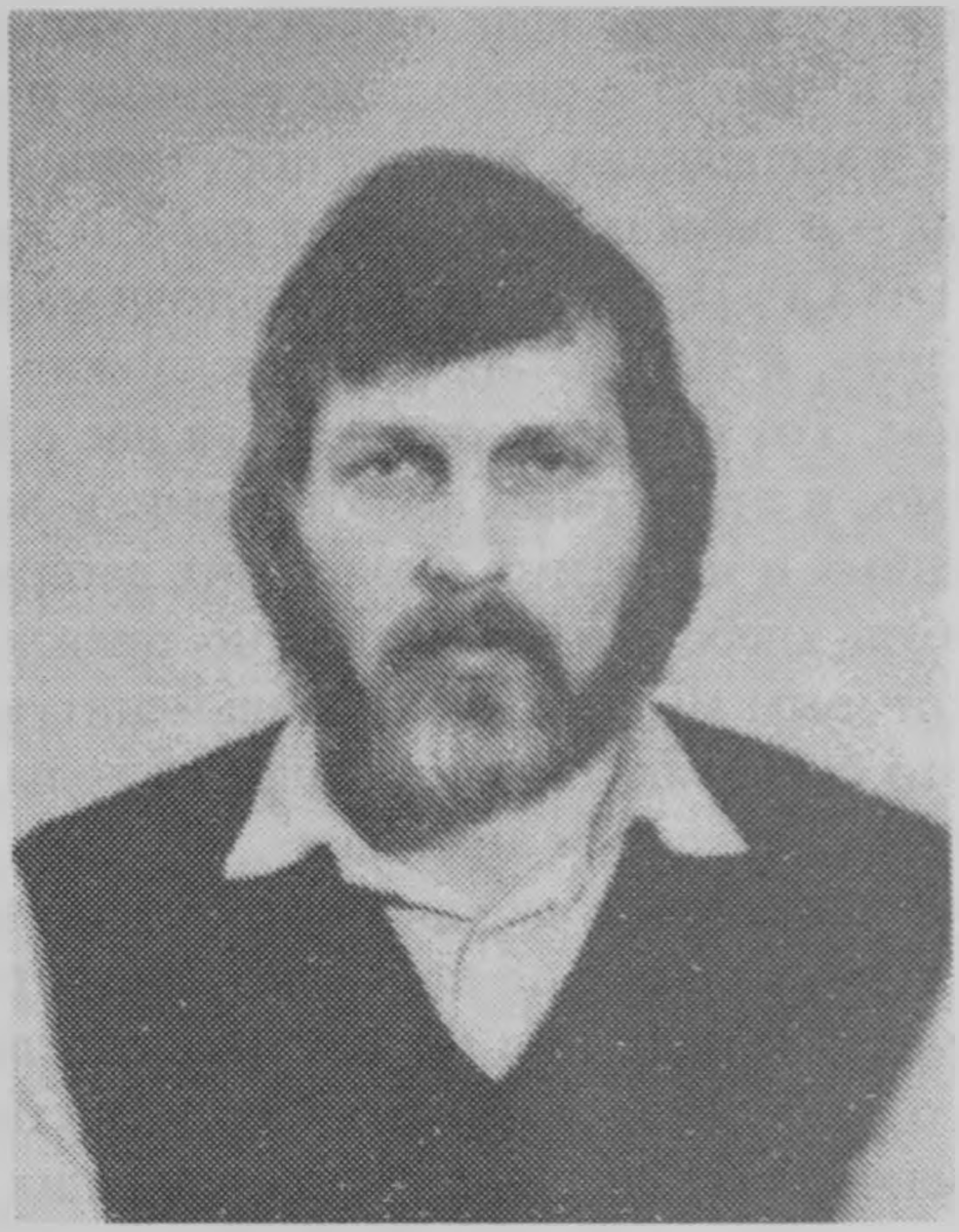
– осуществлять поддержку деятельности центров марийской культуры и землячеств;

– полнее освещать средствами массовой информации проблемы марийских диаспор.

Ольга Калинина
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2005, № 2.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА МАРКОВА

25 июля 2005 года на 53-м году жизни остановилось сердце нашего друга и коллеги, археолога Владимира Маркова.

В.Н.Марков родился 29 ноября 1952 года в Казани в семье служащих. Его мама Ида Абдулхаевна долгие годы преподавала английский язык, а отец Николай Васильевич был мастером, начальником цеха на заводе ЭВМ. С археологией Володя познакомился еще школьником. Его первые археологические «университеты» начались в 1969 году в татарском отряде Нижнекамской экспедиции, которым тогда руководил П.Н. Старостин. Конечно, поначалу археология привлекла Володю, прежде всего, романтикой походной полевой жизни, но очень скоро у него и на раскопках, которые про-

водили П.Н. Старостин, Е.П. Казаков, Р.С. Габяшев, и в маршрутах с Р.Н. Багаутдиновым прорезалось настоящее археологическое «чутье». Уже в юношеские годы Марков стал «своим» для археологов старшего поколения, тем более что он зарекомендовал себя надежным помощником и удачливым поисковиком. Именно в одном из таких разведочных маршрутов он близко познакомился с С.В. Кузьминых.

В 1971 году, после окончания средней школы №11 и неудачной попытки поступить на истфилфак Казанского университета, Володя ждал призыва в армию и свободные осенние месяцы, конечно, мечтал провести в экспедиции. Мне по поручению Петра Николаевича Старостина – в рамках завершения работы над «Археологической картой ТАССР: Предкамье» – предстоял маршрут по Тойме в пределах Татарии, и П.Н. Старостин предложил Маркову стать моим попутчиком. Тот сентябрь остался для нас с Володей памятным на всю жизнь: и открытыми памятниками, и ночевками в стогах сена, брошенных и неуютных пионерских лагерях или, по счастью, у каких-нибудь хлебосольных хозяев, но, прежде всего, тем благоговением, с которым мы вступили на знаменитую Ананьинскую дюну. Словно это был знак, определивший на годы нашу научную судьбу, связанную с изучением ананьина.

В ноябре Володя на три года ушел в армию, но в 1973 году, вернувшись домой возмужалым и по-прежнему целеустремленным, осуществил свою мечту и поступил на вечернее отделение историко-филологического факультета Казанского государственного университета. Все студенческие годы, вплоть до окончания университета в 1979 году, Марков работал фотографом в Государственном архиве ТАССР, с увлечением занимался археологией и, прежде всего, ананьинскими древностями, урывками ездил в экспедиции. Когда в том же году ему предложили перейти на работу в Государственный музей ТАССР, он был этому рад, поскольку археология, хотя и с музейной спецификой, становилась его профессией.

В ГМТР (Государственный музей Татарской Республики) основная работа Маркова была связана с археологическими фондами. Он вложил много сил, чтобы привести в порядок богатейшие музейные собрания. С научной точки зрения его особенно привлекли коллекции вятских и камских ананьинских городищ. Это «погружение» в старые, в основном, дореволюционные материалы значило для Володи очень многое. Именно тогда он стал размышлять о том, на-

сколько однородны в культурном отношении ананьинские поселенческие и погребальные памятники. Самостоятельные раскопки ряда городищ (Гремячий Ключ, Сорочьи Горы, Черепашье, Сухой Берсут, Антоновское, Макарьевское) только усилили его сомнения в существовании единой ананьинской культуры.

Нет секрета и в том, что в этом «инакомыслии» Маркова всячески поддерживал один из авторов, который на иных материалах стремился развенчать миф о культурном единстве ананьинского мира (Кузьминых, 1977; 1983). На разных этапах работы с поселенческими керамическими коллекциями Володя делился результатами своего исследования (к тому времени он поступил в заочную аспирантуру ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова КФАН СССР). Так в товарищеском обсуждении был окончательно выработан логический план и структура исследования, стержнем которого стали материалы Нижнего Прикамья; на их фоне предполагался сравнительно-статистический анализ керамики памятников ананьинского времени различных областей Волго-Камья. В.Н. Марков был блестящим знатоком источников, с которыми работал. Вполне серьезно (и мы тому свидетели) Володя говорил о том, что степень его «погружения» в тему была такова, что по типу орнаментации он мог определить происхождение фрагмента керамики с того или иного памятника Нижнего Прикамья.

В кандидатской работе В.Н. Маркова было заложено немало «мин», которые разрушали наши прежние представления о культурном единстве ананьинского мира. К счастью, его официальный руководитель профессор Альфред Хасанович Халиков не вмешивался в творческие поиски ученика, предоставив ему в этом отношении полную свободу. Для успешного завершения работы в тот момент это было самым важным. А, кроме того, Альфред Хасанович, хотя и не высказывался в опубликованных работах столь радикально, как его ученики, их «инакомыслие», однако, поддерживал, за исключением разве что выделения особой ахмыловской культуры В.С.Патрушевым (см. об этом: Габяшев, Марков, Халиков, 1988).

Свое исследование о поселенческих древностях Нижнего Прикамья ананьинской эпохи В.Н. Марков завершил в ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, в отдел археологии которого он пришел в 1985 году. Тогда один из авторов (С.В. Кузьминых) расставался с отделом и Казанью, переходя на работу в Институт археологии АН СССР. Освобождалась ставка, и А.Х. Халиков держал совет со многими

коллегами: кого принять в отдел. И, судя по всему, большинство археологов (в том числе и двое из авторов – С.В.Кузьминых и П.Н.Старостин) рекомендовали принять в отдел Маркова. Это совпадало и с халиковским стремлением обеспечить преемственность в разработке ананьинской проблематики в коллективе.

Действительно, придя в отдел, Володя вышел на финишную прямую с написанием и апробацией рукописи кандидатской диссертации в секторе скифо-сарматской археологии Института археологии АН СССР (получив благожелательные отзывы М.Г. Мошковой и Н.Л. Членовой). Он также активно включился в работу по подготовке еще не вышедших выпусков «Археологической карты Татарской АССР» (связанных с Закамьем) и в охранные исследования в зонах затопления Куйбышевской и Нижнекамской ГЭС. Им были продолжены не только раскопки поселенческих памятников позднего бронзового и раннего железного веков, но начаты исследования могильников Мурзиха 1 и 2 (Беговатов, Марков, Патрушев, 1986), которые со временем станут базовыми погребальными памятниками усть-камского ананьина.

Удивительное чутье поисковика позволяло В.Н. Маркову открыть новые объекты на территориях, которые уже многократно обследовались археологами. В частности, в районе Сорочьих Гор и в устье реки Брыски на камском Правобережье им зафиксированы остатки поселений раннего железного века, а близ Менделеевска – Тихогорское II городище. В последнем случае, как он говорил, «по незнанию», искренне считая, что обнаружил Тихогорское I городище, известное еще с дореволюционных времен (Збруева, 1952. С.271–272). Конечно же, Владимир Николаевич лукавил, говоря о случайности своего открытия. К тому времени за плечами у него были многолетние разведки в Восточном Закамье с десятками вновь найденных памятников археологии – курганов, стоянок, селищ. И именно полевой опыт вкупе с интуицией (а вовсе не «по незнанию») помогли ему обнаружить Тихогорское II городище.

Володя обладал редкой фотографической памятью: побывав однажды на археологическом объекте, он без труда мог найти его даже спустя годы. В этом убедился один из авторов (А.А. Чижевский), когда в середине 1990-х годов Марков провел его по ряду памятников, расположенных на территории Восточного Закамья и в зоне Нижнекамского водохранилища.

В 1988 году в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР (в Ученом Совете головного Института в Москве тогда образовалась очередь) В.Н. Марков успешно защитил кандидатскую диссертацию «Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности)». Оппоненты Н.Н. Гурина и С.В. Кузьминых высоко оценили этот труд, направленный на решение наиболее дискуссионных и нерешенных проблем археологии раннего железного века Волго-Камья. Оценивая ту рукопись сейчас, спустя годы, понимаешь, что она не потеряла своей актуальности для современного читателя. Работа Маркова коренным образом изменила наши представления о процессах культурогенеза в ананьинском мире.

Защита диссертации дала дополнительный стимул научным поискам В.Н. Маркова. Казалось бы, впереди еще непочатый край работы и огромное желание свернуть горы. Но судьба оказалась к Володе немилосердной. Более 15 лет, половину своей творческой жизни, он боролся с тяжелой болезнью. Только богатырское от природы здоровье, поддержка родных – любимой жены Марины, детей и мамы – позволили ему не просто цепляться за жизнь, но в меру сил работать.

В середине 90-х годов, в период незначительного улучшения здоровья, В.Н. Марков участвует в раскопках Мурзихинского II могильника, начатых одним из авторов (А.А. Чижевский). Его приезд на остров Милицейский, на котором располагается памятник, совпал с находкой средней части каменного изваяния (стела № 12). Владимир Николаевич, не откладывая «дела в долгий ящик», осмотрел его и первым обратил внимание на изображение двулезвийной секиры. Найденные здесь стелы с изображениями подвигли его начать работу по классификации и типологии каменных изваяний ананьинского времени (Чижевский, Марков, 1999). В этой статье впервые была выдвинута гипотеза о раннем – финальнобронзовом – появлении каменных стел в Волго-Камье. Основанием к тому послужили полевые исследования Маркова на Ильичевском могильнике. Предложенная совместно с Марковым классификация каменных изваяний легла в основу современных разработок (Чижевский, 2005). В этот период Владимир Николаевич продолжил также подготовку к печати ряда полевых материалов. Итогом летних работ 1995 года явилась статья о погребениях черкаскульской культуры из Мурзихи II (Марков, Чижевский, 2003).

В сентябре 1995 года, ослабленный, но не потерявший тяги к полевым исследованиям, В.Н. Марков(вместе с Р.С. Габяшевым, Н.М. Капленко и А.А. Чижевским) предпринимает обследование островной и материковой части Нижнекамского водохранилища. Увы, он не берег себя: невзирая на осеннюю непогоду, лез в ледяную воду, чтобы первым достичь территории археологического памятника. С восторгом первооткрывателя собирал подъемный материал, словно предчувствуя, что эта разведка будет его последним маршрутом в поисках древностей. И судьба благосклонно одаряла Володю удачей. Обнаруженная им бляшка с изображением грифона способствовала обоснованию возраста Рысовского островного могильника в пределах VI–V вв. до н.э. Марков участвовал в обследовании разрушенного Биюрганского могильника ананьинского времени, Гулюковского могильника чияликской культуры, Кулушевского могильника пьяноборской культуры и т.д. Та разведка 1995 года была очень результативной – и в этом немалая заслуга Володи.

Такие поездки и короткие всплески активности являлись для В.Н. Маркова отдушиной в долгой череде больничных палат и тотального нездоровья. Осуществить все намеченные после защиты планы он, увы, был уже не в силах. Скоро их не будет хватать даже на поездки в институт, и в 2003 году Марков уходит на пенсию по инвалидности. Володя и в этих тяжелейших условиях стремился привести в порядок рукопись книги, но, увы, силы неумолимо таяли…

Тяжело, когда уходят друзья, когда ты сознаешь, что потерял. Боль – как «черная дыра» – уже не затянется никогда. Один из авторов данной статьи (Б.С. Соловьев) – однокашник Володи по заочной аспирантуре. В 1980-х годах мы вместе учились у А.Х. Халикова, успешно сдали «страшный» экзамен по специальности Н.Я. Мерперту, С.А. Плетневой, А.А. Формозову и другим мэтрам советской археологии, часто гостили друг у друга, постоянно обменивались информацией, как и положено «бурсакам», иногда шалили… Меня всегда поражала целеустремленность и влюбленность Володи в науку, неординарность и лаконичность его мышления. Отмечу еще одну черту его характера – он охотно делился своими материалами. Примером может служить моя публикация чирковских древностей Макарьевского городища, исследованного В.Н. Марковым в 1986 году (Соловьев, 2000). Список его печатных работ, с формальной стороны, не столь велик, но они стали событием в археологии Волго-Ка-

мья. Не верится, что Володи нет с нами. В последний раз мы виделись в 2003 году, обнялись, понимая, что прощаемся навсегда. Перед глазами – и тогда, и сейчас – его лик, будто сошедший с рублевских икон (Б.С. Соловьев).

В нашей памяти Владимир Марков останется, прежде всего, как первоклассный специалист в области археологии раннего железного века лесной полосы Восточной Европы. К сожалению, его высокий научный потенциал реализовался не в полной мере. Многое из задуманного Володя не успел реализовать, но даже то немногое, что им сделано, определило направление исследовательских поисков в ананьинской проблематике.

В диссертации (Марков, 1988 б), подготовленной на ее основе рукописи монографии, а также в цикле статей (Марков, 1984; 1985; 1987; 1988 а; 1994; 1996; 1997; 1999; 2003; Беговатов, Марков, Патрушев, 1986; Беговатов и др., 1993; Габяшев, Марков, Халиков, 1988; Кузьминых, Марков, Соловьев, 1993; Чижевский, Марков, 1999) Владимир Николаевич обратился, как мы уже отмечали, к наиболее острым проблемам археологии финала бронзового и раннего железного веков Волго-Камья. В одной из статей (Марков, 1994) он образно определил круг этих проблем как «ананьинскую проблему». Актуальность начатых им исследований заключается еще и в том, что они напрямую связаны с решением сложных проблем этногенеза современных финно-угорских народов края – мари, мордвы, удмуртов и коми.

Для изучения собственно ананьинской проблемы особенно важно то, что исследования В.Н. Маркова открывают перспективу в выяснении характера связей между выделенными им этнокультурными группами населения, в определении их роли и места в этногенетических процессах финала бронзового и начала раннего железного веков в Волго-Уральском регионе. Перспективность исследовательских поисков Маркова со всей очевидностью подтвердилась при изучении погребального обряда населения данного региона в конце II – начале I тыс. до н.э. В итоге был сделан следующий шаг: намеченные В.Н. Марковым этнокультурные группы населения ананьинского мира стали отождествляться с отдельными археологическими культурами ананьинской культурно-исторической области (Чижевский, 2002).

В середине 1990-х годов Марков (1996) обращается к проблеме происхождения маклашеевской культуры. Он поддержал гипотезу Н.Л. Членовой, согласно которой культура курмантау (и маклашеевская как ее часть) проникла на Белую и Каму из Зауралья и Западной Сибири, а также попытался обосновать необходимость ее отделения от приказанской культуры. Под влиянием идей Н.Л. Членовой Марков стремится омолодить маклашеевскую культуру с X до VIII в. до н.э., относя ее уже к раннему железному веку. Впрочем, вскоре он откажется от данной идеи и признает за маклашеевской «возраст финальной бронзы» (Марков, 1997).

Обращает на себя внимание тот факт, что В.Н. Марков занимался изучением одной из наиболее дискуссионных и, пожалуй, ключевых проблем археологии эпох поздней бронзы и раннего железа лесной полосы Восточной Европы – проблемой культуры текстильной керамики (Марков, 1985; 1988 б; Габяшев, Марков Халиков, 1988; Кузьминых, Марков, Соловьев, 1993). В своих исследованиях он стремился показать особенности процессов культурогенеза на Средней Волге в конце II – начале I тыс. до н.э., самостоятельное развитие «текстильных» этнокультурных групп, характер их взаимодействия с так называемыми приказанскими и постмаклашеевскими группами и т.д. Разыскания Маркова нашли поддержку, в том числе и в наших трудах (Кузьминых, Марков, Соловьев, 1993; Соловьев, 2000; Чижевский, 2002), и, надеемся, будут продолжены новыми поколениями исследователей.

В завершение хотелось бы выразить надежду, что подготовленная В.Н.Марковым к печати монография в скором времени выйдет в свет, что его поиски и идеи будут не только фактом историографического интереса, а предметом пристального и заинтересованного обсуждения в нашей профессиональной среде.

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ В.Н. МАРКОВА

Беговатов Е.А., Марков В.Н., Патрушев В.С. Исследования Мурзихинского I могильника // АО–1983. М., 1986. С. 115.

Беговатов Е.А., Истомин К.Э., Марков В.Н., Руденко К.А., Чижевский А.А. Новые находки ананьинского времени с Мурзихинского могильника // Финно-угры России. Вып.1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола, 1993. С. 126–157.

Габяшев Р.С., Марков В.Н., Халиков А.Х. Рец.: АЭМК. Вып.1–9 // СА. 1988. № 3. С. 271–277.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30.

Кузьминых С.В. Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (I тысячелетие до н.э.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1977.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.

Кузьминых С.В., Марков В.Н., Соловьев Б.С. Некоторые дискуссионные проблемы археологии позднего и раннего железного веков Среднего Поволжья // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон Восточно-Европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. Тула, 1993. С. 39–43.

Марков В.Н. Керамика городища «Сорочьи Горы» // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984. С. 5–17.

Марков В.Н. Об особенностях юго-западных памятников ананьинской общности // АЭМК. 1985. Вып.9. С. 38–56.

Марков В.Н. Городище Гремячий Ключ // АЭМК. 1987. Вып.13. С.102–130.

Марков В.Н. О происхождении и культурной принадлежности вятских городищ ананьинского времени // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань, 1988 а. С. 92–113.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1988 б.

Марков В.Н. Ананьинская проблема (некоторые итоги и задачи ее решения) // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994. С. 48–88.

Марков В.Н. К постановке проблемы происхождения памятников маклашеевского типа // Эпоха бронзы Нижнего Прикамья: Тезисы научной конференции. Казань, 1996. С.10–12.

Марков В.Н. Волго-Камье и финский мир в начале эпохи раннего железа // Finno-Ugrica (Казань). 1997. №2. С. 3–24.

Марков В.Н. О культурной принадлежности волго-камских бронзовых кельтов ананьинского времени // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999. С. 56–64.

Марков В.Н. О культурной принадлежности Волго-Камских бронзовых кельтов раннего железного века // Из археологии Поволжья и Приуралья. Казань, 2003. С. 88–91.

Марков В.Н., Чижевский А.А. Погребения эпохи бронзы Мурзихинского II могильника // Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе. Москва–Казань, 2003. С. 125–133.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 2000.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предьяковская и ананьинская культурно-исторические области): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2002.

Чижевский А.А. Ананьинские (постмаклашеевские) стелы IX–VI вв. до н.э. // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М., 2005. С. 268–300.

Чижевский А.А., Марков В.Н. Стелы ананьинского типа (классификация и назначение) // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. Болгар, 1999. С. 14–16.

Сергей Кузьминых, Борис Соловьев,
Петр Старостин, Андрей Чижевский
Москва, Йошкар-Ола, Казань

«Финно-угроведение», 2005, № 2.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сануков Ксенофонт Никанорович – доктор исторических наук, профессор МарГУ

Казимов Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, директор МарНИИЯЛИ

Руотсала Хелена – доктор философских наук, доцент этнологии университета г.Турку

Куликов Кузьма Иванович – доктор исторических наук, профессор, директор Удмуртского НИИ истории, языка, литературы УрО РАН

Игнатов Михаил Дмитриевич– аспирант при кафедре коми языка Сыктывкарского государственного университета

Тимофеева Нина Вячеславовна – аспирантка кафедры финно-угорских языков МарГУ

Кириллова Роза Владимировна – аспирантка Удмуртского государственного университета

Шутова Надежда Антоновна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры финно-угорского языкознания Удмуртского государственного университета

Вершинин Валерий Иванович – старший научный сотрудник отдела языка МарНИИЯЛИ

Попов Никандр Семенович – кандидат исторических наук, заведующий отделом этнологии МарНИИЯЛИ

Сабитов Силантий Сатеевич – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой марийской литературы МарГУ

Галкин Иван Степанович – доктор филологических наук, профессор МарГУ

Изыкин Владимир Владимирович – заместитель директора научной библиотеки МарГУ

Федосеева Надежда Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора МарНИИЯЛИ

Калинина Ольга Александровна – научный сотрудник отдела этнологии МарНИИЯЛИ

Кузьминых Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН

Соловьев Борис Степанович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии МарНИИЯЛИ

Старостин Петр Николаевич – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Института истории Ш.Марджани АН Республики Татарстан

Чижевский Андрей Алексеевич – ведущий специалист главного управления охраны памятников Министерства культуры Республики Татарстан, кандидат исторических наук

CONTENTS

Greeting to the Xth International Congress of Finno-Ugrists 3
Sanukov K.N. The work and the results of the Xth International Congress of Finno-Ugrists 6

ARTICLES

Kazimov A.S. Scientific potential serves people (devoted to the 75th anniversary of the Mari Language, Literature and History Scientific Research Institute) 15
Ruotsala H. Reindeer herding in transition – the role of the women in reindeer herding 27
Kulikov K.I. T.A. Kr'ukova – a person and a scientist 38

REPORTS

Ignatov M.D. Boundary Komi toponymy 72
Timofeeva N. Expression means in Mari magic fairy tales 89
Kirillova R.V. The symbolic images in the novel «Hard yoke» by Kedr Mitrey and in the poems «Natasha» and «Italmas» by M.P.Petrov 104
Shutova N.A. On the methods of integrated teaching mother's tongue and the Russian language 112

PERSONS

Vershinin V.I. The glorious anniversary of professor I.S.Galkin 117
Galkin I.S. Difficult but joyful years 130
Popov N.S. V.A. Aktsorin and mari folkloristika (to the 75th anniversary) 136

SURVEYS AND REVIEWS

Izykin V.V. Rev.: Materials on Finno-Ugric studies in foreign information centers: bibliographical index. Compiler Krasnov I.V. The Mari State University. Yoshkar-Ola, 2005, 252 p. 150
Sabitov S.S. Rev.: A collection of Mari folklore: sayings and proverbs (compiler A.E.Kitikov). The Mari Language, Literature and History Scientific Research Institute, Yoshkar-Ola, 2004, 208 p. 153

CHRONICLE

Fedosejeva N.A. The presentation of the book «The songs of Mountain Mari people» 156
Kalinina O.A. The interregional practical seminar «National non-material culture preservation as a means of State integrity and spiritual security» 158
Kuz'minyh S.V., Solovjov B.S., Starostin P.N., Chizhevskij A.A. To the memory of Vladimir Nikolajevich Markov 161
The information about the authors 171

ОТ РЕДАКЦИИ

Убедительно просим авторов, присылающих статьи и сообщения для публикации, оформлять справочный материал в соответствии с правилами, принятыми в журнале, а также прилагать краткие резюме о работе. Для быстрейшей публикации работа должна быть представлена в электронном виде на отдельной дискете. Автор должен указать точные сведения о себе: ФИО, место работы, должность, ученая степень, область научных интересов.

Редколлегия

«Финно-угроведение», 2005, №2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.

Свидетельство о регистрации ПИ № 77–5360

Адрес редакции: 424036, г.Йошкар-Ола,
ул.Красноармейская, 44.
Телефон: 64-19-28, 45-39-94

Редактор *А.А.Крылова*
Корректор *А.А.Крылова*
Компьютерная верстка *З.Г.Воронцовой*
Обложка художника *Ю.П.Клюкина*
Английский текст *А.Л. Казыро*

Подписано в печать 22.12.2005. Формат 60x84/16. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 10,3. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Заказ № 24[illegible] Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ГУП «Марийский полиграфическо-издательский комбинат»
424000, г.Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112